

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

110

СЛАВЯНО-РУССКИЕ ДРЕВНОСТИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

110

СЛАВЯНО-РУССКИЕ ДРЕВНОСТИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „НАУКА“

МОСКВА 1967

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ответственный редактор — доктор исторических наук *Т. С. Пассек*

Зам. ответственного редактора — доктор исторических наук *П. А. Раппопорт*

Члены редколлегии:

*Н. Н. Воронин, Н. Н. Гурина, Х. И. Крис (отв. секретарь), К. Х. Кушнарeva,
А. Ф. Медведев, Н. Я. Мерперт, Д. Б. Шелов, А. Л. Якобсон*

І. ДОКЛАДЫ И ДИСКУССИИ

П. А. РАППОПОРТ

О ТИПОЛОГИИ ДРЕВНЕРУССКИХ ПОСЕЛЕНИЙ

В настоящее время археологам известно огромное количество древнерусских поселений. Эти поселения различались между собой величиной, расположением на местности, характером архитектуры и рядом других существенных особенностей; некоторые из них были укрепленными, другие — открытыми, неукрепленными. Каждый археолог стремится выявить индивидуальные особенности того поселения, которое он изучает, так как это позволяет в наиболее яркой и полной форме обрисовать картину реальной жизни. Использование остатков поселений, как источников для изучения истории страны, предполагает необходимость не только конкретного исследования каждого отдельного поселения, но и социологический анализ этого вопроса в целом. Поэтому наряду с выявлением индивидуальных особенностей каждого поселения совершенно необходимо определить, к какому типу данное поселение относится. При этом членение на типы должно производиться не по внешнему сходству, а по линии выявления основной социально-экономической сущности поселения, определения его социального характера.

Трудность этой задачи очень велика, поскольку археологические материалы почти никогда не дают исчерпывающего ответа на вопрос, какова социальная природа данного поселения. К сожалению, очень редко дают прямой ответ на этот вопрос и письменные источники. Древнерусская терминология не совпадала с нашей современной, и людей эпохи средневековья интересовало не социальное лицо поселения, а его защищенность. На Руси, как и во всей средневековой Европе, термин *город* противопоставлялся селу, деревне только в силу укрепленности. Поэтому употребление этого термина в древних письменных источниках еще совсем не определяет социальной сущности поселения. Для социальной дифференциации поселений мы можем использовать большей частью лишь косвенные данные археологии и письменных источников. И все же критическое сопоставление различных археологических и письменных источников часто дает возможность сделать в этом отношении достаточно обоснованные выводы.

Прежде всего, что такое город в социально-экономическом смысле этого слова? Это поселение, которое своим существованием обязано углублению общественного разделения труда, базировалось не на сельском хозяйстве, а на ремесле и торговле. Конечно, сельское хозяйство обычно играло существенную роль в средневековых городах, но не оно являлось основой развития их экономики. В древнерусском поселении городского типа должно было явно преобладать развитие ремесла и торговли над сельским хозяйством. Этот признак безусловно является основным; но существуют еще дополнительные, вторичные признаки города: значительная концентрация населения, военно-административное, а часто также

и церковно-административное значение поселения. Следствием концентрации в городе ремесленников и торговцев обычно является наличие здесь специфического слоя «лучших людей», появление городского самоуправления, обострение классовой борьбы.

По отношению к русским поселениям X—XIII вв. письменные источники не дают такой яркой картины городской жизни, какую можно найти, например, в новгородских и псковских летописях XIV—XVI вв. или новгородских берестяных грамотах. Однако и в ранних источниках встречаются сведения о городских восстаниях, о политическом союзе князя с горожанами, о наличии городского веча, косвенные сведения о развитом ремесленном производстве¹. Археологические источники могут значительно дополнить эти сведения данными о наличии на поселениях материальных остатков ремесла и торговли. Но здесь следует быть крайне осторожным. Не все следы производства означают наличие ремесла; ведь могло существовать и домашнее производство, предназначенное не для сбыта, а для удовлетворения собственных нужд. Открытие в Киеве так называемого жилища художника было бы недостаточно для констатации наличия городского ремесла, если бы следы производства не были найдены и во многих других жилищах Киева, а изготовленные в Киеве предметы не были бы обнаружены на значительной части древнерусской территории². Точно так же наличие дорогих импортных вещей совсем не свидетельствует о торговле, поскольку эти предметы могли попасть на поселение не только благодаря торговле, но и другим путем, например, в качестве даров, военных трофеев и пр. Возможно, что именно так и попало, например, восточное стекло в древнерусский Новогрудок³. Но объяснить находку в киевском жилище амфоры, наполненной хрустальными бусами, можно только как след производства или, вероятнее, торговли⁴.

Далеко не всегда можно использовать в качестве признака городской торговли даже монеты, поскольку наличие восточных или западноевропейских монет еще не является свидетельством внутреннего монетного обращения на Руси. Такие монеты могли быть использованы как украшения или как сырье для их изготовления.

Очень существенной особенностью средневекового города являлась концентрация в нем значительного количества населения и связанная с этим большая площадь поселения, обычно превосходящая площадь поселений сельского типа. Населенный ремесленниками городской посад очень часто укреплялся самостоятельной оборонительной линией, и именно поэтому наличие внешнего кольца оборонительных стен (окольного города) являлось характерной особенностью города⁵. Однако использовать эти признаки города для уточнения социального облика поселения можно лишь с большой осторожностью. Например, древнерусское поселение Белгород занимало огромную площадь, укрепленную валами и защищенную двумя линиями обороны, т. е. имело детинец и окольный город. Обе линии обороны в Белгороде были построены одновременно в конце X в.⁶ Вероятно, причиной значительного развития Белгорода в это время являлось не его экономическое значение, а предназначенная ему военно-

¹ М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. М., 1956, стр. 141.

² М. К. Каргер. Древний Киев, т. 1. М.—Л., 1958, стр. 484.

³ Ф. Д. Гуревич. Стекланный резной бокал из Новогрудка. СА, 1963, № 2, стр. 246.

⁴ М. К. Каргер. Указ. соч., стр. 474.

⁵ П. А. Раппопорт. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X—XV вв. М.—Л., 1961, стр. 206; W. Hensel. Archeologia o początkach miast słowiańskich. Wrocław, 1963, стр. 30.

⁶ П. А. Раппопорт. Очерки по истории русского военного зодчества X—XIII вв. М.—Л., 1956, стр. 82.

политическая роль⁷. Подобная же картина в конце X в. наблюдалась и в Переяславле. Позднее Переяславль стал большим городом, центром самостоятельного княжества. Несомненно, стал городом (хотя, по-видимому, не очень крупным) и Белгород. Однако, несмотря на явные внешние признаки, окончательно признать Белгород и Переяславль городами в социально-экономическом смысле уже в конце X в. можно будет только после проведения там серьезных археологических работ. То же самое можно сказать относительно Городца на Волге, Ступницы в Галицкой земле и ряда других древнерусских поселений. Таким образом, большая укрепленная площадь и наличие двух оборонительных линий есть лишь сигнал о возможности (или даже вероятности) наличия здесь города, но еще не окончательное доказательство этого.

Для разделения поселений городского и сельского типов в дальнейшем, вероятно, можно будет привлекать и такие данные, как наличие рыночной площади — «торга», систему планировки поселения и схему уличной сети, организацию дворов и пр. К сожалению, недостаточная археологическая изученность древнерусских поселений почти нигде еще не дает возможности использовать такие критерии⁸.

Решение данного вопроса усложняется также и тем, что сами города могли иметь различный характер. Так, в городах со сложившимся городским самоуправлением естественно должна была появиться линия обороны окольного города. Но могли существовать города, полностью подчиненные князю, имевшие характер вотчинного города; они могли иметь экономическую структуру города, но не иметь укрепленного посада. В таком случае их внешним признаком должна быть либо значительная укрепленная площадь самого детинца (например, в Переславле-Залесском), либо очень значительная площадь неукрепленного посада, примыкающего к детинцу (Пересопница). Но это все лишь предположения, для подтверждения которых нужны раскопки на значительной площади. К этому следует добавить, что всякое определение социального облика поселения может относиться лишь к совершенно определенному периоду в жизни, поскольку на протяжении нескольких столетий социальная природа поселения могла измениться.

Сложность выделения среди летописных городов поселений, которые были городами в собственном смысле слова, сказалась во многих исследованиях. Так, М. Н. Тихомиров⁹, четко разграничив социально-экономическое и древнерусское понимание термина город в работе «Древнерусские города», включил в число древнерусских городов все известные по упоминаниям в летописях города, в том числе и поселения, не имевшие городского характера¹⁰.

Между тем, если поселения, имевшие укрепленную площадь не менее 1—2 га, могут действительно в какой-то части оказаться настоящими городами, то поселения меньшей площади почти наверняка скажутся сельскими. Городище же площадью более 1 га известно всего около сотни. Таким образом, можно утверждать, что в XII—XIII вв. на Руси было не 250 городов, а во всяком случае не более 100.

⁷ Б. А. Рыбаков высказал предположение, что Белгород в конце X в. был стольным городом земли древлян (см.: Б. А. Рыбаков. Древняя Русь. М., 1963, стр. 187).

⁸ Для Москвы такие данные привлекает, например, М. Г. Рабинович (см.: М. Г. Рабинович. О древней Москве. М., 1964, стр. 69, 143, 320). Однако используемые им материалы в основном относятся к XIV—XVI вв. и лишь в незначительной степени — к предшествующему периоду.

⁹ М. Н. Тихомиров. Указ. соч., стр. 43.

¹⁰ Так, например, на Волыни безусловно не могли быть городами в социально-экономическом смысле такие незначительные укрепленные поселения, как Всеволож, Гнойница, Сапогын, Тихомль, Туринск, Устилог и др. Городища, являющиеся остатками этих поселений, были обследованы автором в 1960—1963 гг.

На основании сочетания письменных и археологических данных сейчас уже достаточно большое количество древнерусских поселений может быть отнесено к городам в социально-экономическом понимании этого слова. Более того, в ряде случаев на очередь встает вопрос об изучении «социальной топографии» того или иного города. Решение этого вопроса требует археологического вскрытия больших площадей древнего города для того, чтобы появилась возможность судить не только об экономической структуре поселения в целом, но и о том, какие группы поселения занимали определенные участки городской территории. Упрощенная схема, сводящаяся к тому, что детинец — аристократический центр, а прилегающая к нему территория — ремесленный посад, очень часто оказывается несостоятельной. Картина реальной жизни оказывается значительно более сложной и разнообразной. Так, епископские соборы находятся то на детинце (Смоленск, Владимир на Клязьме), то вне детинца (Владимир Волынский), а дома крупнейших новгородских бояр оказались расположенными вне детинца на тех же улицах, где жили рядовые ремесленники. Детальное изучение внутренней структуры территории древнерусских городов, выяснение их «социальной топографии» является одной из наиболее актуальных задач советской археологической науки.

Противоположность городу составляли сельские поселения. Деревни, населенные феодально-зависимыми крестьянами, как правило, не должны были иметь укреплений, поскольку в эпоху средневековья право строительства оборонительных сооружений обычно принадлежало только феодалам. На границе же со степью, где каждый день можно было ожидать внезапного появления врагов, очень возможно, что и деревни могли быть защищенными. Следовательно, одно только наличие укреплений еще не решает вопроса о социальном характере данного сельского поселения. В X в. процесс феодализации, по-видимому, не охватил всей территории Руси и значительная часть населения была еще свободной¹¹. Это значит, что в X в., а частично, может быть, и в XI—XII вв. существовали поселения свободных общинников. Вопрос о том, как отличить эти поселения от феодально-зависимых, особенно сложен и на основании одних только археологических данных, по-видимому, может быть решен лишь с очень большим трудом¹².

Наиболее характерным типом поселения в эпоху феодализма был замок, являвшийся одновременно и жилищем феодала и крепостью. По аналогии с западноевропейскими замками этот термин иногда относят только к каменным оборонительным сооружениям. Но социальная сущность поселения не изменится от того, что вместо каменной твердыни, стоящей на вершине холма, мы увидим дерево-земляное укрепление на плоской местности. Определяющим является наличие в феодальном обществе у представителей господствующего класса укрепленных усадеб, где их владельцы могли отсиживаться как в случае восстания подчиненного окрестного населения, так и при столкновении с войсками соседних феодалов. Такое явление характерно для древней Руси не меньше, чем для Центральной или Западной Европы.

В древнерусских письменных источниках встречаются указания на наличие у крупных бояр своих вотчинных городов, т. е. замков. Так, упоминается, например, город Вишня, принадлежавший боярину Филиппу. Некоторые бояре даже именуются по названиям своих вотчин — Климьята

¹¹ А. А. Зимин. Феодальная государственность и Русская Правда. ИЗ, 76. М., 1965, стр. 240.

¹² Для времени до сложения на Руси феодального строя все поселения должны были быть одинаковыми в социально-экономическом отношении: они не были еще ни городами, ни деревнями (см.: И. И. Лапушкин. Городище Новотроицкое. М.—Л., 1958, стр. 225).

с Голых гор, Семен Кодненский. Существуют городища, которые по их названиям удастся связать с определенными историческими лицами; таков Мстибогов городок в районе Гродно или несколько более поздний Хабаров городок в Северо-Восточной Руси¹³. Таким образом, целый ряд городищ, связанных с определенными владельцами, может быть уверенно отнесен к боярским замкам. Отличительными особенностями их являются: небольшая площадь, незначительный культурный слой и мощные оборонительные сооружения.

Значительно больших размеров были княжеские замки. Во многих случаях их будет очень трудно отличить от города не только из-за недостатка источников, но и потому, что княжеский замок иногда в действительности мало отличался от города.

В советской археологической науке, к сожалению, пока известно очень мало примеров полного археологического раскрытия феодальных замков — Любеч, Воищина¹⁴. Между тем для установления критериев того, что следует считать замком, археологические источники, безусловно, могли бы иметь не меньшее значение, чем письменные. Наличие определенного комплекса находок — дорогие импортные изделия и оружие, преобладание костей диких животных над домашними и в особенности богатое жилище, ярко выделяющееся среди прочих жилищ, — может считаться признаком феодального замка¹⁵.

Конечно, нельзя сводить все многообразие типов древнерусских поселений к городам, замкам и неукрепленным селам. В письменных источниках упоминаются неукрепленные княжеские усадьбы — «красные дворы». Кроме того, могли существовать различные варианты поселений промежуточного типа, а также укрепленные поселения совершенно особого рода — специфически военные крепости. О наличии таких крепостей можно судить по сведениям летописи, где говорится о строительстве князьями Владимиром и Ярославом городов близ Киева для защиты от печенегов. Но реально представить себе характер военных крепостей, заселенных специальным гарнизоном, стало возможно лишь после археологического исследования таких городищ XII—XIII вв., как Райки и Колодяжин. Эти раскопанные поселения имеют две наиболее яркие отличительные особенности. Первая — наличие ряда срубов хозяйственного, а иногда и жилого назначения, конструктивно связанных с каркасом оборонительного вала.

Такая конструктивная связь между хозяйственными и фортификационными сооружениями свидетельствует о том, что данные поселения строились по заранее намеченному плану, причем во время строительства укреплений заранее учитывались хозяйственные нужды населения, которое здесь будет жить. Впрочем, эта же черта характерна для многих древнерусских городищ, и было бы неосторожно все эти памятники на основании одной лишь особенности зачислять в военные крепости. Гораздо важнее с этой точки зрения вторая особенность упомянутых раскопанных поселений — наличие здесь большого количества зерна и самого разнообразного сельскохозяйственного инвентаря, найденного в одних комплексах с оружием. При этом здесь найдено дорогое рыцарское оружие — мечи, шлемы, богато инкрустированные шпоры. Исследо-

¹³ П. А. Раппопорт. Мстибогов городок. КСИА, вып. 87, 1962, стр. 105; он же. Хабаров городок. СА, 1958, № 3, стр. 225.

¹⁴ Б. А. Рыбаков. Любеч — феодальный двор Мономаха и Ольговичей. КСИА, вып. 99, 1964, стр. 21; В. В. Седов. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VIII—XV вв.). М., 1960, стр. 51.

¹⁵ Например, при раскопках в Любече на территории княжеского двора было найдено около 400 фрагментов поливной посуды, а на всей остальной территории городища всего 17 (Т. И. Макарова. Поливная керамика древнего Любеча. СА, 1965, № 4, стр. 230; См. также В. В. Седов. Указ. соч., стр. 123).

ватели, проводившие раскопки этих поселений, отметили, что здесь не было найдено жилища, настолько резко выделявшегося среди прочих своими большими размерами или богатым инвентарем, что его можно было бы считать принадлежащим владельцу данного поселения. Далее исследователи отмечают, что на этих поселениях не было признаков имущественного и социального расслоения. Очевидно, на данном поселении жили земледельцы, являвшиеся одновременно и профессиональными воинами, нечто вроде более поздних стрельцов или, скорее, казаков. Крепости типа Райков или Колодяжина, конечно, были подчинены князю, но основное их отличие от замков в том, что сам князь здесь никогда не жил. Воинами, населявшими эти крепости, командовал не местный феодал, а комендант гарнизона (как бы его ни называли в древности)¹⁶.

Помимо расчленения древнерусских поселений на различные социальные типы, немалое значение имеет вопрос о времени сложения этих типов. В общих чертах этот вопрос может быть решен достаточно определенно. Так, феодальные замки могли возникнуть лишь тогда, когда появились представители господствующего класса, имущественное положение которых определялось владением землей, т. е. когда процесс феодализации страны зашел уже достаточно далеко. Точно так же появление городов, возникновение противоположности между городом и деревней тесно связаны не только с общественным разделением труда, но и с разделением общества на классы, частной собственностью и сложением государства¹⁷. На основании письменных источников и общеполитических соображений эти процессы должны были происходить на Руси примерно в IX—X вв. К сожалению, уточнить датировку мы пока не в состоянии, хотя именно археология, несомненно, призвана сыграть решающую роль в установлении более точных дат. Попытки отодвинуть время сложения городов на Руси к VI—VII вв. оказались несостоятельными, так как не были подкреплены фактическим материалом. Убедительных доказательств существования городов на Руси до X в. мы пока не имеем¹⁸. Правда, в ряде русских городов при археологических раскопках были вскрыты слои, относящиеся к VIII—IX вв., однако нет никакой уверенности в том, что эти слои относятся к поселениям, имевшим городской характер; ведь древнерусский город мог сложиться на базе более древнего поселения еще не городского

¹⁶ П. А. Раппопорт. Из истории Южной Руси XI—XII вв. «История СССР, 1966, № 5, стр. 113. Конечно, многое еще остается неясным: каково происхождение этой социальной группы воинов-земледельцев, сами ли они обрабатывали землю или же им было подчинено население окрестных деревень и пр.? Следует отметить, что по этому вопросу существуют и другие точки зрения. Так, В. И. Довженок считает, что жители Райковедкого городища были закупками, т. е. феодально-зависимыми поселенцами, близкими по положению к рабам. (В. И. Довженок. Археологический комментарий к сведениям литературных источников о смердах и закупах. КСИА, вып. 12, 1962, стр. 34). При таком предположении в подобных крепостях должны были жить две резко различающиеся группы населения — свободные воины, владевшие дорогим оружием, и закупы, обрабатывавшие землю. Между тем все жилища в этих раскопанных поселениях относятся к одному типу, имеют приблизительно одинаковые размеры и одинаковый инвентарь. Следует добавить, что и в западноевропейской литературе не всегда достаточно четко проводится разграничение между замком и крепостью. Лишь наиболее внимательные исследователи отмечают, что замок — всегда не только крепость, но и укрепленное жилище феодала, т. е. крепость, предназначенная не для защиты страны, а для защиты самого феодала (см., например, R. Allen Brown. English medieval castles. London, 1954, стр. 19).

¹⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 3. М., 1955, стр. 49—50.

¹⁸ Замечательно, что совершенно такая же картина имеет место и в Польше. Следует отметить, что польские исследователи в последние годы уделяют большое внимание вопросам социальной дифференциации древних поселений и времени их возникновения (см., например, В. Генсэль. Применение археологического метода к исследованиям о возникновении польских городов. «Slavia antiqua», t. IX, стр. 121—136; A. Gieysztor. La ville slave du Haut Moyen-Age. Ergon., v. III, Warszawa, 1962, стр. 288—291; G. Labuda. Die Anfänge des polnischen Städtewesens im Hochmittelalter. Там же, стр. 321; Les origines des villes polonaises. Paris, 1960 и др.).

типа¹⁹. Для решения этого вопроса предстоит провести детальные и очень трудные археологические исследования в ряде древнейших русских городов.

Вопросы социальной дифференциации древнерусских поселений очень сложны. Тем не менее их необходимо ставить, необходимо решать на каждом этапе нового накопления материала, поскольку без решения этой проблемы нельзя даже и пытаться познать закономерности развития древней Руси.

¹⁹ Следует очень внимательно присмотреться к явлению, характерному для ранней истории некоторых древнерусских городов, — переносу их центра, имевшему место большей частью во второй половине X в.: поселок IX—X вв. по какой-то причине оказывается заброшенным, а неподалеку вместо него возводится детинец нового города (Новгород, Полоцк и др.).

Г. Ф. СОЛОВЬЕВА

О ВОСТОЧНОЙ ГРАНИЦЕ ДРЕГОВИЧЕЙ

Как известно, летописец, сообщая о размещении древнерусских племен, помещает дреговичей между Припятью и Западной Двиной: «...а дружини седоша межю Припятью и Двиною и нарекошася дреговичи»¹. Таким образом, он дает нам как бы северную и южную границы расселения этого племени, но не указывает ни западной, ни восточной.

В конце прошлого века началось систематическое исследование археологических памятников на территории летописных дреговичей². В первую очередь здесь необходимо отметить работы В. З. Завитневича, раскопавшего около 600 курганов.

Тщательно изучив погребальный обряд курганов начала II тысячелетия н. э., он выявил ряд особенностей, позволивших ему выделить дреговичские курганы из остальной массы восточнославянских курганов этого периода. Восточной границей дреговичей, по его мнению, являлся Днепр³.

Однако проведенные затем исследования курганов соседних племен показали, что погребение умершего на горизонте, которое В. З. Завитневич считал типичным только для дреговичей, бытовало в этот период и у древлян, и у радимичей, и у других племен⁴.

В. В. Седов в посвященной дреговичам статье⁵ привлекает для определения границы погребальный инвентарь. Еще А. А. Спицын в своей известной работе о расселении древнерусских племен⁶ впервые отметил характерный для этого племени набор украшений: перстнеобразные височные кольца с заходящими концами и крупнозерненные металлические бусы. Эти признаки считала также характерными для дреговичей и А. В. Успенская, отмечая, правда, что полутораоборотные перстни встречаются и у других племен, но в значительно меньшей степени⁷.

Таким образом, наиболее устойчивым определяющим признаком дреговичей, как отмечают все исследователи, являются металлические крупнозерненные бусы.

¹ «Повесть временных лет», ч. 1. М., 1950, стр. 11.

² Имеются в виду раскопки Н. Турбина и Е. Тышкевича.

³ В. З. Завитневич. Формы погребального обряда в могильных курганах Минской губернии. Труды IX АС, I. М., 1895.

⁴ Г. Ф. Соловьева. Славянские союзы племен по археологическим материалам VIII—XIV вв. н. э. (вятичи, радимичи, северяне). СА, № 25. М., 1956, стр. 148, рис. 5.

⁵ В. В. Седов. Дреговичи. СА, № 3. М., 1963, стр. 112 и сл.

⁶ А. А. Спицын. Расселение древнерусских племен по археологическим данным. ЖМНП, VIII. М., 1899.

⁷ А. В. Успенская. Курганы Южной Белоруссии X—XIII вв. Труды ГИМ, 22. М., 1953, стр. 119 и сл.

Картографирование погребального инвентаря междуречья р. Припяти и Западной Двины позволило В. В. Седову более точно определить границы дреговичей. Восточной границей по-прежнему был Днепр. «... на левый берег поселения дреговичей не заходили, — писал он, — исключением являются курганы у дер. Мозык на р. Соже»⁸. Принадлежность этой курганной группы дреговичам весьма сомнительна. М. В. Фурсовым и С. Ю. Чоловским⁹ здесь было раскопано три кургана. Все погребения совершены в могильной яме. В одном случае (курган № 51) яма вырыта тремя уступами, стенки обложены дубовыми бревнами и выложены берестой. Над могилами были сооружены деревянные срубы. В двух курганах никаких вещей не было найдено, кроме ножа. Для нас наибольший интерес представляет третий курган № 49, который, по-видимому, и был взят В. В. Седовым в качестве определяющего для отнесения этой группы к дреговичам. Инвентарь этого погребения весьма необычен. Здесь найдены: шесть проволоочных височных колец с завязанными концами и соединенных одно с другим кожей; височные кольца с тремя напусковыми филигранными бусами, соединенные с браслетообразными височными кольцами кожей, вырезанной в виде листочка (шесть таких колец лежали от плеч к груди по три с каждой стороны); бусы стеклянные, позолоченные, сердоликовые, горного хрусталя или топаза и из агата; золотой крест с эмалью; бубенчики в виде распускающегося цветка с ушком; массивный серебряный браслет, серебряный перстень с сапфиром, обхваченным четырьмя лапами паука, как бы выползающего из-под листы; нож или кинжал (лезвие истлело, сохранилась только рукоятка).

Относить эту группу к дреговичам мы не имеем права, по своему расположению (верховья р. Сожа) и по браслетообразным височным кольцам ее скорее можно отнести к кривичам. Хотя наличие золотого крестика и несколько необычного перстня выделяет этот курган и из обычных кривичских погребений.

Раскопки последних лет, проводимые Радимичским отрядом Приднепровской экспедиции Института археологии АН СССР, показали, что курганы с типичным для дреговичей набором украшений встречаются и на левобережье Днепра.

В 1963 г. экспедиция исследовала ряд курганных групп в Рогачевском районе Гомельской области БССР.

Близ с. Веточка были обнаружены четыре курганных группы. Две из них, почти соприкасаясь одна с другой, расположены по дороге из с. Веточки на Городец (к северо-востоку от села) и две — к юго-западу. Раскопки велись во всех четырех группах. В трех из них: Веточка I, II и III встречены характерные для дреговичей наборы украшений; Веточка IV резко отличается от этих трех групп и по инвентарю, и по обряду погребения и принадлежит радимичам.

Рассмотрим эти три дреговичские курганные группы.

Курганная группа Веточка I была расположена на берегу р. Ржавки и состояла из 15 курганов. Высота курганов от 1,3 до 3 м, диаметр от 5 до 18 м. В группе раскопано четыре кургана.

Курган № 1 (диаметр = 10,4 × 6,2; высота 2 м). На выжженном горизонте обнаружены два костяка, лежавшие вытянуто на спине, головой на юго-запад. Вещей нет.

Курган № 2 (диаметр 5 м, высота 1,26 м). На выжженном горизонте обнаружены остатки скелета, очень плохо сохранившегося, умерший лежал головой на запад. У шеи найдены янтарная бусина, позолоченная, боченкообразная, восемь стеклянных и две большие металлические бусины

⁸ В. В. Седов. Указ. соч., стр. 116.

⁹ М. В. Фурсов, С. Ю. Чоловский. Дневник курганных раскопок Могилевской губернии. Вильно, 1892.

с крупной зернью. Почти у края насыпи обнаружены обломки двух горшков, сделанных на гончарном круге.

Курган № 3 (разрушен окопом). На выжженном горизонте костяк лежал головой на восток. На левой руке умершего находилось проволочное серебряное кольцо с несомкнутыми заходящими концами; к юго-востоку от костяка — обломки горшка.

Курган № 4 сильно опакан, высота 1,8 м, в центре кургана поздняя яма. На глубине 1,4 м от вершины кургана, в центре его, были обнаружены обуглившиеся деревянные плахи, лежавшие в направлении северо-юга, с небольшим отклонением к востоку. Длина плах 70—90 см, ширина 15—20 см. Обгоревшее дерево занимало площадь около 1,5 кв. м. Среди плах в центре обнаружены остатки черепа, рядом бронзовое проволочное височное кольцо и обломки горшка. В южной части обнаружено второе погребение, рядом с черепом найдены два серебряных височных кольца с тремя напускными крупнозерненными бусами. Под умершим следы выжженного горизонта.

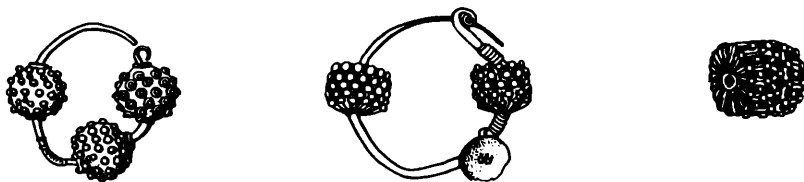

Рис. 1. Височные кольца и бусина из курганов близ д. Веточка

Вторая курганная группа расположена примерно в 2 км северо-восточнее Веточки I. Часть курганов уничтожена песчаным карьером. В 1963 г. было раскопано пять курганов.

Курган № 1 (диаметр 13 м, высота 3 м). Часть западной половины кургана осыпалась. Интересной особенностью кургана явилось золотое кольцо по краю кострища. Диаметр кольца 10,7 м; ширина утолщенной части 2,2 м, высота кольца 85—90 см. Погребение находилось на выжженном горизонте, умершая ориентирована головой на запад. Инвентарь: 34 бронзовых пуговицы, стеклянные бусы серебряные и позолоченные, мелкие зонные глухого стекла, два бронзовых пластинчатых перстня на правой руке, проволочное кольцо и перстень на левой руке; в ногах — горшок.

Курган № 4 (диаметр 6,2 м, высота 90 см)¹⁰. Умерший лежал на выжженном горизонте, ориентирован головой на запад, вещей нет.

Курган № 5 (диаметр 7,5 м, высота 1,3 м). Умершая лежала на выжженном горизонте на спине, головой на юго-запад.

Инвентарь погребения: стеклянные бусы (зеленые, бурые, светлые), ложновитое бронзовое колечко (у правой ключицы), трехбусинное височное кольцо (бусы крупнозерненные) и одна металлическая крупнозерненная бусина; витое бронзовое колечко.

Курганная группа Веточка III расположена вдоль дороги Веточка — Городец, к северо-востоку от второй группы. Здесь было раскопано пять курганов¹¹.

Курган № 1 (диаметр 8 м, высота 1,40 м) — самый маленький. Погребение в насыпи, на глубине 70—80 см от вершины, костяк лежал головой на юго-запад, сохранность очень плохая. Инвентарь: бронзовая плоская

¹⁰ В курганах № 2 и 3 погребения не сохранились, вещей нет.

¹¹ Курганы III группы отличаются своими размерами, высота некоторых из них достигает 4 м, диаметр 20 м, глубина ровиков у наиболее высоких равна 1 м, а ширина 1,5 м.

привеска (рис. 1), билоновый бубенчик, орнаментированный насечками фрагмент горшка с волнистым и линейным орнаментом.

Курган № 2 (диаметр — 7 м, высота 1,1 м). Часть кургана срезана. Погребение на горизонте, умерший ориентирован головой на восток, вещей нет.

Курган № 3 (диаметр 9 м, высота 1,3 м). Погребение совершено на выжженном горизонте, умерший ориентирован головой на восток, вещей нет.

Курган № 4 (диаметр 6,5 м, высота 1,3 м). Погребение совершено на выжженном горизонте, умершая ориентирована головой на запад. Инвентарь: перстнеобразные провололочные, несомкнутые височные кольца, ожерелья из бисера и пастовых бус.

В курганах № 5 и 6 погребений не обнаружено.

Таким образом, характерные для дреговичей металлические зерненные бусы встречаются в двух курганных группах: Веточка I и Веточка II. Курганная группа Веточка III, по-видимому, также принадлежит дреговичам, ибо расположенная рядом группа Веточка IV, принадлежавшая радимичам, имеет совершенно отличный инвентарь (семилучевые височные кольца, гривны, массу лунниц и других бронзовых привесок) и обряд погребения.

Женское погребение с металлическими крупнозерненными бусами было встречено и в другой курганной группе — близ с. Гадиловичи, Рогачевского района, на левом берегу Днепра.

Гадиловичское погребение является единственным, все остальные курганы этой группы принадлежат радимичам, и скорее всего здесь похоронена дреговичка, попавшая в род радимичей.

В 1965 г. дреговичские курганы были обнаружены также близ г. Быхова на правом берегу Днепра. В этом же районе известен ряд курганных групп с радимичскими семилучевыми височными кольцами.

Таким образом, мы можем сказать, что Днeгo не являлся границей между славянскими племенами. В свое время границу между полянами и древлянами также проводили по Днепру. Работы Б. А. Рыбакова¹² и других исследователей показали, что поляне занимали оба берега Днепра: правый и левый. Ту же картину мы наблюдаем и здесь. Дреговичские курганы переходят на левый берег Днепра, в то время как радимичские курганы встречаются на его правом берегу.

¹² Б. А. Рыбаков. Поляне и Северяне. СЭ, 1947, № 6—7, стр. 97.

Ф. Д. ГУРЕВИЧ

ЮВЕЛИРЫ ДРЕВНЕГО НОВОГРУДКА¹

Обработка цветных металлов была распространена в Новогрудке в течение всего домонгольского периода. При этом в истории ювелирного дела намечаются два этапа: первый связан с начальным периодом существования Новогрудка и охватывает X—XI вв., а второй относится к XII—XIII вв.

К раннему периоду относится немного материалов. Это каменная литейная формочка без литника, предназначенная для отливки кольцевой пряжки с кружковым орнаментом (рис. 2, 7), и обломки 12 тигельков с оплавленными стенками². Новогрудские ювелиры вырабатывали и нелитые изделия. Подкововидные пряжки, трапециевидные пластинки и другие украшения были коваными. В употреблении у ювелиров было несколько видов пуансонов, которыми наносился разнообразный геометрический орнамент. Ассортимент изделий новогрудских ювелиров X—XI вв. сравнительно невелик. Он включает восемь наименований, охватывающих около 50 изделий. Из бронзы выделялись височные кольца, бубенчики, спиральки, цепочки, подвески, пряжки, перстни и браслеты. Наряду с бронзовыми изделиями некоторые украшения, в частности подкововидные и другие пряжки, были железными.

Изделия X—XI вв. в Новогрудке носят общерусский характер. Кольцевые пряжки, отливавшиеся в формочке, о которой ранее упоминалось, а также другие кольцевые пряжки со стилизованным растительным орнаментом имеют свои аналогии в Новгороде, в могильнике Белая Вежа³ и других памятниках. Кольцевые неорнаментированные пряжки известны в Гнездове и в Белой Веже⁴. Весьма распространенными славянскими украшениями являются пластинчатые перстни с завязанными концами, известные в Новгороде, в памятниках Смоленщины и на Верхней Волге. Эти же перстни известны и за пределами славянской территории, в частности они встречаются в Бирке⁵. В гдовских курганах и в памятни-

¹ Доклад, прочитанный на заседании группы славяно-русской археологии ЛОИА АН СССР 24 ноября 1964 г.

² Подсчеты сделаны на основании материалов, добытых в околном городе за время раскопок с 1957 по 1963 г.

³ М. В. Седова. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.). МИА, № 65, 1959, рис. 7, 14; О. А. Артамонова. Могильник Саркела—Белой Вежи. МИА, № 109, 1963, рис. 48.

⁴ В. И. Сизов. Курганы Смоленской губернии. МАР, № 28. СПб., 1902, табл. 1, 11; О. А. Артамонова. Указ. соч., рис. 47, 12.

⁵ М. В. Седова. Указ. соч., рис. 10, 9; Н. И. Савин. Раскопки курганов у Дарагабускім Ельнінскім паветах Смаленскай губ. Праці археологічної комісії, II. Менск, 1930, табл. 1, 70; Т. Н. Никольская. Хронологическая классификация верхневолжских курганов. КСИИМК, XXX, 1949, рис. 4; Arbm an. Birka Tafeln. Stockholm, 1940, табл. 111.

Рис. 2. Новогрудок

1, 4 — тигельки; 2, 3, 7 — литейные формочки; 5 — обломок льячка; 6 — чашечка

ках радимичей известны аналогии узким пластинчатым перстням, изготовленным в Новогрудке⁶. Пластинчатые браслеты с несомкнутыми расширенными концами также встречаются среди древнерусских украшений⁷.

Ювелиры Новогрудка X—XI вв. во многом вдохновлялись формами украшений, характерными для соседней Прибалтики. Это относится к таким изделиям, как подкововидные пряжки со спирально согнутыми концами, которые в Прибалтике были распространены с VII—VIII вв.⁸

⁶ А. А. Спицын. Гдовские курганы в раскопках В. Н. Глазова. МАР, № 29. СПб., 1903, табл. XXII, 33; Б. А. Рыбаков. Радимичи. Праці секції археології інституту Гісторії Беларускай Акадэміі Навук, III, табл. IX, 8.

⁷ Г. Ф. Корзухина. Русские клады IX—XIII вв. М.—Л., 1954, табл. XVIII, 1, 4; XXVI, 76.

⁸ P. Kulikauskas, R. Kulikauskiene, A. Tautavičius. Lietuvos archeologijos bruožai. Vilnius, 1958, стр. 476.

В Новогрудке таких пряжек, сделанных из бронзы и железа, найдено около 20 экземпляров. Под влиянием прибалтийских форм в Новогрудке изготавливались и трапециевидные подвески. Отметим также типичные для прибалтийских украшений спиральки, которые были найдены в древнейшем комплексе Новогрудка (землянка и культурный слой X—XI вв.). Новогрудские широкие пластинчатые перстни, орнаментированные пуансоном, известны в памятниках Литвы⁹. Некоторые формы браслетов напоминают браслеты Нукшинского могильника в Латвии¹⁰ и т. д.

В X—XI вв. изделиями новогрудских мастеров пользовались жители окрестных поселений. Кольцевая пряжка со стилизованным растительным орнаментом была найдена в могильнике Коростово, расположенном в 1 км от города, а в Городиловке (4 км от Новогрудка) на поселении и в кургане найдены височное кольцо, железная и бронзовая подкововидная пряжка, бляшка и другие украшения, сходные с изделиями, изготовленными новогрудскими мастерами.

Как можно убедиться, небольшие материалы, характеризующие развитие ювелирного дела в Новогрудке в X—XI вв., весьма типичны для древнерусских поселений этого времени. Некоторая специфика данной отрасли ремесла намечается в том, что оно развивается в этот период под влиянием богатой металлической культуры Прибалтики. Однако это является отличительной чертой не только ювелирного дела Новогрудка, а свойственно многим древнерусским памятникам северо-западных областей.

Прибалтийские формы украшений в X—XI вв. производились в Новгороде, Пскове, Гродно и других городах¹¹. Такие же формы распространены в сельских поселениях этой территории, что отразилось в многочисленных курганных памятниках.

Проникновение техники обработки металла из Прибалтики в область, заселенную славянским населением, началось еще в конце I тысячелетия н. э. и наблюдается в инвентаре длинных курганов¹². С возникновением местной обработки цветных металлов в северо-западных городах древней Руси некоторые прибалтийские формы украшений начали изготавливаться и древнерусскими ремесленниками.

К XII—XIII вв. относится 70 изделий, которые можно причислить к орудиям и инструментам ювелиров. Найдено три литейных формочки. Одна — глиняная для отливки пуговки (рис. 2, 2) и две каменные: в одной отливались рифленые бляшки (рис. 2, 3), вторая, четырехсторонняя, служила для отливки крестов-тельников, бляшки и пуговки. Формочки этого времени имели литники и вентиляционные каналы. Тигельков и льячек найдено 24 экземпляра. Большая часть тигельков круглодонная (рис. 2, 1) и типична для подобных находок лесной полосы (Новгород, Белоозеро, Роданово городище)¹³. Плоскодонных тигельков всего два экземпляра (рис. 2, 4); это довольно редкая находка в древнерусских го-

⁹ R. Kulikauskiene, R. Rimantene. *Lietuviu liaudies menas*. Vilnius, 1958, № 526.

¹⁰ Э. Д. Шноре, Т. Я. Зейд. Нукшинский могильник. «Материалы и исследования по археологии Латвийской ССР», I, 1957, табл. VI.

¹¹ М. В. Седова. Указ. соч., рис. 6, 6—13; Г. П. Гроздилов. Раскопки древнего Пскова. «Археологический сборник», 4, Л., 1962, рис. 53, 4, 15; 55, 20; Н. Н. Воронин. Древний Гродно. МИА, № 41, 1954, рис. 16, 7, 9; 31, 3, 5.

¹² Н. Н. Чернягин. Длинные курганы и сопки. МИА, № 6, 1941, табл. V, 7—17; VIII, 20, 23; Е. А. Шмидт. Длинные курганы у дер. Цурковки в Смоленском районе. СА, 1958, № 3, рис. 3.

¹³ Н. Н. Стоскова. Древнерусское литейное дело. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1954, стр. 9; Н. В. Рындина. Технология производства новгородских ювелиров X—XV вв. МИА, № 117, 1963, стр. 214; Л. В. Голубева. Древнее Белоозеро. КСИИМК, XII, 1951, рис. 5, 5; М. В. Талицкий. Верхнее Прикамье в X—XIV вв. МИА, № 22, 1951, рис. 18, 2.

родах. Встречаются два типа льячек: круглодонные с ручкой (рис. 2, 5), аналогичные гродненским, и ложковидные, сходные с находками из Новгорода¹⁴.

Инструментами ювелиров являлись округлые и плоские в сечении напильники (рис. 3, 1), специальные молоточки (рис. 3, 3), наковаленки (рис. 3, 2), ножницы для резки металла, клещи, щипцы для клеймения изделий (рис. 3, 6), бронзовые и железные штампики (рис. 3, 4), пинцеты, таганок, часть медного пестика, глиняная ступка, медная тонкостенная чашечка (рис. 2, 6) и другие находки. Большая часть ювелирного инструмента известна по находкам в других древнерусских городах. Так, чашечка, подобная новгородской, была найдена в Киеве в мастерской художника и, по мнению М. К. Каргера, служила для подогревания какого-то состава¹⁵. К орудиям ювелиров следует также отнести точильные камни с желобками (рис. 3, 7). На селище в Кимрах (Верхняя Волга) такой брусок найден в мастерской кузнеца, где им пользовались при заточке игл¹⁶.

Инструментам и орудиям ювелиров сопутствовало около 200 обрезков, капель и кусков оплавленной бронзы, а также заготовки бронзового дрота. В постройке № 19 бронзовая проволока была нарезана равными частями и аккуратно перевязана куском проволоки (рис. 3, 5), в постройке № 17 лежал большой кусок согнутой проволоки. Спектральный анализ этих находок показал, что там были представлены медь, латунь и бронза, в составе которой было до 25% олова. Единично встречаются брусочки, куски и обрезки свинца.

Начиная с XII в. ювелиры Новогрудка занимались обработкой благородных металлов. В постройке № 5 был найден тигелек с каплями золота, а в постройке № 18 обнаружена капля золота весом более пяти граммов. Сырьем для изготовления украшений из серебра являлись сами серебряные изделия. Найдены обрубленные серебряные обоймочка и гривна. Следы занятия ювелирным делом обнаружены почти во всех жилых постройках, которые в это время представляли собой большие двухкамерные дома с остекленными окнами. Из 16 открытых раскопками построек инструментарий ювелира или заготовки изделий обнаружены в 11 домах. В одной из построек второй половины XII в. найдены: клещи, два ювелирных молоточка, наковаленка, два напильника и другие инструменты, а также около 30 обломков и обрезков бронзы. В другой постройке этого же времени на полу найдена глиняная формочка, обломки не менее шести тигельков, часть клещей, бронзовый штампик и обрезки бронзы. В постройке № 17 (первая половина XIII в.) встречены литейная формочка, ювелирные ножницы, обломки пяти оплавленных тигельков, бронзовая проволока, обрезки и обломки бронзы. В постройке № 4, относившейся к первой половине XIII в., найдены тигелек и точильные камни с желобками. Заготовка для подвески и обрезки бронзы лежали в постройке № 1, а в постройке № 9 обнаружены тигелек, щипцы для клеймения изделий и многочисленные куски бронзы. Обломки и обрезки бронзы найдены решительно во всех постройках¹⁷.

Картина эта совершенно необычна. В археологической литературе известно немало ювелирных мастерских как в древнерусских, так и иных городах, но во всех случаях они представляли собой единичные, выделяю-

¹⁴ Н. Н. Воронин. Указ. соч., рис. 34, 1, 2; Н. В. Рындина. Указ. соч., рис. 7, 6.

¹⁵ М. К. Каргер. Древний Киев, т. 1. М.—Л., 1958, стр. 478.

¹⁶ Н. П. Милонов. Древнерусские курганы и селища в бассейне Верхней Волги. МИА, № 13, 1950, стр. 157, рис. 6, 7.

¹⁷ Ф. Д. Гуревич. О жилищах околного города в Новогрудке. КСИА, вып. 87, 1962.

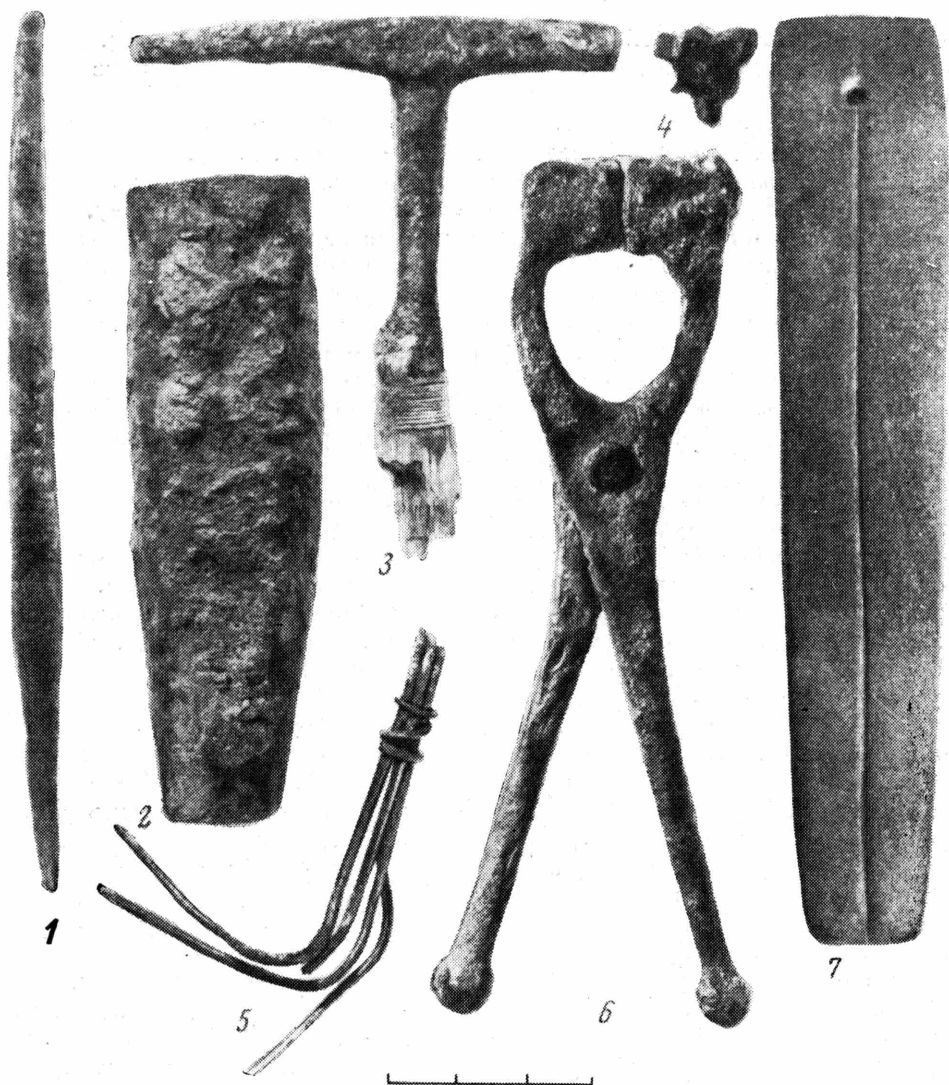

Рис. 3. Новогрудок

1 — напильник 2 — наковаленка; 3 — молоточек; 4 — бронзовый штампик; 5 — моток проволоки; 6 — щипцы для клеймения; 7 — точильный камень

щиеся среди остальных построек комплексы. Общеизвестен высокий уровень развития ювелирного дела в Киеве, но там мастерские расположены вблизи Десятинной церкви, на Фроловой горе и в нескольких других местах¹⁸. На огромной площади Неревского конца в Новгороде насчитывается лишь 10 ювелирных мастерских. В Старой Рязани, Екимавцах и других городах мастерские по обработке цветных и благородных металлов единичны¹⁹. Столь же единичны ювелирные мастерские, открытые в польских городах (Гданьск, Крушвица)²⁰.

¹⁸ М. К. Каргер. Указ. соч., стр. 377, 383.

¹⁹ Н. В. Рындина. Указ. соч., стр. 225—226; А. Л. Монгайт. Старая Рязань. МИА, № 49, 1955, стр. 139; Г. Б. Федоров. Городище Екимавцы. КСИИМК, L, 1953, стр. 117.

²⁰ Z. Hołowińska. Wczesnośredniowieczne rzemiosło złotnicze w Gdańsku. «Gdańsk wczesnośredniowieczny», I, Gdańsk, 1959, стр. 58—62; A. Cofta—Bro-

Другой особенностью ювелирного дела в Новогрудке XII—XIII вв. было то, что там не существовало никаких специальных помещений для занятий этим ремеслом. Плавка как цветных, так и благородных металлов производилась в обычных бытовых печах, около которых найдены инструменты и тигелек. Многочисленные мастерские Древней Руси, а также Прибалтики и Польши нередко совмещали в себе мастерскую и жилище, однако выплавка цветных металлов всегда производилась там в специальных горнах.

Набор украшений новогрудских ювелиров XII—XIII вв. включает 13 наименований. К изделиям местной выделки относится приблизительно 115 украшений. Появляются новые по сравнению с предшествующим периодом украшения — серьги, бусы, пугови, бляшки, накладки. На месте производятся также кресты-тельники. Наряду с украшениями ремесленники этого времени занимаются выделкой некоторых предметов утвари (ручки для ларцов, ушки для котлов, ключи и др.). В ювелирном деле XII—XIII вв. заметны некоторые усовершенствования. Так, на смену архаической формочки, в которую расплавленный металл наливался сверху, появляются тщательно обработанные формочки с литниками, а также с отверстиями для штифтов. Украшения со стеклянными вставками и находки самих вставок указывают на то, что ремесленники Новогрудка украшали металлические изделия стеклом.

Вместе с тем характерно, что объем ювелирных работ в каждой из построек чрезвычайно невелик. Максимальное число тигельков, найденных в постройках, не превышает семи экземпляров. Литейных формочек найдено всего три.

Незначительные масштабы ювелирного дела в Новогрудке особенно хорошо видны при сопоставлении инвентаря, относящегося к этой отрасли ремесла, с огромным количеством бытовых находок и предметов роскоши, найденных в тех же постройках. Ювелиры XII—XIII вв. вырабатывали довольно простые украшения. Несмотря на то, что среди их продукции были изделия из золота и серебра, мы напрасно стали бы искать среди них украшения с зернью, сканью, чернью и перегородчатой эмалью, которыми славились ювелиры Киева и Новгорода.

Среди литых изделий этого времени нет даже попыток создать имитацию богатых нелитых украшений, как это наблюдалось не только в самом Киеве, но и в Вышгороде, Княжьей горе, Колодяжине, Райках, Старой Рязани, Гродно и других городах.

Таким образом, с одной стороны, новогрудские ювелиры изготавливали изделия из золота, что обычно являлось привилегией княжеских ремесленников²¹, а с другой, очевидно, что они не достигли тех высот ювелирного мастерства, которое было свойственно передовым древнерусским городам.

Остается предположить, что археологические данные Новогрудка XII—XIII вв. рисуют специфическую организацию ювелирного дела; владельцы богатых домов, главным образом купцы, занимавшие в это время территорию окольного города, имели зависимых от них ремесленников, работавших в пределах этих же домов. Ремесленники были ювелирами-универсалами, занимавшимися горячей и холодной обработкой цветных и благородных металлов. Их изделия предназначались как для горожан, о чем свидетельствуют вещи, отлитые в литейных формочках, найденных в окольном городе, так и для окрестного населения.

ниевска. Z zagadnień obrobki metali nieżelaznych. «Slavia antiqua», IX, 1962, стр. 289—298.

²¹ Z. Raewski. Zagadnienie zlotnictwa wczesnosredniowiecznego na ziemiach Polskich. «Wiadomości archeologiczne», XX, 1954, стр. 20.

Наши выводы о ювелирах древнерусского Новогрудка сводятся к следующему: в X—XI вв. ювелиры представляли собой ремесленников небольшого древнерусского городка и обслуживали как горожан, так и окружающее сельское население. В XII—XIII вв. они предстают уже в качестве ремесленников, зависимых от новогрудских купцов, и основной их задачей является обслуживание потребностей городской верхушки. По-видимому, через купцов продукция ювелиров этого времени поступала и сельскому населению в окрестностях Новогрудка.

В. П. ДАРКЕВИЧ

КОСТЯНАЯ ПЛАСТИНКА ИЗ НОВГОРОДА

С середины XIII и до начала XV в. искусство резьбы по слоновой кости в Западной Европе монополизирует северная Франция. В Париже, создателе и распространителе моды, было сконцентрировано большинство костерезных мастерских. Локальные мастерские только имитировали образцы, создававшиеся в Париже¹.

Кроме церковной утвари (статуэток святых, диптихов, реликвариев, дароносиц) здесь изготавливались и предметы светского обихода — ларцы, футляры для зеркал, гребни и т. д. Излюбленными сюжетами резчиков на темы куртуазной поэзии были: Тристан и Изольда, Аристотель и куртизанка, приключения рыцарей короля Артура, осада Замка Любви².

Произведения французской резной кости экспортировались в другие страны, что способствовало созданию единого общеевропейского стиля готической каменной скульптуры XIV в.³

В 1962 г. в Новгороде при раскопках на Неревском конце (раскоп XXXIII, пласт 17, кв. 2175) на территории усадьбы новгородских посадников (усадьба Д) была найдена костяная накладка с изображением конных рыцарей⁴. Это произведение, которое стратиграфически датировалось второй четвертью XIV в., могло принадлежать посаднику Варфоломею Юрьевичу, который с 1316 по 1342 г. представлял в посадничестве Неревский конец⁵.

Ажурная пластинка слоновой кости в форме полуцилиндра (высота 10,3 см, диаметр 3,3 см), видимо, служила накладкой рукоятки ножа или кинжала. Она прикреплялась к основе двумя гвоздями (рис. 4).

На пластинке изображены два конных рыцаря в полном боевом доспехе. Но вместо мечей они заносят над головой цветущие ветви. Композиция построена по вертикали, что создает иллюзию длинного ряда воинов. Всадник переднего плана верхом на длинноногом гарцующем коне вырезан крупнее. Этим приемом сцене придана перспективная глубина. Второй всадник виден по пояс. Вытянув шею, его конь закинул кверху оскаленную морду. Растение между рыцарями, возможно, означает, что иррегулярное сражение происходит в густом саду.

Накладка из Новгорода — редкий образец парижской резьбы по кости. Ее дата определяется по типу снаряжения рыцарей. Кольчужный доспех, защищающий все тело воина, формируется в течение первой половины XIII в. Поверх воинской рубахи из ткани одет кольчужный

¹ R. Koechlin. Les ivoires gothiques français, t. I. Paris, 1924, p. 1, 7.

² Там же, стр. 27.

³ Там же, стр. 34.

⁴ Б. А. Колчин. К итогам работ Новгородской археологической экспедиции (1951—1962). КСИА, вып. 99, 1964, рис. 7.

⁵ В. Л. Янин. Новгородские посадники. М., 1962, стр. 179 и сл.

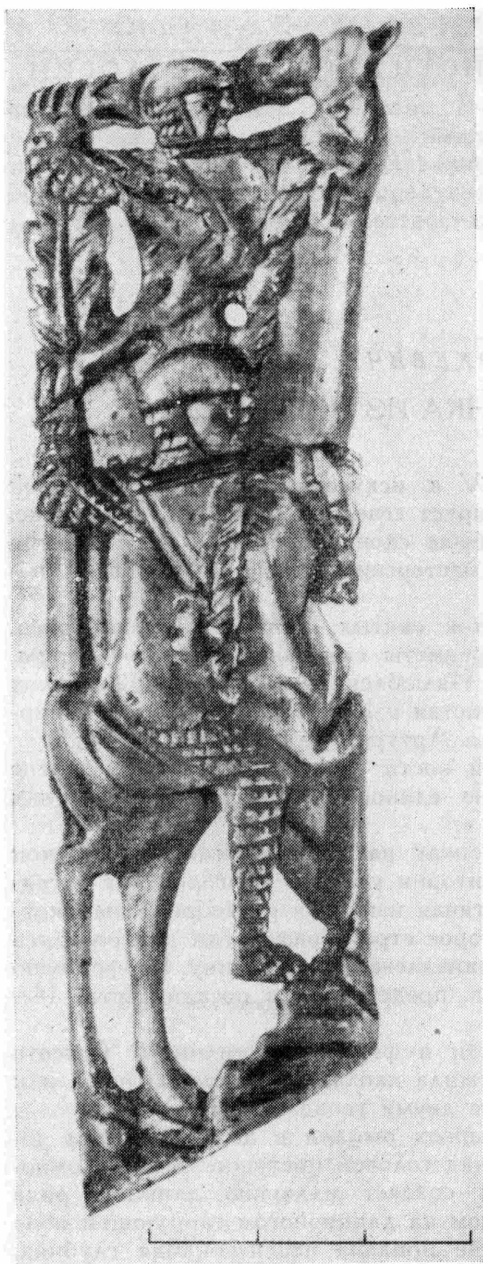

Рис. 4. Костяная пластинка из Новгорода

кусстве XIV в., особенно в резьбе по слоновой кости. Французские резчики первой половины XIV в. изображали его на крышках ларцов, створках коробочек для зеркал и других интимных безделушках, которые окру-

капюшон с широким оплечьем, отделенный от остальных частей доспеха. Чтобы края капюшона не загибались, он прикреплялся к ткани рубахи двумя или четырьмя шнурками. Этот способ ношения капюшона, позволявший в случае надобности легко освободиться от него, распространяется с конца XIII в.⁶ Основной кольчужный доспех состоит из рубахи с длинными рукавами и узких штанов, закрывающих и ступни. На капюшон одет полусферический шлем, охватывающий верхнюю часть головы (*serveillère*). *Serveillère*, выкованный из одной или нескольких стальных пластин, одевался поверх капюшона из стальных колец, составляя с ним одно целое⁷. Кольчугу прикрывает короткая матерчатая рубаха без рукавов и пояса. Ее нижний край зубчатый. Платье орнаментировано двойными черточками. Из-за кустистых грив лошадей видны маленькие щиты в форме равнобедренного треугольника, применявшиеся с конца XIII в.⁸ Следовательно, пластинка датируется концом XIII—первыми двумя десятилетиями XIV в. При дальнейшей модификации доспеха все в большем количестве в нем появляются металлические пластины.

Рыцари в аналогичном вооружении — паладины короля Артура часто изображались на парижских костяных ларцах и миниатюрах французской школы последних десятилетий XIII—первой четверти XIV в.⁹

Сцена на пластинке из Новгорода — часть аллегорической композиции «Штурм Замка Любви». Наряду с эпизодами артурового цикла это — один из излюбленных сюжетов в аристократическом ис-

⁶ M. Viollet-le-Duc. Dictionnaire raisonné du mobilier français, t. V. Paris, 1874, p. 12.

⁷ Там же, стр. 256—262.

⁸ Там же, стр. 351.

⁹ R. Sh. Loomis. Arthurian legends in medieval art. London, 1938, рис. 157, 214, 220, 250 и др.

жали сеньоров и дам. Первоначально копировались миниатюры рукописей, где этот галантный сюжет появляется со второй половины XIII в., затем его адаптировали вышивальщицы и эмальеры¹⁰.

В глубине композиции располагался замок с закрытыми воротами. На его зубчатых башнях, террасах, окнах изображались женщины, бросающие розы, отбивающие яростный штурм всадников в полном рыцарском вооружении. Иногда рыцари были вооружены не мечами и копьями, а цветущими ветвями роз. Живописный турнир наблюдает крылатый Амур с луком и стрелами.

Литературный источник темы «Штурм Замка Любви» неизвестен, однако он напоминает сходные празднества, происходившие в 1214 г. возле Тревизо в Северной Италии. Здесь был построен замок для игр. Дамы и девушки города вызвались его защищать, а молодые люди шли на штурм, осыпая осажденных фруктами, розами, лилиями и фиалками. Но скорее всего романтическая история штурма Замка Любви была распространена в устной придворной поэзии¹¹.

¹⁰ R. Koechlin. Указ. соч., т. I, стр. 403.

¹¹ Там же, т. I, стр. 404—407; т. II, № 1082, 1083, 1094, 1281.

О. В. ОВСЯННИКОВ

КРАСНЫЕ ПЕЧНЫЕ ИЗРАЗЦЫ
ИЗ ДРЕВНИХ ХОЛМОГОР¹

Археологические раскопки древнерусских городов эпохи позднего средневековья выявили такую интересную деталь внутреннего декора гражданских построек, как облицовка печей красными или терракотовыми изразцами. Красные изразцы, получив с конца XVI в. популярность в Москве, затем широко распространились и на периферии Московского государства². Сейчас, пожалуй, самым северным пунктом, где отмечено присутствие древнерусских терракотовых изразцов, являются древние Холмогоры (нижнее течение Северной Двины).

В 1960 г. при раскопках Падракурского посада (одного из пяти посадов, составлявших в XVII в. древние Холмогоры) в самой нижней части культурного слоя, которая датируется стратиграфически и по составу находок серединой XVII в., были найдены два фрагмента терракотовых изразцов³.

Однако большая часть изразцов в Холмогорах обнаружена не в культурном слое, а была собрана на бичевнике р. Курополки (один из рукавов Северной Двины), вдоль которой вытянулись древние холмогорские посады. Всего в Холмогорах собрано около 100 фрагментов красных изразцов (многие из них, к сожалению, представляли собою лишь бесформенные окатанные водой обломки). Сведения о находках изразцов в Холмогорах поступили еще в конце прошлого века: в 1896 г. К. П. Рева при осмотре

¹ Доклад, прочитанный на заседании группы славяно-русской археологии ЛОИА АН СССР 1 июня 1965 г.

² В литературе высказано в основном две точки зрения по вопросу появления красных изразцов в России: конец XVI в. (Н. В. Султанов. Древнерусские красные изразцы. «Археологические известия и заметки», № 12, 1894, стр. 369—397; А. В. Филиппов. Древнерусские изразцы, вып. 1, 1938, стр. 32; М. Г. Рабинович. Московская керамика. МИА, № 12, 1949, стр. 82) и XVII в. (эта дата поддерживается главным образом Р. Л. Розенфельдом) (см.: Р. Л. Розенфельд. Красные московские изразцы. Сб. «Памятники культуры», вып. 3, 1961, стр. 228). Находка фрагментов красных изразцов в Борисовом городке в слое, твердо датированном рубежом XVI—XVII вв., подтверждает время появления красных изразцов в конце XVI в. (П. А. Раппопорт. Борисов городок. МИА, № 44, 1955, рис. 8). За последнее время список городов, в которых обнаружены красные изразцы, значительно расширился: Батуриин, Борисов городок, Владимир, Калязин, Кашин, Кострома, Москва, Орел-городок на Каме, Переяславль-Рязанский, Спас-Тушино, Суздаль, Тверь, Углич, Ярославль.

³ Археологические раскопки в Холмогорах проводились автором в 1960 г. на средства Архангельского областного краеведческого музея. В результате работ была обследована территория древних Холмогор и полностью вскрыт сохранившийся участок Падракурского посада (площадь 560 кв. м.). Коллекции, полученные во время раскопок, поступили в Архангельский областной краеведческий музей.

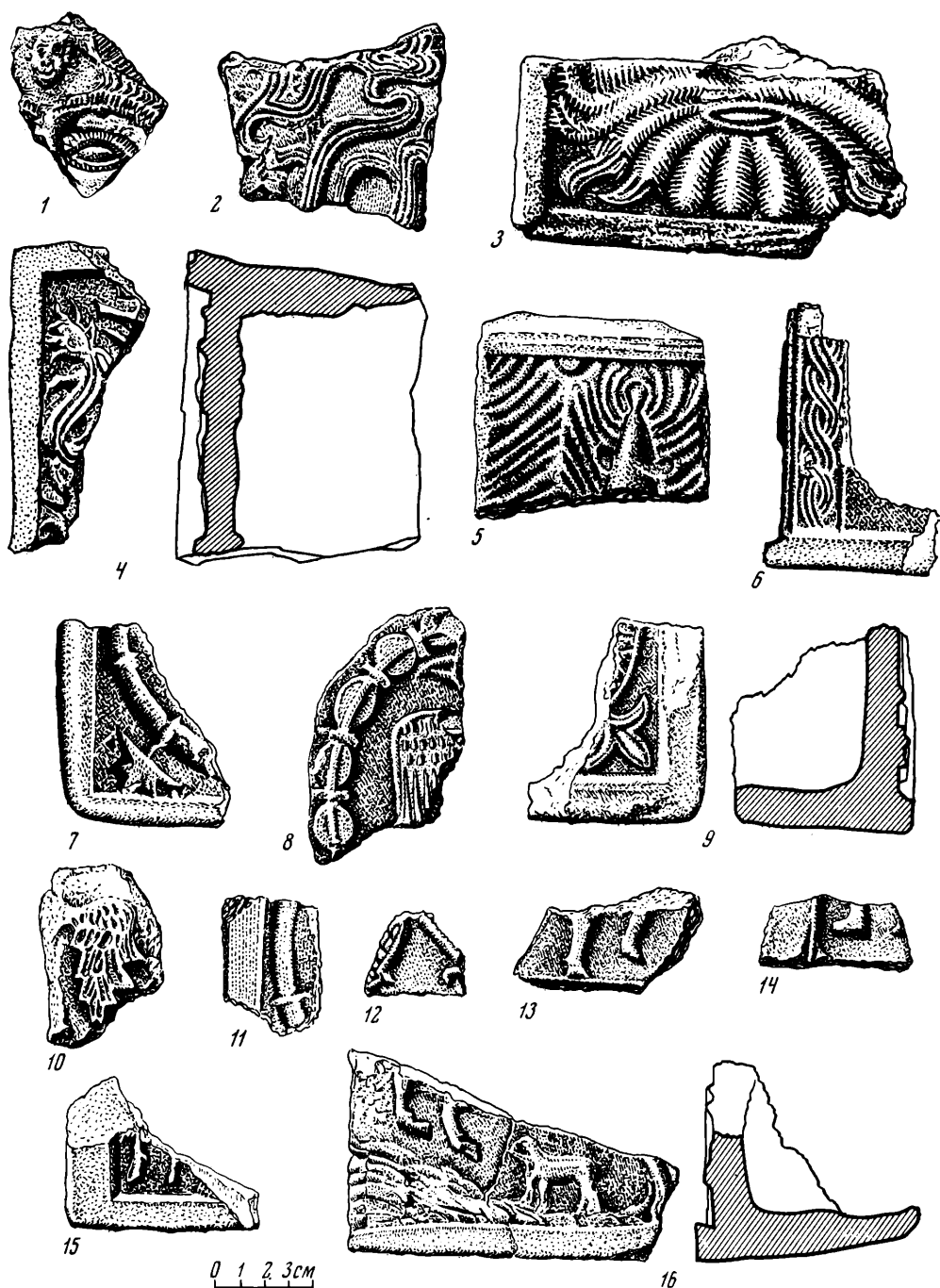

Рис. 5. Красные изразцы из древних Холмогор

разрушающегося культурного слоя по берегу р. Курополки собрал небольшую коллекцию изразцов, по всей вероятности красных⁴.

Среди найденных в 1960 г. изразцов представлены все детали изразцового убранства печи — зеркальные и поясковые, перемычки, городок.

⁴ ОАК за 1896 г. СПб., 1896, стр. 94. Дальнейшая судьба коллекции изразцов, собранных К. П. Рева, неизвестна.

Большинство изображений на зеркальных изразцах относится к традиционным сюжетам для данной группы памятников.

Сюжет с изображением всадника представлен тремя фрагментами (фигура всадника, к сожалению, отбита на всех): рис. 5, 13, 15, 16. На одном из фрагментов композиция была, вероятно, особенно динамична — лошадь встала на дыбы, передние ноги согнуты почти под прямым углом в запястном суставе и согнуты в путавом. Под крупом лошади изображено какое-то животное (олешек?) — рис. 5, 16. В Москве был найден изразец со скачущей лошастью, но холмогорский отличается более детальной моделировкой фигуры животного⁵. На одном из фрагментов сохранились нижние части ног пешего человека. Сюжет с хищной птицей, обычно заключенной в рамку, представлен несколькими вариантами (рис. 5, 7—12). На двух фрагментах сохранились изображения крыльев хищной птицы. Передача фактуры крыла (рис. 5, 8) очень близка к манере передачи перьев птицы на изразце, опубликованном Н. В. Султановым⁶, хотя нет сомнения в том, что они сделаны не в одной форме. На втором холмогорском изразце крыло передано более эмоционально, ломаными линиями (рис. 5, 10).

Любопытна группа изразцов (три фрагмента) с изображениями человеческого лица. Это очень своеобразный и ранее не встречавшийся сюжет. На одном из фрагментов (рис. 5, 1) изображено лицо ярко выраженного восточного типа с миндалевидными удлинненными глазами, густыми и широкими сросшимися бровями. На лбу человека вылеплена голова обезьяны. Второй фрагмент изразца передает те же восточные черты человеческого лица, но без головы обезьянки. Третий изразец сохранил изображение нижней части лица мужчины. Тщательно промоделирована небольшая завитая борода и пышные, с подусниками усы (рис. 5, 3). Несомненно, это изображение отражает типичное для XVII в. увлечение восточными мотивами, когда «восточное» входило в моду и пользовалось большим спросом. Именно в этот период наряду с разработкой и переработкой собственных мотивов русскому народному искусству оказались особенно пригодными сокровищницы декоративного искусства Ирана в ее сефевидской редакции⁷.

Орнаментальные композиции на фрагментах зеркальных изразцов выполнены в типичной для этой серии вещей манере передачи растительных мотивов сочными причудливо изогнутыми линиями, с включением в орнаментальную ткань розеток, кругов, многолистников (рис. 5, 2, 4). Один обломок изразца дает более строгую стилизацию растительного орнамента (рис. 5, 5).

В Холмогорах найден один угловой изразец комбинированного типа — в одно соединена угловая часть и вертикальная перемычка, украшенная пересекающимися кругами (рис. 6, 13).

Все лицевые изразцы из Холмогор имеют коробчатую румпу и рамку, оконтуривающую лицевую пластинку изразца. Толщина румпы 1—1,5 см. ширина рамки от 1,2 до 1,8 см. На одном из изразцов рамка украшена волнистым орнаментом (рис. 5, 6). Удалось определить длину стороны лишь одного зеркального изразца (фрагмент личины с бородой и усами) — 19 см.

Зеркальные изразцы подобного типа, судя по московским образцам, бытовали до середины XVII в. (по Р. Л. Розенфельду, они относятся

⁵ М. Г. Рабинович. Гончарная слобода в Москве XVI—XVIII вв. МИА, № 7, 1947, рис. 11.

⁶ Н. В. Султанов. Указ. соч., рис. 33.

⁷ Л. А. Динцес. Восточные мотивы в народном искусстве. СЭ, 1946, № 3, стр. 101.

к первой группе: начало XVII—середина XVII в., т. е. наиболее ранним)⁸.

Поясковые изразцы представлены тремя вариантами пятилистников (рис. 6, 3, 4, 5) и одним вариантом трехлистника (рис. 6, 1). Все они очень похожи на московские поясковые изразцы, но отличаются рядом деталей рисунка, что не позволяет признать их происхождение из одной формы. Имеется один фрагмент пояскового изразца, который ранее нигде не встречался. Он представляет собой что-то среднее между поясковым (уплощенный, имеет рамку) и перемычкой (небольшой овал в сечении, жгутовый орнамент), однако посередине изразца проходит горизонтальный валик, который делит плоскость на две равные части (рис. 6, 6).

Полукруглые в сечении перемычки со жгутовым орнаментом очень близки к московским (рис. 6, 9), перемычки с растительным орнаментом представлены несколькими вариантами (рис. 6, 7, 8, 9, 11, 12) и по орнаментальным композициям также близки к московским⁹, но абсолютных аналогий нет.

Поясковые изразцы имеют вместо рамки узкую окантовку (несколько миллиметров), с внутренней стороны выступает «пятка» (гребень), пояскового изразца с румпой нет ни одного. Перемычки с обратной стороны имеют такие же гребни длиной 4,6—6 см.

Большой интерес представляет еще один фрагмент красного изразца — в виде полуколонки бочонкообразной формы, плоскость ее украшена орнаментом, имеются фризы. Среди находок красных изразцов подобная деталь — ножка изразцовой печи — найдена впервые¹⁰ (рис. 6, 10).

Завершали изразцовую печь «городки», однако найден лишь один фрагмент терракотового «городка» (рис. 6, 14).

Таким образом, имея в холмогорской коллекции набор почти всех деталей декоративного убранства изразцовой печи, мы можем ознакомиться не только с новыми вариантами ранее известных сюжетов и орнаментов, но и с совершенно новыми, встреченными впервые.

Довольно значительное количество фрагментов красных изразцов, найденных в Холмогорах, свидетельствует о распространении в жилищах определенной части городского населения изразцовых печей. В связи с этим любопытен один документ 1671 г. Согласно «данной» двинского воеводы Афанасия Нестерова переводчику Тимофею Англеру на дворовое место в Холмогорах («дворовое место, что на Холмогорах бывал Аглинский двор») был поставлен «двор», но в 1674 г. Англер продал его «двинские съезжие избы подъячему Ивану Никитину сыну Ростегаеву: «... и те все хоромы: горница и с подклетом и с клетью и с сенными окончины и с печью образцовою...»¹¹

Во второй половине XVII—начале XVIII в. в Холмогорах бытовали и другие изразцы — обнаружен фрагмент изразца с зеленой и желтой поливой (сильно обгорел) и фрагмент гладкого расписного изразца голландского типа.

Пожалуй, не стоит сомневаться в привозном характере холмогорских изразцов. Об этом свидетельствует и весь комплекс керамических изделий из культурного слоя (привозные великолепные черного лощения горшки, кувшины, миски, рукомойники, с одной стороны, и грубая кухон-

⁸ Р. А. Розенфельдт. Указ. соч., стр. 229.

⁹ М. Г. Рабинович. Гончарная слобода в Москве в XVI—XVII вв. МИА, № 7, 1947, рис. 10; Р. А. Розенфельдт. Указ. соч., рис. 6 (а, г, е, ж, з).

¹⁰ Известны лишь поливные ножки изразцовых печей (см.: Н. В. Воронов и И. Г. Сахарова. О датировке и распространении московских изразцов. МИА, № 44, 1955, рис. 11; Н. В. Воронов. Изразцы. Сб. «Русское декоративное искусство», т. I. М., 1962, рис. 196.

¹¹ «Грамоты Коллегии Экономии», т. II, № 46, 52.

Рис. 6. Красные изразцы из древних Холмогор

ная посуда местного производства — с другой)¹². Стилистический анализ изображений на холмогорских изразцах позволяет высказать предположение, что изразцы на север поступали из ряда городов центральной части русского государства и в первую очередь из Москвы.

Рассматриваемая группа изразцов относится ко времени, когда главенствующая экономическая роль в северной части русского Поморья принадлежала Холмогорам. Здесь же находился и административный аппарат управления Двинской землей, верхушка духовенства (до начала XVIII в.). Экономический подъем, наметившийся в XVII в., складывание единого всероссийского рынка вовлекли в орбиту сложных и переплетающихся экономических связей и далекую северную окраину Руси. Находки в Холмогорах привозных керамических изделий, в том числе красных изразцов, наглядно это иллюстрируют.

¹² Так, на Устюжский рынок, с которым холмогорцы были тесно связаны, постоянно поступают керамические изделия из более южных городов: блюда, ставцы, рукомойники, иногда даже «глина коломенская» («Таможенные книги Московского государства», т. II, стр. 170—172; т. III, стр. 169). Это в значительной мере расширяет наши представления об объеме керамической продукции ремесленников центра Руси, условиях и районах ее реализации в эпоху складывания единого всероссийского рынка.

II. ПОЛЕВЫЕ И ЛАБОРАТОРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

И. К. ФРОЛОВ

ПОСЕЛЕНИЕ ТЕТЕРЕВКА I (VII—VIII вв.)

В 1963 г. производились раскопки на неукрепленном поселении около хутора Тетеревского Житомирской области (поселение Тетеревка I)¹. Поселение площадью 500×150 м расположено на левом берегу р. Гнилопять, в 100 м к западу от хутора.

При раскопках было вскрыто 1700 кв. м, выяснен характер культурного слоя, конструкция жилищ и сооружений, а также собран многочисленный вещевой материал. Культурный слой толщиной 40—50 см довольно однороден и состоит из гумусированного песка с тонкими золистыми прослойками, но сильно разрушен выдувами и распашкой.

На селище обнаружено 18 сооружений разнообразных типов: жилища, жилища с пристройкой, нежилые постройки, легкие наземные жилые конструкции и отдельные печи. Все они ориентированы по странам света с небольшими отклонениями.

Жилища представляют собой полуземлянки четырехугольной формы глубиной от 40 см до 1 м. Размеры жилищ: 3×3 м (№ 15), $3,5 \times 3,7$ м (№ 14). Стенки их вертикальны, выкопаны в материковом песке. Сильная сыпучесть стенок заставляла обитателей селища обкладывать их камнями и деревянными балками. Камни часто располагались по контуру жилищ и группами в непосредственной близости от столбовых ям. В жилище № 11, где обкладка крупными камнями наиболее четко выражена, слои сгоревшего дерева опирались на каменную кладку (рис. 7, 1).

В полу жилищ по углам прослеживаются ямы от опорных столбов. Это напоминает конструкции, обнаруженные на селище у с. Корчак². По углам жилища № 11 и вдоль его стенки сохранились сгоревшие столбы. Но подобная четкая планировка в большинстве жилищ не прослеживается. В жилище № 15 некоторые угловые столбы вынесены за стенки жилища, а внутри четыре ямки от столбов находятся у западной стенки. Во всех жилищах в центре обнаружены одна или несколько ямок диаметром 20—40 см.

Сгоревшие доски и балки в жилище № 6 позволяют предположить, что пол жилищ был покрыт деревянным настилом. В жилище № 15 обнаружен вход в виде ступеньки полуовальной формы, сделанной в материке у южной стены (рис. 7, 2). Три небольшие ямки от столбов, расположенные у края ступеньки, вероятно, свидетельствуют о легком навесе или перекрытии этой части жилища.

Печи-каменки расположены в различных углах жилищ. Остов печи складывался из крупных, вертикально поставленных камней размером

¹ Работы проводились Древлянским отрядом Приднепровской экспедиции Института археологии АН СССР. Начальник отряда И. П. Русанова.

² И. П. Русанова. Поселение у с. Корчак на р. Тетерева. МИА, № 108, 1963, стр. 43.

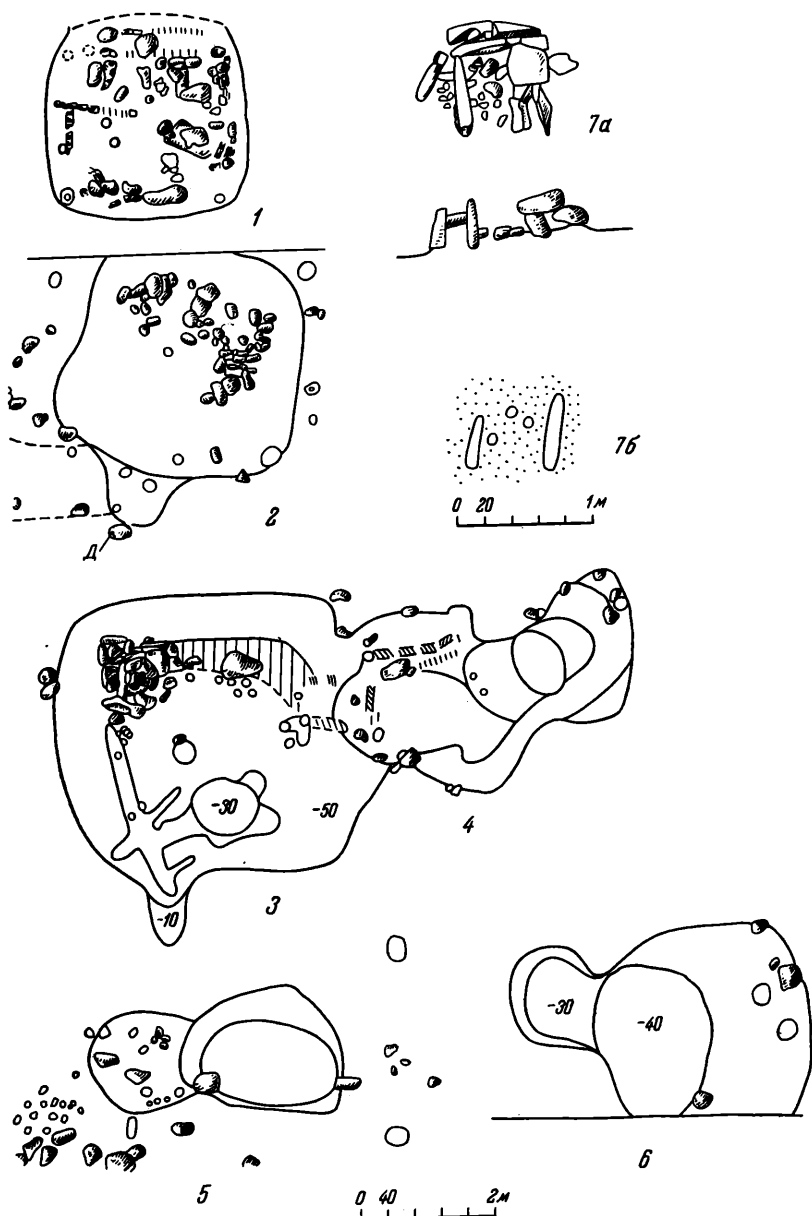

Рис. 7. Тетеревка I

1 — сооружение 11; 2 — сооружение 15; 3 — сооружение 7; 4 — пристройка 8; 5 — сооружение 15; 6 — сооружение 6; 7а — печь жилища 7 с раскрытым подом, 7б — ямки от столбов и камней конструкции печи

50—60 × 20—30 см. Камни подтесывались и часто имели прямоугольную форму, использовались и бесформенные валуны. Щели между крупными камнями заполнялись землей и обломками сосудов. Остов печи имеет П-образную форму, но в целом печь приближается к овальной (рис. 7, 7). Под печи сложен из мелких плоских камней, иногда из черепков от горшков. Подобные приемы кладки пода и печи применялись на селищах Корчак³ и Лука-Райковецкая⁴, на поселениях Винницкой

³ Там же, стр. 44.

⁴ В. К. Гончаров. Лука-Райковецкая. МИА, № 108, стр. 294, 299.

области⁵. Под помещался чуть выше уровня пола, и под ним обнаружены следы небольших столбиков (рис. 7, 7), вероятно, поставленных при сооружении печи. Следы маленьких столбиков (диаметр 5—7 см, глубина 5—10 см) имеются часто вокруг печи.

Другим типом сооружений на поселении Тетеревка I были жилища с пристройкой. Они обнаружены на восточном краю селища.

Пристройка № 8 к восточной стенке жилища № 7 имеет сложную форму (рис. 7, 4). Само жилище не отличается от описанного выше типа. Вход в южной стенке расположен против устья печи, помещенной в северо-западном углу. От входа к печи и вдоль северной, западной и южной стенок имеется темная прослойка, хорошо заметная на светлом фоне песка. Вероятно, это остатки пола или небольшого сруба. В центре его имеются ямы от опорных столбов (диаметр 40 см, глубина 20 см). Пристройка состоит из двух небольших отделений, расположенных по линии запад—восток. Одно из них, примыкающее к жилищу № 7, имеет уровень пола ниже на 10—20 см. Южная стенка с сильным откосом переходит во второе отделение. Внутри наблюдаются темные полосы истлевшего дерева, они упираются в ямки от столбов диаметром 20 см и глубиной 20 см. Вероятно, это отделение пристройки имело небольшой настил внутри. Стенки и края полуземляночного сооружения укреплялись камнями. Второе отделение пристройки, примыкающее к первому, было углублено в грунт еще на 60 см. Восточная стенка имела откосы, плавно переходящие в горизонтальную поверхность. Следы от столбов находятся по краям пристройки, стенки ее укреплены мелким камнем.

Разница конструкций первого и второго отделений позволяет судить о различном назначении этих пристроек. Если первое отделение с небольшим срубом внутри было, вероятно, нежилым сооружением типа сарая, то второе, глубоко опущенное в землю и отделенное от первого легкой перегородкой, представлялось сооружением в виде небольшого погребка. Возможно, что крыша погребка опиралась непосредственно на поверхность земли, поэтому восточная стенка второго отделения, переходя в горизонтальную поверхность, образует две полукруглые площадки по углам. Наличие на площадках камней и ямок от столбов свидетельствует об укреплении конструкций в этом месте. Вся пристройка № 8, состоящая из «сарая» и «погребка», сливается с жилищем № 7 в единое целое и принадлежит к одному строительному комплексу.

К этому же типу сооружений можно отнести жилища № 12 с пристройкой № 13. Жилище № 12 довольно крупных размеров (4 × 4,4 м) имело серое заполнение с темным слоем по дну, вероятно, от сгнившего деревянного пола. Пристройка примыкает к северной стенке жилища с некоторым смещением к востоку. Она отделена от жилища небольшой песчаной стенкой, и лишь через узкий проход (50 см) можно было попасть из жилища в это сооружение. Форма пристройки приближается к овальной с небольшим выступом в юго-восточном углу.

Пристройка № 13 не имеет четкого деления на две половины, как в предыдущем случае, но в северном конце имеется небольшое расширение в виде камеры, отделенное ямами от столбов от всей остальной площади. Пристройка по конструкции приближается к «погребу» пристройки № 8, хотя имеет глубину всего 60 см и размеры более крупные. Это сооружение погибло от пожара, поэтому в заполнении очень много угля и золы, а также большое количество фрагментов керамики.

На поселении Тетеревка I обнаружена постройка, относящаяся к типу легких наземных сооружений (жилище № 5). Это небольшое подквадратное строение (2,7 × 2,8 м) с сильно вытянутым на восток входом. Не-

⁵ П. И. Хавлюк. Раннеславянские поселения Семенки и Самчинцы в среднем течении Южного Буга. МИА, № 108, 1963, рис. 10.

сколько углубленное в грунт (10—15 см) сооружение № 5 имело ряд опорных столбов по трем углам (диаметр 40 см, глубина 30—40 см). Только в юго-восточном углу нет столба, но это объясняется наличием входа и компенсируется сдвоенными столбами в северо-восточном углу. Более мелкие столбики (диаметр 20 см, глубина 10—20 см) расположены по контуру сооружения. В северо-восточном углу имеется небольшой очажок, сложенный из камней.

Вероятно, к этому сооружению следует отнести каменную вымостку, примыкавшую к северо-западному углу строения. Вымостка занимала площадь около 3,2 кв. м и находилась несколько выше общего уровня сооружения № 5.

Другим типом сооружений селища были печи-каменки, построенные вне жилищных комплексов. Эти печи по конструкции аналогичны печам в жилищах. Все отдельно расположенные печи разрушены, от них сохранились только остатки вертикальных стенок и обожженный под. Рядом с печью № 3 находится жилище № 2. Возможно, что эти два сооружения взаимно связаны.

На поселении Тетеревка I встречаются и нежилые постройки хозяйственного назначения. Сооружение № 9 (рис. 7, 6) имеет четырехугольную форму (3,2 × 2,7 м) с небольшим полуovalным входом с западной стороны. В самом сооружении имеется два уровня (глубина 30 и 70 см). На первом обнаружены следы от столбов, вероятно, поддерживавших перекрытие. Стенки сооружения укреплены мелким камнем и имеют небольшие откосы. Сооружение № 14 (глубина 70 см, размеры 2,4 × 1,8 м) принадлежит к этому же типу (рис. 7, 5). Оно имеет овальную форму со входом, аналогичным входу сооружения № 2. Наличие довольно крупных камней и ряда мелких столбов свидетельствует о легком покрытии входа. Опорные столбы вынесены за углубленную часть сооружения и поддерживали небольшое покрытие. Такой же прием употреблялся при постройке жилища № 15, находящегося в 1,2—2 м севернее сооружения № 14.

Особое положение среди построек поселения занимает сооружение № 6. Это подчетыреугольное строение (6,1 × 4,4 м), углубленное в грунт на 1 м. По углам имелись ямы от опорных столбов, несколько вынесенные за общий контур. Посередине восточной и западной стенок расположены промежуточные столбы. Внутри сооружения был помещен деревянный сруб, занявший южную часть углубления (размеры его 3,4 на 3 м). Постройка сгорела, и от сруба сохранились нижние венцы. Сруб имел внутри крестовину из таких же обгорелых бревен. Крестовина опиралась на деревянные парные столбы в северной и южной стенках сруба. Часть пространства внутри сруба была покрыта деревянным настилом в виде плах или досок. Возможно, деревянный настил стлался по гравию и мелким столбикам, ямки от которых сохранились в материке. В северо-восточном углу сооружения имелась вымостка из небольших плоских камней. Эта постройка не имела ярко выраженного жилого характера и, возможно, играла оборонительную роль. К востоку от сооружения находилась канавка, в которой обнаружены следы от столбов и слег. Вероятно, это остатки частокола или заграждения, врытого в грунт.

Таковы основные типы сооружений, встреченные на поселении Тетеревка I. Разнообразные по назначению, они объединяются по местоположению и конструктивным особенностям в небольшие строительные комплексы, включающие жилые и хозяйственные постройки. Создается впечатление, что мы имеем дело с небольшими дворами, отвечающими нуждам небольшой семьи. Безусловно, что этот предварительный вывод требует дополнительного уточнения.

На поселении собран разнообразный керамический материал. Наиболее многочисленную группу представляют лепные сосуды (рис. 8, 1, 2).

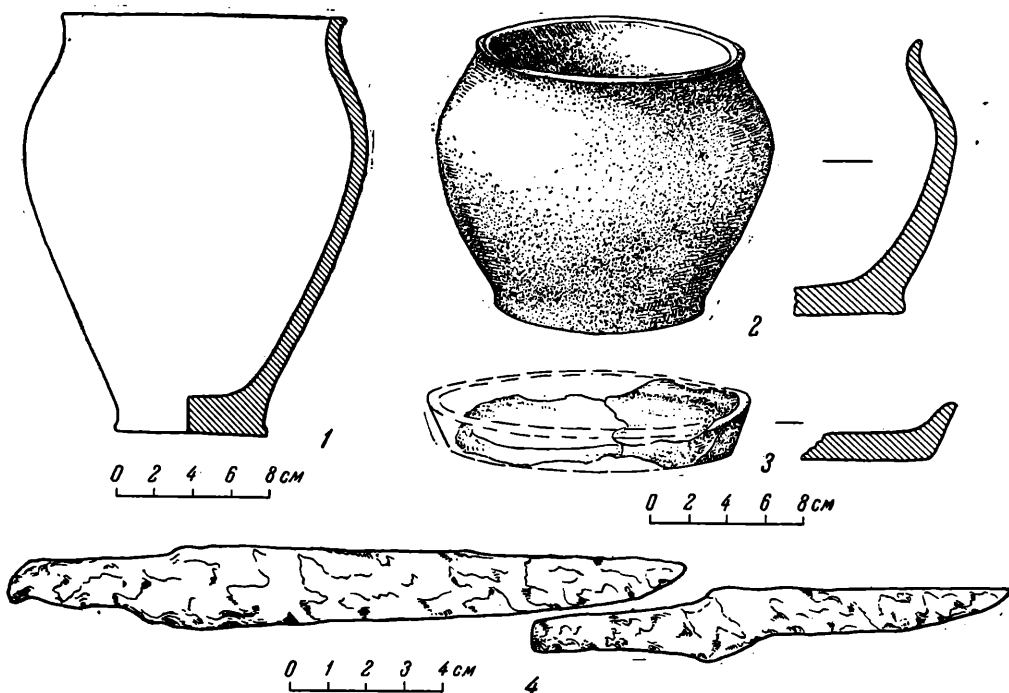

Рис. 8. Тетеревка I

1, 2 — сосуды с селища; 3 — глиняная сковорода; 4, 5 — железные ножи

По форме и составу теста они принадлежат к типам керамики, встреченным на селищах Корчак⁶, Лука-Райковецкая⁷ и на городище Хотомель⁸. На внешней стороне днищ иногда заметны следы, оставленные подставками. Б. А. Рыбаков считает лепные сосуды, сделанные на подставках, переходным типом к гончарным⁹.

Сосуды иногда орнаментировались насечками или вдавлениями по венчику, причем сам венчик носит следы утолщений орнаментального характера. Тесто сосудов плотное с примесью дресвы или песка, иногда с примесью шамота. Поверхность сосудов бугристая, шершавая или шероховатая, цвет обычно серый или серо-желтый.

Помимо лепных сосудов на поселении найдена керамика, сделанная на круге. Гончарные сосуды составляют всего 2,3% из всех сосудов, обнаруженных на селище. Они характеризуются тонкими отогнутыми венчиками, иногда орнаментированными вдавлениями или ямками. По плечикам и тулову сосуда нанесен волнистый орнамент. По форме сосуда и характеру орнамента гончарная керамика подобна сосудам из Луки-Райковецкой и Хотомеля¹⁰. На селище Тетеревка I заметен переход от лепной керамики к гончарной через переходные типы лепных сосудов с подправленным на гончарном круге верхом.

Кроме горшков на селище была найдена керамическая посуда типа сковород или тарелок (рис. 8, 3) диаметром 15—18 см. Тесто большей частью с примесью дресвы, поверхность бугристая серо-желтого цвета.

⁶ И. П. Русанова. Указ. соч., стр. 46—48.

⁷ В. К. Гончаров. Указ. соч., стр. 285.

⁸ И. П. Русанова. Археологические памятники второй половины I тысячелетия н. э. на территории древлян. СА, 1958, № 4, стр. 38—45.

⁹ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 75.

¹⁰ В. К. Гончаров. Указ. соч., рис. 11, 12; И. П. Русанова. Археологические памятники на территории древлян, рис. 6.

Аналогичные сковороды обнаружены на поселениях Корчак, Лука-Райковецкая, на городище Хотомель.

Среди керамического материала, собранного на селище, интересны так называемые хлебцы. Эти линзовидные предметы диаметром 8—9 см являются непременным компонентом керамического комплекса на селищах Корчак и Лука-Райковецкая. «Хлебцы» встречаются в заполнении жилищ, и два из них найдены в непосредственной близости от погребения. На одном из них прочерчен крест. Многочисленны пряслица биконической и цилиндрической формы. Кроме керамического материала были найдены железные предметы: ножи, шило, часть ложки (рис. 8, 46).

На поселении в 8,4 м к северо-востоку от сооружения № 6 было зафиксировано двойное погребение, сделанное по обряду трупосожжения. Два сосуда с кальцинированными косточками стояли в небольшой яме (диаметр 50, глубина 15 см). Пережженные кости находились в целом лепном сосуде (рис. 8, 2), в сосуде с отбитым венчиком и в самой ямке. Если целый сосуд был почти полностью наполнен кальцинированными костями, то в поврежденном их было немного. С южной стороны погребение было огорожено полукруглой оградкой. Вещей в погребении не было, кроме двух оплавившихся стеклянных зеленых бус.

Керамический комплекс селища Тетеревка I характеризуется бытованием лепных сосудов VII—VIII вв. н. э. и появлением гончарной керамики ранних типов. Поселение Тетеревка I относится к кругу памятников типа Лука-Райковецкая и занимает промежуточное положение между селищем Корчак и более поздними памятниками.

К. В. ПАВЛОВА

МОГИЛЬНИК НА ТЕРРИТОРИИ
ОКОЛЬНОГО ГОРОДА ДРЕВНЕГО НОВОГРУДКА

Могильник открыт на окольном городе древнего Новогрудка во время раскопок 1965 г. Раскоп был заложен в юго-восточной части исследуемой территории, между зданием бывшего летнего кинотеатра и раскопом 1957 г. Всего обнаружено 22 погребения, 18 из которых были расположены в юго-восточной части раскопа (рис. 9), а 4 — в северо-западной. Все погребения совершены по обряду труположения в неглубоких могильных ямах, вырытых в предматериковом культурном слое, в котором не всегда удается проследить их точные контуры. В единичных случаях могильные ямы на 10—15 см врезаны в материк (погребения № 1 и 2). Костяки, за исключением двух случаев, лежали в вытянутом положении, на спине, головой на запад с отклонением к югу или реже к северу. Руки сложены на груди либо на животе, в единичных случаях вытянуты вдоль туловища. Некоторые покойники были захоронены в гробах (погребения № 3, 8, 9, 11), другие — только покрыты досками (погребения № 4, 5, 10). Гроб погребения № 3 (детское) имел трапециевидную форму. Длина его 1 м, ширина у головы около 40 см, у ног — 30 см. Гробы (погребения № 8, 9, 11) прямоугольной формы, около 2 м длины, 50—55 см ширины, сложены из поставленных на ребро толстых досок. Плохая сохранность гробов не позволила выяснить способов скрепления гробовых досок между собой, но ни одного гвоздя при них не было найдено. Сверху гробы также были покрыты досками. Среди этих совершенных по христианскому обряду погребений лежали два костяка, захороненные совсем иначе. В погребении № 6 открыт костяк взрослого человека, хорошей сохранности, который лежал в скорченном положении на левом боку, головой на северо-запад. Руки согнуты в локтях, кисти притянуты к подбородку. В таком же положении, но головой на юго-запад, найден костяк ребенка в погребении № 7. Этот костяк сохранился гораздо хуже. Многие кости истлели, череп раздавлен, но положение костей рук и ног говорит о том, что ребенок был захоронен в скорченном положении, на левом боку. Руки так же, как и в погребении № 6, были согнуты в локтях, а кисти притянуты в подбородку.

Вещи обнаружены только в трех погребениях (рис. 10). При погребении № 12 в области таза лежала небольшая округлая пряжка без язычка. Подобные пряжки известны в курганах XI—XII вв. 6. Петербургской губернии¹. Близкая по форме пряжка найдена в Гнездовском могильнике². В единичных экземплярах подобные пряжки встречаются

¹ МАР, № 20, СПб., 1896, стр. 26, табл. XIV, 3.

² МАР, № 28, СПб., 1902, стр. 40, табл. II, 17; А. Ляуданскі. Археологічныя досьледы у Смаленшчыне. Працы., т. III. Менск, 1932, стр. 57, табл. XX, 9.

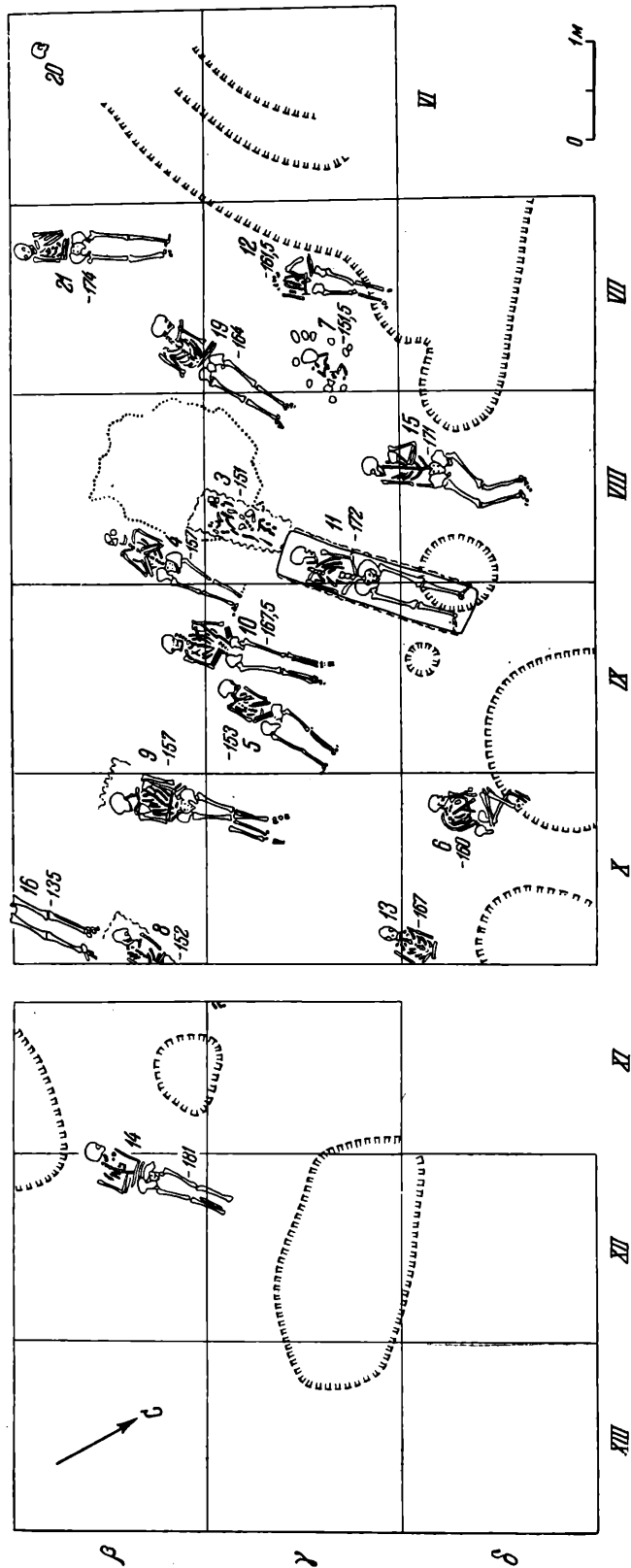

Рис. 9. Новогрудок. План юго-восточной части могильника окружающего города

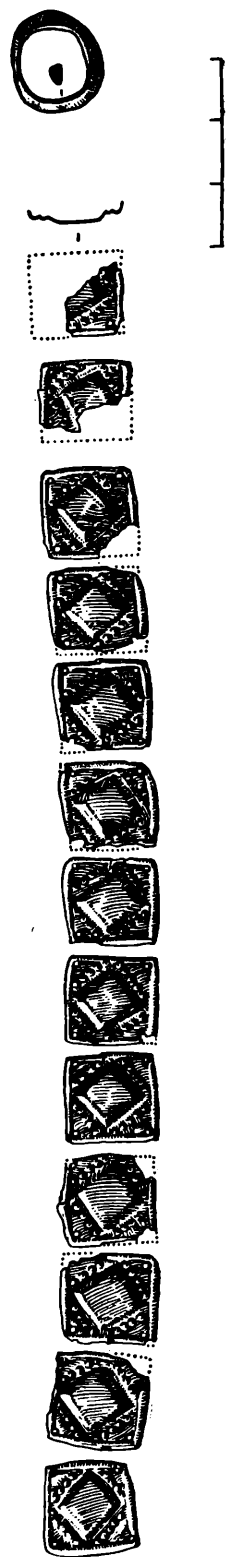

Рис. 10. Новогрудок. Вещи из погребений 12 и 13

и в других древнерусских курганах XI—XII вв. На черепе погребения № 13 найдено двенадцать тисненых серебряных с позолотой бляшек от венчика четырехугольной формы с дырочками по углам, орнаментированных поставленными на угол квадратами с пунктирным обрамлением. Аналогичные бляшки имеются в каменных могилах XIII—XIV вв. 6. Виленской губ.³ и в некоторых курганах XIII—XIV вв. 6. Петербургской губ.⁴ Таким образом, погребения окольного города древнего Новогрудка по погребальному обряду и находкам, хотя и немногочисленным, можно было бы датировать XIII—XIV вв. Но такие широкие хронологические рамки могильника не согласуются с его стратиграфическим положением и планировкой погребений. Прежде всего нужно отметить, что все погребения лежат на одной глубине с разницей залегания отдельных захоронений всего лишь в 10—15 см, очень близко друг к другу, но ни одно погребение не перекрывает и не задевает другого. Это говорит о том, что все захоронения совершены на протяжении короткого времени, в течение которого все могилы были еще видны на поверхности. 10 из 22 погребений были перекрыты остатками постройки XII в. и сгоревшей срубной постройки середины XIII в.; от первой сохранились лишь небольшие участки сгнившего деревянного настила, вероятно, пола. Постройка эта была возведена, когда кладбище было уже заброшено. Следовательно, верхняя дата могильника может быть отнесена ко времени не позднее конца XI в. Нижнюю дату могильника определяют культурные остатки, над которыми он залегает. Погребения (№ 1, 6, 11, 12) врезаются в хозяйственные ямы, в заполнении которых найдены керамика и изделия из железа X—XII вв. Это две пружины от цилиндрических замков, гвоздь и обломки кружалной керамики в яме под погребением № 1. Обломки керамики по форме венчиков (слегка отогнуты наружу, с прямым срезом) и орнаменту можно датировать концом X—первой половиной XI в. Погребение № 3 лежало на развале печи с двумя подами, в золистом слое которого, между подами, найдены обломки керамики также конца X—первой половины XI в. Такая же керамика обнаружена в яме, в которую врезается погребение № 12. Несмотря на то, что датирующий материал хозяйственных ям и других сооружений, над которыми лежат погребения, очень беден, их можно, видимо, считать синхронными постройкам раскопов 1960—1962 гг., датируемых второй половиной X—первой половиной XI в.⁵ Могильник возник здесь, вероятно, в то время, когда жизнь на этом месте на какое-то время прекратилась, т. е. во второй половине XI в. Таким образом, верхняя и нижняя даты могильника укладываются в рамки одного полувека, что еще раз подтверждает мысль о кратковременности его существования.

Могильники на территории поселений встречаются не впервые. Это известно из раскопок на городище Старая Ладога, где погребения XI—XII вв. найдены у развалин церкви св. Климента⁶. В северо-западной части городища у с. Звенигород Львовской области открыты погребения XII—XIII вв.⁷ Более 40 погребений найдено на городище у хут. По-

³ А. А. Спицын. Предполагаемые древности Черной Руси. ЗРАО, т. XI. СПб., 1899, стр. 305, табл. V, 1—10.

⁴ МАР, № 20, СПб., 1896, стр. 42, табл. XII, 1, 2, 4, 6.

⁵ Ф. Д. Гуревич. Об окольном городе летописного Новгорода X—XIII вв. СА, 1962, № 1; она же. Раскопки в Новогрудке (1960—1961 гг.). КСИА, вып. 96, 1963, стр. 51; М. В. Малевская. О датировке нижнего горизонта древнего Новогрудка. КСИА, вып. 104, 1965, стр. 87.

⁶ В. И. Равдоникас. Старая Ладога. СА, т. XI, 1949, стр. 12.

⁷ Г. М. Власова, Б. Г. Возницкий. К исследованию северо-западной части городища летописного Звенигорода. «Кр. сообщ. о полевых исследованиях Одесского госуд. университета им. Мечникова и Одесского археологического музея», 1961, стр. 115.

ловецкого Киевской области⁸. В Старой Ладогe возникновение кладбища было, вероятно, связано с постройкой церкви, рядом с которой по христианскому обычаю оно и появилось. В. И. Довженок предполагает, что могильник на городище у хут. Половецкого мог появиться в период его запустения. Но наиболее вероятной он все же считает версию о том, что «здесь могли хоронить жителей городища, погибших во время осад, которых на Руси в условиях пограничья было немало»⁹. Могильники на городищах Старая Ладога и у хут. Половецкого возникают на незастроенной к тому времени площади. Условия залегания могильника в Новогрудке совершенно другие. Могильник расположен между горизонтами двух строительных периодов в истории города, отделенных сравнительно коротким промежутком времени. В 1956, 1963 и 1965 гг. под Новогрудком было раскопано 22 кургана на могильнике у дер. Бретьянка. При этом установлено, что могильник непосредственно связан с древним Новогрудком и является его некрополем X—XI вв.¹⁰ Кроме того, в ближайших окрестностях Новогрудка имеется еще несколько курганных групп того же времени¹¹. Что же привело к тому, что жители древнего Новогрудка стали хоронить умерших почти у порогов своих жилищ при наличии кладбища, видимого с городских стен, а затем на этих же могилах вновь строить жилища? В летописи этот период в истории Новогрудка не отражен, а археологических материалов еще недостаточно, чтобы ответить на этот вопрос. Несомненно, что кладбище появилось в период временного прекращения жизни на окольном городе в результате какой-нибудь катастрофы, скорее всего военного характера. Здесь могли быть похоронены жертвы одной из осад города, когда добраться до городского некрополя было невозможно. Но, вероятно, это связано с какими-то более значительными изменениями в жизни города, возможно, его появление нужно связывать со все усиливающимся влиянием христианства. Не исключено также, что где-то вблизи этого кладбища была церковь, у стен которой оно и появилось¹².

⁸ В. И. Довженок. Раскопки древнерусских памятников на Руси в 1956 г. КСИА АН УССР, вып. 8. Киев, 1959.

⁹ Там же, стр. 152.

¹⁰ Ф. Д. Гуревич. Древности белорусского Понеманья. М.—Л., 1962, стр. 97. и сл.; К. В. Павлова. Раскопки могильника близ древнего Новогрудка. КСИА, вып. 104, 1965, стр. 99 и сл.

¹¹ Ф. Д. Гуревич. Древности белорусского Понеманья.

¹² Это предположение подтверждают единичные находки церковной утвари в ранних слоях окольного города (обломки хороса).

В. П. ВОРОБЬЕВ, С. С. ШИРИНСКИЙ

ГОРОДИЩЕ И КУРГАНЫ X—XII вв.
у ДЕР. ИЗБРИЖЬЕ

Во время археологической разведки по левому берегу р. Волги в 1961 г. нами обнаружено неизвестное ранее городище и раскопано пять курганов у дер. Избрижье Медновского района Калининской области.

Городище расположено в 250 м к западу от деревни, на левом берегу речки Избрижки при впадении ее в Волгу, на овальном в плане останце с очень ровной площадкой размерами 72×37 м, вытянутой с юго-запада на северо-восток. Никаких следов вала или рва на городище не прослеживается, въезд на него находился, очевидно, с восточной стороны.

У западного края городища был заложен шурф, свидетельствующий о наличии густо-черного культурного слоя мощностью 60 см. Весь найденный здесь керамический материал однороден — это обломки лепной посуды, характерной для верхневолжских городищ первых веков до н. э. — первых веков н. э. Среди находок следует отметить костяную орнаментированную рукоять, состоящую из двух щечек, скрепленных медными штифтами. На конце рукояти проделано отверстие для подвешивания (рис. 11, 1).

На противоположном берегу р. Избрижки при впадении ее в Волгу находится курганная группа из 139 курганов (высота 0,4—4 м, диаметр 5—19 м), имеющих форму шаровых сегментов. В разные годы В. Я. Щербаковым и В. И. Сизовым в этой курганной группе было раскопано 17 курганов¹. В настоящее время на вершинах 12 насыпей заметны следы раскопки их колодцем, 16 насыпей повреждены ямами.

В раскопанных в 1961 г. в юго-западной части группы курганов № 1, 2, 3 найдены остатки трупосожжений, произведенных на стороне.

Курган № 1. Высота — 50 см, диаметр 6,2 м. В центре кургана на уровне древнего горизонта встречено небольшое скопление пережженных человеческих костей, среди которых найден бронзовый перстень со щитком, украшенным изображением пятиконечной звезды в пуансонном ободке (рис. 11, 2). В восточной половине насыпи в ямке под дерном обнаружено несколько мелких кальцинированных костей.

Курган № 2. Высота 40 см, диаметр 5,2 м. На уровне древнего горизонта в центральной части кургана находилось овальное в плане (30×22 см) скопление пережженных костей человека без вещей.

Курган № 3. Высота 3,12 м, диаметр 16,8 м. При зачистке погребенного дерна в центре кургана обнаружена округлая в плане яма, диаметром

¹ В. А. Плетнев. Об остатках древности и старины в Тверской губ. Тверь, 1903, стр. 149—150; «Очерки по истории русской деревни». М., 1956, стр. 222, № 706.

Рис. 11. Избрижье

1 — костяная орнаментированная рукоять о городища; 2 — бронзовый перстень из кургана № 1; 3 — серебряный брактеат из кургана № 3 (в двух разворотах)

72 см, глубиной 16 см с отвесными стенками и плоским дном. В заполнении ямы найдены мелкие пережженные кости, обломок бронзовой трубочки и серебряный брактеат — подражание саманидскому дирхему 914 г.² (рис. 11, 3). Вокруг ямы на горизонте лежали обломки раннегончарной посуды.

Под курганами № 1 и 3 прослежен черный культурный слой мощностью 40 см; в котором найдены кремневые ножевидные пластинки, скребки и многочисленные обломки разнообразной лепной посуды от эпохи неолита до раннего железа.

Курганы № 4 и 5, расположенные в северо-восточной части группы, заключали в себе труположения на горизонте, ориентированные головой на запад. В кургане № 4 находилось два, очевидно, одновременных погребения женщин с браслетообразными завязанными височными кольцами и бусами глухого стекла очень плохой сохранности. В кургане № 5 был погребен мужчина, вещей не найдено.

Курганная группа у дер. Избрижье несомненно является кривичской. По перстню, украшенному изображением пятиконечной звезды, серебряному брактеату и раннегончарной керамике курганы с остатками сожженных, произведенных где-то на стороне, могут быть датированы концом X—началом XI в. Труположения в курганах № 4 и 5 датируются уже XI—XII вв.

Селище, городище и курганы у дер. Избрижье образуют важный для территории Верхней Волги археологический комплекс, дальнейшее изучение которого представляет несомненный интерес.

² Пользуемся случаем и приносим свою глубокую признательность С. А. Яниной, любезно определившей брактеат.

И. П. РУСАНОВА

КУРГАНЫ XI—XII вв.

У с. БУКИ ЖИТОМИРСКОЙ ОБЛАСТИ

Курганный могильник расположен к северу от с. Буки на высоком правом берегу р. Бобривки, левого притока р. Тетерева (рис. 12). Один курган сохранился внизу у самого берега реки, семь насыпей вытянулись цепочкой вдоль северо-восточного склона небольшого оврага, остальные находятся на противоположной стороне оврага. Этот могильник был обследован в 20-х годах С. С. Гамченко и описан им как «группа I» могильника в урочище Цыганские Лески¹. В то время в группе насчитывалось 25 курганов; два из них были раскопаны в 1921 г. В раскопанных курганах обнаружены трупосожжения и черепки урн «типа Корчак»². К настоящему времени в могильнике сохранилось 20 курганов, два из них были когда-то раскопаны колодезем. По-видимому, это не следы работ С. С. Гамченко, так как он производил раскопки «послойной съемкой земли всей насыпи»³. Диаметр курганов от 6 до 12 м, а высота — от 30 см до 1,5 м. Курганы расположены, как это обычно бывает в славянских могильниках, очень близко друг к другу, иногда соприкасаясь и даже сливаясь своими основаниями.

В 1961—1963 гг. здесь было раскопано семь курганов: один внизу у самой реки, два — на северо-восточной стороне оврага и четыре на противоположной его стороне. В трех курганах (№ 4, 5, 6) насыпи оказались нарушенными, а погребения полностью испорченными в позднейшее время. В остальных курганах четко прослеживаются погребения и особенности погребальных сооружений⁴.

Во всех семи раскопанных курганах обнаружены трупоположения. Кости скелетов, особенно черепов, сохранились плохо, но все же во всех курганах находились костяки, лежавшие головой на запад (иногда с небольшим отклонением к северу или югу), с вытянутыми вдоль тела руками. Погребенные были положены в небольшие углубления (10—20 см), вырытые в материке. Длина углублений 2,2—3,2 м, ширина 1,1—1,2 м. От деревянных гробов сохранились лишь незначительные остатки древесного тлена и железные гвозди.

¹ С. С. Гамченко. Пятилетие археологических исследований на Волыни (1919—1923 гг.). Архив Института археологии АН УССР, ф. 3, оп. 1, д. 24; В. П. Петров. Памятники корчакского типа (по материалам раскопок С. С. Гамченко). МИА, № 108, 1963, стр. 30—32.

² В. П. Петров. Указ. соч., стр. 32.

³ Там же, стр. 31.

⁴ Раскопки велись древлянским отрядом Приднепровской экспедиции ИА АН СССР. Курганы № 1—3 и 7 раскопаны И. П. Русановой, курганы № 4—6 — Л. П. Гуссак-овским.

Погребение в кургане № 2 было перекрыто сверху слоем песка с примесью золы и угля. В курганах № 3 и 7 погребения окружены слоем песка с золой, насыпанным на материке. В кургане № 1 зольно-угольного слоя около погребения не было, но отдельные кострища располагались вокруг него у подножия курганной насыпи. Во всяком случае при погребении всегда применялся огонь — следы его действия заметны или над погребенным или вокруг него.

Интересной особенностью погребального обряда являются круговые канавки с остатками частокола вокруг погребений. Они полностью или

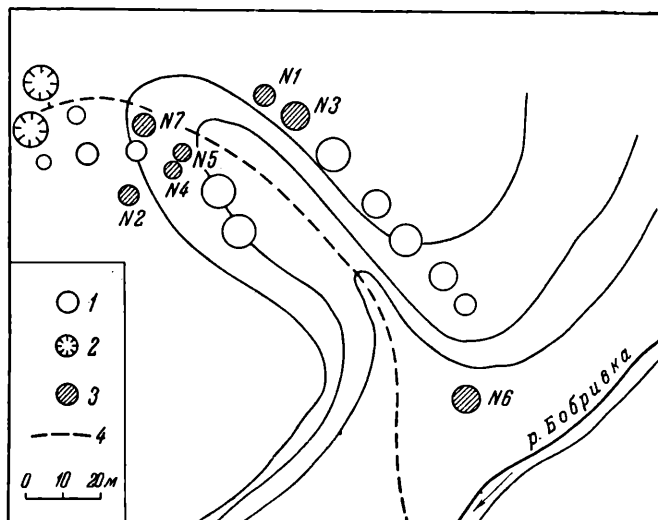

Рис. 12. С. Буки. План курганной группы

1 — курганы; 2 — курганы, раскопанные колодез; 3 — курганы, раскопанные полностью; 4 — дорога

частично прослеживаются в основании всех курганов. В кургане № 1 канавка имела форму незамкнутого с запада кольца диаметром около 4 м. Ширина канавки 20—30 см и глубина в материке 10—20 см (рис. 13). В кургане № 7 канавка имела форму замкнутого кольца диаметром 5,5—5,7 м, ширина ее — 20—40 см, глубина в материке — около 20 см. По дну канавки сохранились ямки от частокола. Колья были забиты в дно канавки на глубину 10—15 см и находились на расстоянии 20—40 см друг от друга (рис. 14). Частокол не был сожжен и поэтому выделяется в материковом песке лишь слабоокрашенным серым слоем и более мягким грунтом.

Инвентарь при погребениях очень беден. В курганах найдены два маленьких проволочных колечка со слегка заходящими друг за друга концами (курган № 3), височное кольцо с надетой на него зерновой бусиной и пластинчатый перстень (курган № 7), стеклянная зеленая бусина (курган № 1), позолоченные бусы (курганы № 5 и 7), сердоликовая призматическая бусина (курган № 5). Кроме того, найдены два железных ножа и отдельные черепки сосудов, обычно разбросанные в насыпи и под насыпью в основании курганов. В кургане № 1 у бедренной кости погребенного лежало калачевидное железное кресало и кремь. В целом инвентарь погребений по своей бедности и по составу — единичные бусины, проволочные височные кольца — типичен для курганов древлян. Весь комплекс вещей в курганах — бусы, калачевидное кресало,

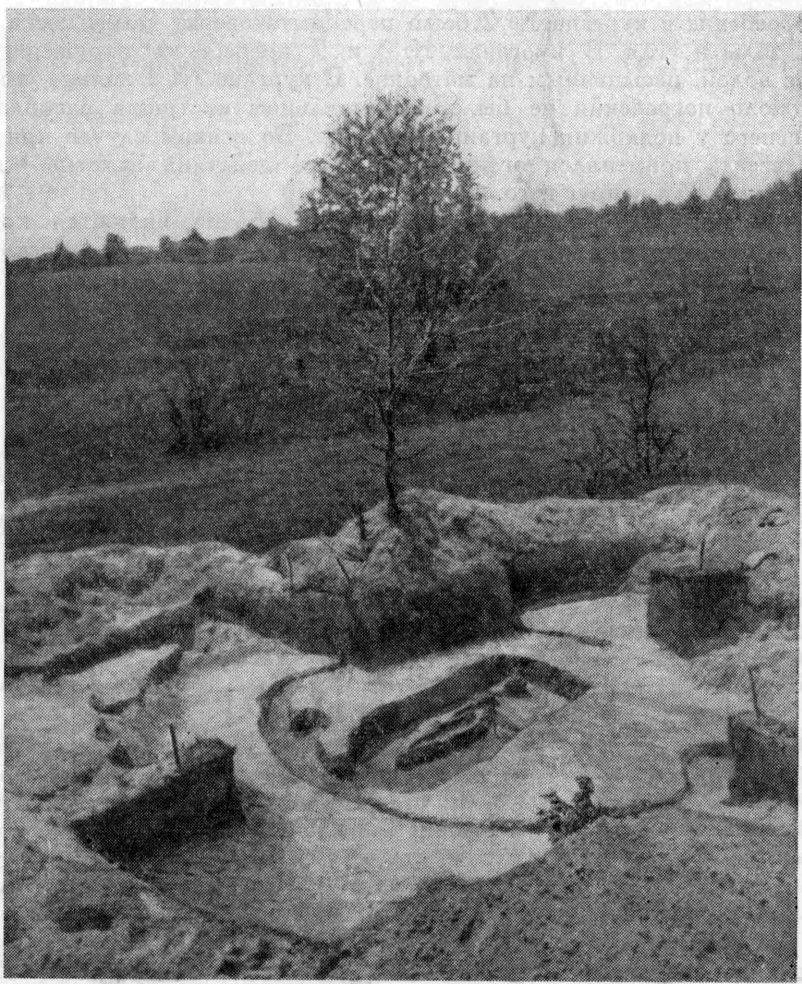

Рис. 13. С. Буки. Курган № 1, вид с северо-востока

обломки гончарных горшков — позволяет датировать курганы у с. Буки XI—XII вв.

Два кургана, раскопанные в этом могильнике С. С. Гамченко, резко отличаются от описанных выше и по обряду погребения и по инвентарю. Они находились в северо-западном конце могильника, теперь уничтоженном распахкой, и в то же время в непосредственной близости от курганов, раскопанных в последние годы. Все семь курганов, исследованных древлянским отрядом в различных частях могильника, дали один обряд погребения — труположение. Может быть, в описание С. С. Гамченко вкралась ошибка? Прежде всего вызывает сомнение урновый характер трупосожжений в раскопанных им курганах. В описании курганов сказано, что черепки урн составляли скопление размерами $1,37 \times 1,93 \times 0,17-0,26$ м. Кальцинированные кости, уголь и зола находились ниже этого скопления и занимали площадь $2,19 \times 1,98 \times 0,05$ м (курган № 4)⁵. Следовательно, черепки сосудов находились в насыпи курганов выше погребения. Если учесть, что рядом с могильником были селища второй половины I тысячелетия н. э., то возможно, что черепки попали сюда из культурного слоя

⁵ В. П. Петров. Указ. соч., стр. 32.

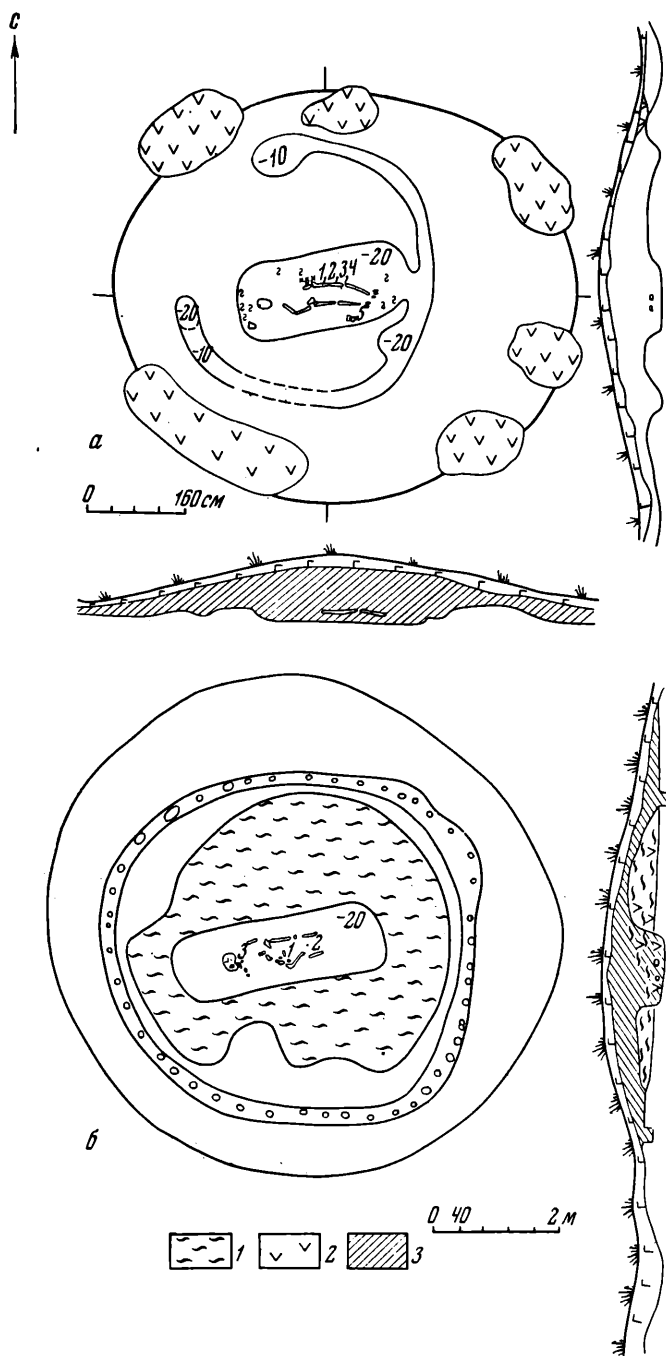

Рис. 14. С. Буки: а — курган № 1, план и профиль;
 б — курган № 7 — план и профиль
 Условные обозначения: 1 — зола; 2 — уголь; 3 — насыпь кургана

селища. Несколько лепных черепков было найдено и в насыпи явно позднего кургана № 1. Сохранность костей в курганах очень плохая, встречаются зола и уголь, это могло ввести С. С. Гамченко в заблуждение относительно обряда погребения в раскопанных им курганах⁶.

Обряд погребения в курганах у с. Буки восстанавливается в следующем виде. До погребения покойника или сразу же после его захоронения на материке разжигался костер, от которого сохранился слой с золой и углем, а иногда с мелкими черепками гончарных сосудов. Затем остатки кострища окружались канавкой с частоколом и засыпались землей. Иногда с внешней стороны оградки также разжигались костры. Землю для насыпи кургана брали с окружающего курган участка, отчего кругом насыпи образовывался ровик.

Кольцевые канавки вокруг погребения фиксируются в древнерусских курганах довольно редко. Это, по-видимому, объясняется тем, что обнаружить их трудно, тем более, что в последние годы раскопки курганов на Волыни почти не производились. При дореволюционных исследованиях насыпей колодцем проследить их было невозможно. И все же кольцевые канавки в курганах известны. В кургане у с. Ягнятин на р. Ростовице, раскопанном Е. В. Махно, костяк лежал в могильной яме глубиной 1 м, которая находилась в центре кольца диаметром 8,4 м, образованного деревянными столбами. Сохранилось 20 столбов на высоту 10—15 см. В кургане найдены бронзовые проволочные колечки, железный гвоздь и черепки сосудов⁷. По обряду погребения и по инвентарю курган в Ягнятине принадлежит к погребальным памятникам полян, широко распространенным на правом и левом берегах среднего Днепра⁸. В земле дреговичей частокол из бревен был встречен в двух курганах у с. Ясенец Ганцевического района Брестской области⁹ и в курганах у с. Мохова Гомельской области, где В. Э. Завитневичем были обнаружены «круги из вертикальных столбов», расположенные около погребений на горизонте¹⁰. Возможно, сооружение такого же типа имелось и в кургане у с. Акулинка около г. Мозыря. Здесь по окружности кургана проходило угольное кольцо шириной около 30 см¹¹. На Смоленщине в кургане у с. Матвеево на р. Волость кольцевая канавка окружала погребение в могильной яме. Ширина канавки 30 см, глубина 20 см¹². Все перечисленные курганы датируются X—XII вв. и свидетельствуют, что в это время кольцевые оградки в курганах бытовали на широкой территории. Они известны на землях древлян, полян, дреговичей и кривичей.

Во второй половине I тысячелетия н. э. кольцевые оградки были характерны для курганов вятичей. Они широко распространены в курганах на Дону¹³, в бассейне Верхней Оки, встречены в кургане с трупосожже-

⁶ С. С. Гамченко произвел многочисленные и очень плодотворные разведки на Житомирщине, открыл совершенно новые и до него неизвестные памятники второй половины I тысячелетия н. э., но, к сожалению, весь подъемный материал, собранный при своих разведках, он считал остатками разрушенных погребений. Селища в его дневниках не упоминаются ни разу. Он описывает погребения с трупосожжениями в каменных ящиках там, где впоследствии были открыты жилища с печами-каменками, например на месте поселения № 1 у с. Корчак.

⁷ Е. В. Махно. Ягнятинська археологічна експедиція. АП УРСР, т. III. Київ, 1952, стр. 165—168.

⁸ И. П. Русанова. Курганы полян X—XII вв. САИ, вып. Е1—24, 1966.

⁹ Раскопки Пинского краеведческого музея под руководством Б. В. Миролюбова.

¹⁰ В. Э. Завитневич. Вторая археологическая экскурсия в Припятское Полесье. ЧИОНЛ, т. VI. Киев, 1892, стр. 14—16.

¹¹ Раскопки П. Ф. Лысенко 1961 г.

¹² В. В. Седов. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли. МИА, № 92, 1960, стр. 149—150.

¹³ П. П. Ефименко, П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону, МИА, № 8, 1948, стр. 79—90.

нием у с. Дубосище под Смоленском¹⁴. К более раннему времени относятся оградки в курганах у деревень Шаньково и Почепок¹⁵. П. Н. Третьяков связывает появление этих сооружений в курганах с влиянием круглых святилищ балтов, открытых на городищах Смоленщины¹⁶. Но идея кольцевых оградок в курганах была присуща многим народам с древнейших времен. Известны они и далеко на Западе, например, в курганах римского времени в Чехословакии¹⁷. По-видимому, такое же ритуальное значение, как и деревянные оградки, имели кольца из камней в основании многих курганов, в частности в сопках и в длинных курганах около Пскова¹⁸.

¹⁴ В. В. Седов. К вопросу о классификации смоленских курганов. КСИА, вып. 81, 1960, стр. 9—12.

¹⁵ Н. И. Булычев. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М., 1899, стр. 5—7.

¹⁶ П. Н. Третьяков. Городища-святилища левобережной Смоленщины. СА, 1958, № 4, стр. 186.

¹⁷ V. Budinsky-Krička. Staromaderský náčelnický hrob zo Zemplína. Archeologické rozhledy, XVII, 3, 1965, стр. 309—310.

¹⁸ С. А. Тараканова. Псковские курганы с трупосожжением. КСИИМК, вып. XXXVI, 1951, стр. 142—143.

А. А. ЮШКО

РАСКОПКИ КУРГАНА XI—XII вв.
У с. ПОКРОВ МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ¹

Курганная группа с. Покров расположена на левом берегу р. Конопелки, правого притока Пахры, на территории, прилегающей к современному кладбищу с. Покров². Она состоит из 18 насыпей (диаметр 6,7—18 м, высота 0,9—3,6 м). 14 курганов раскопаны в 1865 г. А. П. Богдановым и Н. Г. Керцелли³, однако плохо сохранившиеся материалы раскопок не дают полного представления о раскопанной группе. В 1964 г. группа обследовалась Р. Л. Розенфельдом⁴, который обнаружил северо-западнее, близ церкви с. Покров, селище, отнесенное им к Покровской курганной группе.

Нами раскопан один из четырех сохранившихся курганов — курган № 13 (диаметры 12 и 10 м, высота 2,75 м), расположенный в южной части группы на территории, свободной от леса.

Всего в кургане обнаружено четыре погребения на разных горизонтах, скелеты ориентированы головой на запад (рис. 15).

Погребение № 1 (юго-восточный сектор, глубина 1—0,5 м) — ребенок 5—6 лет⁵. Судя по набору украшений, погребение женское. Череп раздавлен, от костяка сохранился лишь обломок лучевой кости и ребер. Все украшения очень миниатюрны — пятилопастное височное колечко, двузигзаговый решетчатый перстень, привеска с прорезным крестом, эсоконечное височное колечко, пластинчатый перстень и 17 пастовых бус (рис. 16, 1—6).

От погребения № 2 (ребенок 6—7 лет) (юго-западный сектор, глубина 1,3 м) сохранился также лишь раздавленный череп. Вещей нет.

На глубине 1,47 м в северной половине кургана обнаружено погребение № 3 (женщина 23—25 лет). Костяк хорошей сохранности, нет лишь лучевой кости правой руки и фаланг рук и ног. Хорошо восстанавливается убор погребенной. Голова ее была украшена шерстяной повязкой с нашитыми на нее бронзовыми полусферическими (сдвоенными) бляшками. На повязке держались семилопастные височные кольца по четыре с каждой стороны, в которые были вплетены русые пряди волос. На шее — серебряная двускатно-пластинчатая гривна, внутри ее лежало распавшееся ожерелье из нанизанных на конские волосы 36 сердоликовых

¹ Раскопки производились автором летом 1965 г. в составе Московской экспедиции (начальник А. Ф. Дубынин).

² С. К. Богоявленский. Материалы к археологической карте Московского края. МИА, № 7, 1947, стр. 173.

³ А. П. Богданов. Материалы для антропологии курганного периода в Московской губернии. ИОЛЕА, т. IV. М., 1867, стр. 70.

⁴ Р. Л. Розенфельдт. Отчет об археологических разведках в Московской области в 1964 г. Архив ИА, р. 1, № 2975, стр. 10—11.

⁵ Антропологический материал был определен В. П. Алексеевым.

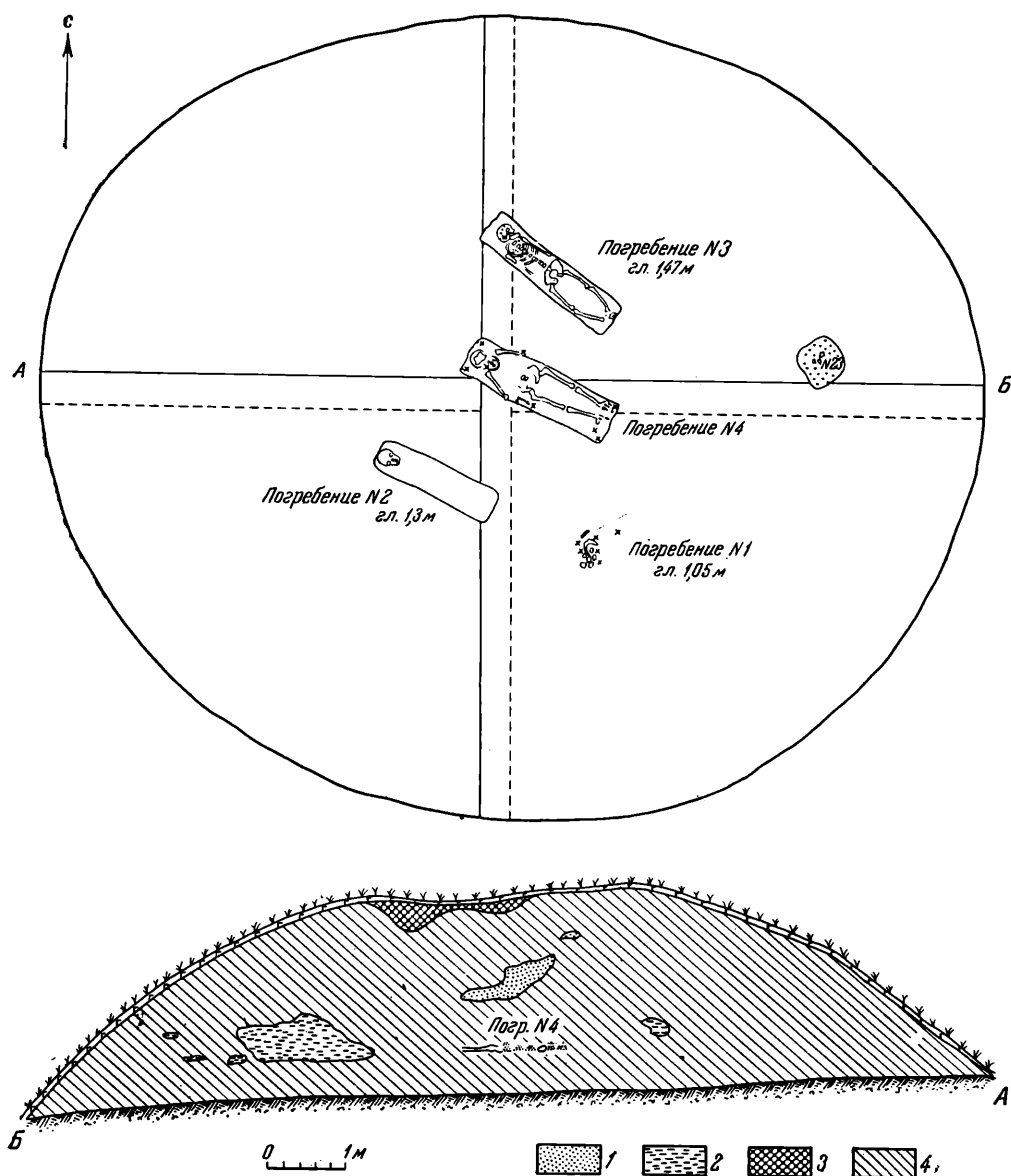

Рис. 15. С. Покров. Материалы из раскопок кургана № 13. План и разрез
Условные обозначения: 1 — песок; 2 — спекшаяся светлая глина; 3 — гумусированный культурный слой;
4 — твердая однородная супесь

бипирамидальных и 16 хрустальных шаровидных бус. В ногах — гладкий перстень (рис. 16, 7—11).

Погребение № 4 — центральное, оно расположено на глубине 2,1 м от вершины кургана. Молодая женщина 33—35 лет погребена в богатом уборе, состоящем из набора в шесть вятичских височных колец, витой загнутоконечной гривны, двух витых завязанных браслетов, двух перстней на правой руке — витого и пластинчатого широкосрединного. В области грудной клетки — ожерелье из 60 бипирамидальных сердоликовых и 16 хрустальных шаровидных бус, монетовидной сердоликовой бусины, двух бусин полусферических биллоновых и биллоновой бипирамидальной.

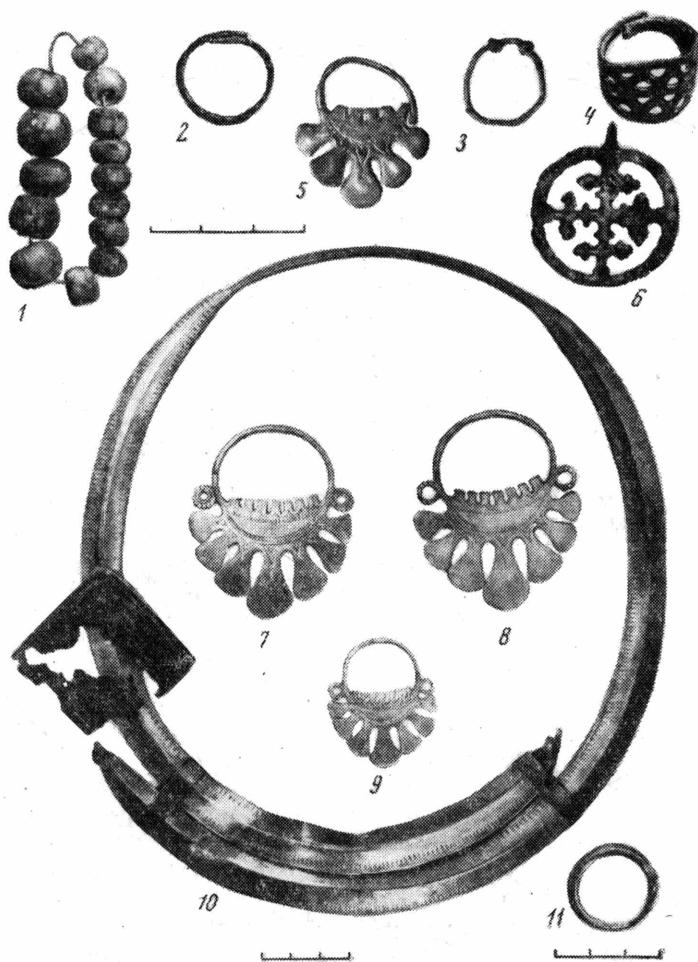

Рис. 16. Покров. Материалы из раскопок кургана

1-6 — инвентарь погребения № 1: 1 — пастовые бусы, 2, 3 — перстне-образное и двубушинное височные кольца, 4 — двузигзаговый решетчатый перстень, 5 — пятилопастное височное кольцо, 6 — привеска с прорезным крестом; 7-10 — инвентарь погребения № 3: 7-9 — семилопастные височные серебряные кольца, 10 — двускатнопластинчатая серебряная гривна; 11 — гладкий перстень

Кроме того, в ожерелье обнаружен бронзовый бубенчик со щелевидной прорезью, такой же бубенчик был и в ногах (рис. 17, 5).

В погребениях № 2, 3, 4 хорошо прослеживаются следы гробовины в виде тлена или сохранившихся волокон древесины. По углам погребения № 4 найдено четыре гвоздя, квадратных в сечении. Малое количество гвоздей, очевидно, свидетельствует о том, что гробы составлялись из долбленных колод⁵.

В восточной поле кургана, на уровне несколько ниже центрального погребения (2,31 м), обнаружено кострище с раздавленным сосудом, горшок курганного типа с линейным орнаментом.

Вероятно, состав инвентаря — семилопастные височные кольца, решетчатый двузигзаговый перстень, сочетание сердоликовых бипирамидальных

⁵ А. И. Кельсиев. Подмосковное курганное кладбище при дер. Митиной. «Древности», т. X. М., 1885, стр. 42.

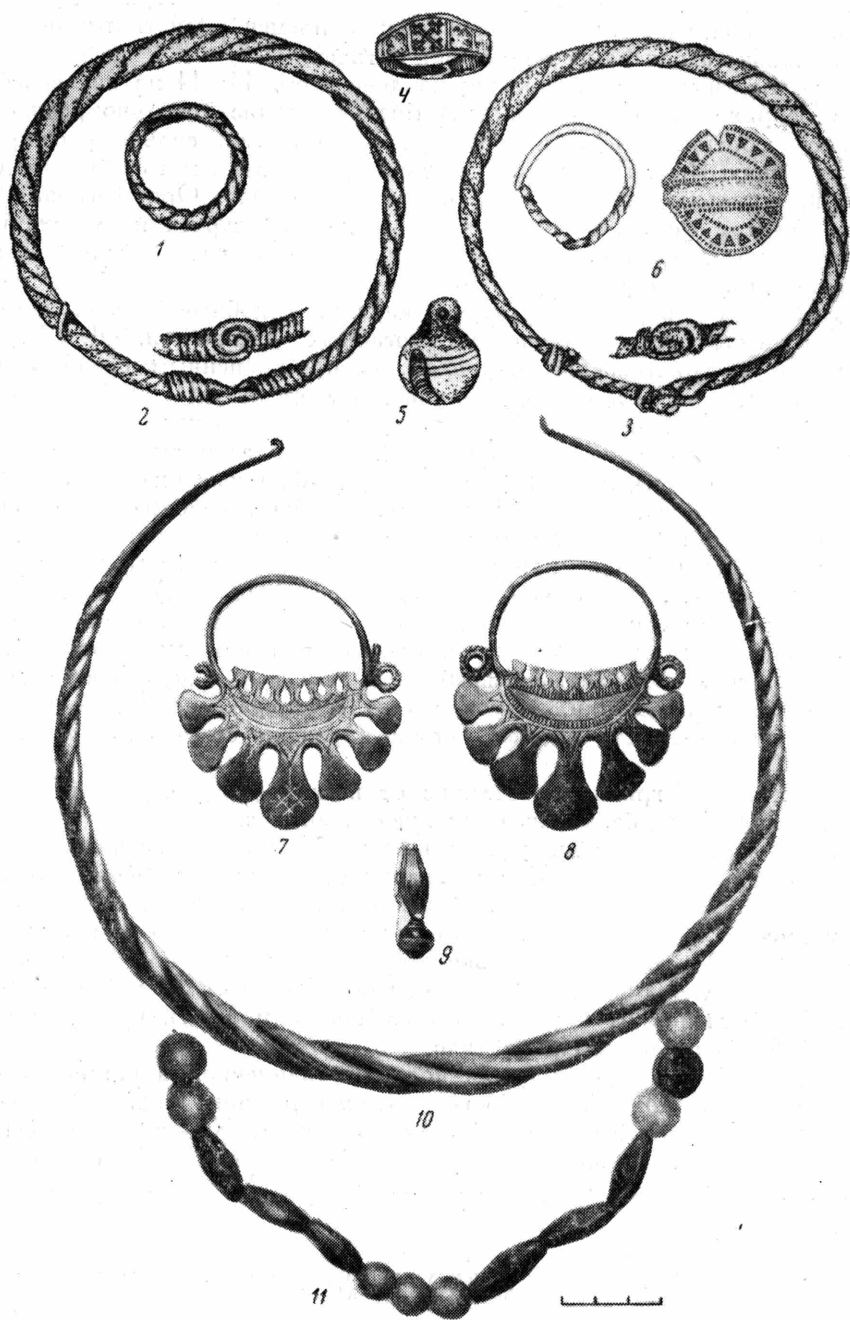

Рис. 17. С. Покров. Материалы из раскопок кургана. Инвентарь погребения № 4

1 — витой перстень; 2, 3 — витые тройные браслеты; 4, 6 — пластинчатые перстни; 5 — бубенчик со щелевидной прорезью; 7, 8 — семилопастные серебряные височные кольца; 9 — бисаломовые бусины — бипирамидальная и полусферическая; 10 — витая загнуто-конечная гривна; 11 — фрагмент ожерелья

и шаровидных хрустальных бус — имеет признаки, характерные для вятичей, и не обнаруживает признаков других племен. Действительно, указанный район находится на территории вятичей.

Семилопастных височных колец найдено всего 15; 14 из них серебряные (серебряные височные семилопастные — явление довольно редкое) и одно посеребренное. Все они простые, с лопастями, сильно расширяющимися книзу. Выявилось, что в одной форме отлито пять колец, в другой три, остальные семь колец — в разных формах. Орнамент на пластинке отлит в форме, на лопастях (городки) прочерчен после отливки. На одном из колец на центральной лопасти — рисунок в виде ромба с отростками на углах.

Привески с прорезным крестом внутри, подобные нашей, широко распространены среди славянских курганных древностей. Д. Анучин относит их к христианским символам, распространенным среди язычества в X—XII вв.⁶ Н. П. Журжалина датирует их XII в.⁷

Сравнительно редкой находкой является обнаруженная в погребении № 3 двускатнопластинчатая гривна. В верхней части она имеет форму жгута, круглого в сечении. По бортам украшена пуансонным чеканом из клиньев с имитацией зерни внутри них. Гривна серебряная, заходящие ее концы придерживаются двумя тонкими медными пластинками. Гривны подобного рода⁸ (13 экземпляров) известны в некоторых местах Подмосковья: Троицкое⁹, Волково (близ Звенигорода) (2 экз.)¹⁰ и др.

Все эти гривны схожи с Покровской — они кованые, с идентичным пуансонным орнаментом по бортам. Отличаются они лишь орнаментом бляшек. Бляшки все литые, серебряные. Внутри одних изображение восьмилепестковой розетки, внутри других — четырехлепестковой розетки, внутри третьих — вместо розетки четыре кружочка со вписанными в них крестами.

Бляшки нашей гривны, в отличие от всех других, тонкие, тисненные. Орнамент внутри ромба, к сожалению, не сохранился.

Гривны этого типа обнаружены вместе с ранними височными кольцами (каплевидные лопасти), с трапециoidalными шестигранными биллоновыми бусами, а также с витыми браслетами. Это позволило М. В. Фехнер датировать находки концом XI — началом XII в. Есть они в северо-западныхкладах, правда, несколько иной конструкции, но с совершенно такими же бляшками (Невельский клад, Крыжово — рубеж XI и XII вв.¹¹). Большая их группа, по исследованиям М. В. Фехнера, обнаружена на Псковщине и в Прибалтике¹².

Витые гривны из трех жгутов, подобные найденной в четвертом погребении, имеют довольно широкое распространение (известно около 200 экз.), они датируются по комплексам концом XI — началом XII в.

Витые браслеты с завязанными концами известны в Подмосковных курганах¹³, во Владимирских¹⁴, где датируются XI в. Очень широко

⁶ Д. Анучин. О культуре костромских курганов и особенно о находимых в них украшениях и религиозных символах. МАВГ, т. III. М., 1889, стр. 255.

⁷ Н. П. Журжалина. Датировка древнерусских привесок-амулетов. СА, 1962, № 2, стр. 137.

⁸ Эти гривны следует отличать от гривен «радимичского» типа, треугольных в сечении.

⁹ ГИМ, № 20088.

¹⁰ Г. А. Авдусина. Три курганные группы у Звенигорода. Историко-археологический сборник. М., 1962, стр. 280.

¹¹ Г. Ф. Корзухина. Русские клады X—XIII вв. М.—Л., 1954, табл. XII, XXVI.

¹² Э. С. Мугуревич. Восточная Латвия и соседние земли в X—XIII вв. Рига, 1965, стр. 55.

¹³ А. В. Арциховский. Курганы вятичей. М., 1930, стр. 175 и др.

¹⁴ А. Спицын. Владимирские курганы. ИАК, вып. 15, 1905, стр. 242.

распространены они в Прибалтике, Скандинавии и на о. Готланд¹⁵, откуда они, по-видимому, и происходят. Здесь они датируются XI—XII вв.

Интересен пластинчатый кованый перстень из четвертого погребения. Он украшен тем же треугольным пуансонным чеканом, что и пластинчатая гривна. Эта техника типична для XI в. Таких перстней на территории вятичей известно около 20. По исследованиям М. В. Житомирской, они встречаются с вещами XI—XII вв.¹⁶

На основании исследований антропологического материала Покровской курганный группы А. П. Богдановым отмечен сравнительно молодой возраст погребенных¹⁷. Наши раскопки подтверждают эти наблюдения.

Необычным для вятичей является совместное погребение в одном кургане четырех человек. Причем ни анализ вещевого материала, ни стратиграфия насыпи не дают оснований говорить о разновременности погребений.

Учитывая все данные и наблюдения А. П. Богданова, можно предположить, что какое-то стихийное бедствие, возможно эпидемия чумы, привело к гибели население, оставившее могильник.

¹⁵ Э. С. Мугуревич. Указ. соч., табл. XXIV.

¹⁶ М. В. Житомирская. Орнаментированные перстни и браслеты вятичей. Дипломная работа. М., 1959. Хранится на кафедре археологии МГУ.

¹⁷ А. П. Богданов. Материалы для антропологии курганного периода в Московской губернии. ИОЛЕА, т. IV. М., 1867, стр. 70.

М. В. МАЛЕВСКАЯ

РАСКОПКИ НА МАЛОМ ТОРОПЕЦКОМ ГОРОДИЩЕ

В 1961 г.

Торопецкий отряд в 1961 г. продолжал раскопки на Малом Торопецком городище в г. Торопце Калининской области¹. В предшествующие годы (в 1957—1958 гг. под руководством Я. В. Станкевич и в 1960 г. под руководством Г. Ф. Корзухиной) отрядом было исследовано три строительных горизонта деревянных сооружений на участке, расположенном близ западной части вала².

1-й горизонт (верхний), вскрытый на площади (580 кв. м), соответствует последнему этапу существования древней части города, относящемуся к XIV в.

Во 2-м горизонте, отражающем расцвет жизни древнего Торопца, на той же площади открыты два ряда жилых и хозяйственных построек (всего 16), подчиненных кривизне вала, улочка между ними и широкая (до 7 м) вымостка вдоль вала, повторяющая его направление. Сооружения эти, сгоревшие во время огромного пожара, после которого жизнь почти замерла, датируются второй половиной XIII в.

Горизонт 3 раскрыт лишь в западной части первоначального раскопа на площади 252 кв. м. Обнаруженные в нем шесть построек, настилы и улица соответствуют по расположению, ориентации и размерам вышележащим сооружениям и относятся к первой половине XIII в.

В 1961 г. на той же площади (252 кв. м), непосредственно под сооружениями третьего горизонта, в слое гумуса со щепой обнаружили сооружения предшествующего ему по времени четвертого строительного горизонта.

В 4-м горизонте на исследованном участке открыты остатки девяти построек, от которых сохранилось от одного до четырех венцов, настилы между домами и улочка, проложенная с восточной стороны (рис. 18). Все сооружения имеют небольшой уклон от вала к центру городища и более значительный (0,7 м) с севера на юг. Поэтому, если постройки 4-го горизонта в северной части раскопа лежат на глубине 1,3—1,4 м от дневной поверхности (или на глубине 7,1—7,2 м от репера)³, то в южной части они понижаются до 2—2,1 м от поверхности. Бросается в глаза устойчивость планировки, наблюдавшаяся и в вышележащих строительных горизонтах: все сооружения расположены по кривой, повторяющей направление вала. Больше того, многие постройки 4-го горизонта,

¹ Начальник отряда Г. Ф. Корзухина, сотрудники: М. В. Малевская, Е. В. Шолохова, Т. К. Ратнер-Сотникова и Т. Г. Венецианова.

² Результаты исследования 1-го и 3-го строительных горизонтов опубликованы в статье: М. В. Малевская. Раскопки на Малом Торопецком городище в 1960 г. КСИА, вып. 96, 1963, стр. 72—78.

³ Глубинные отметки на планах даны от репера, установленного на гребне вала и равного 0.

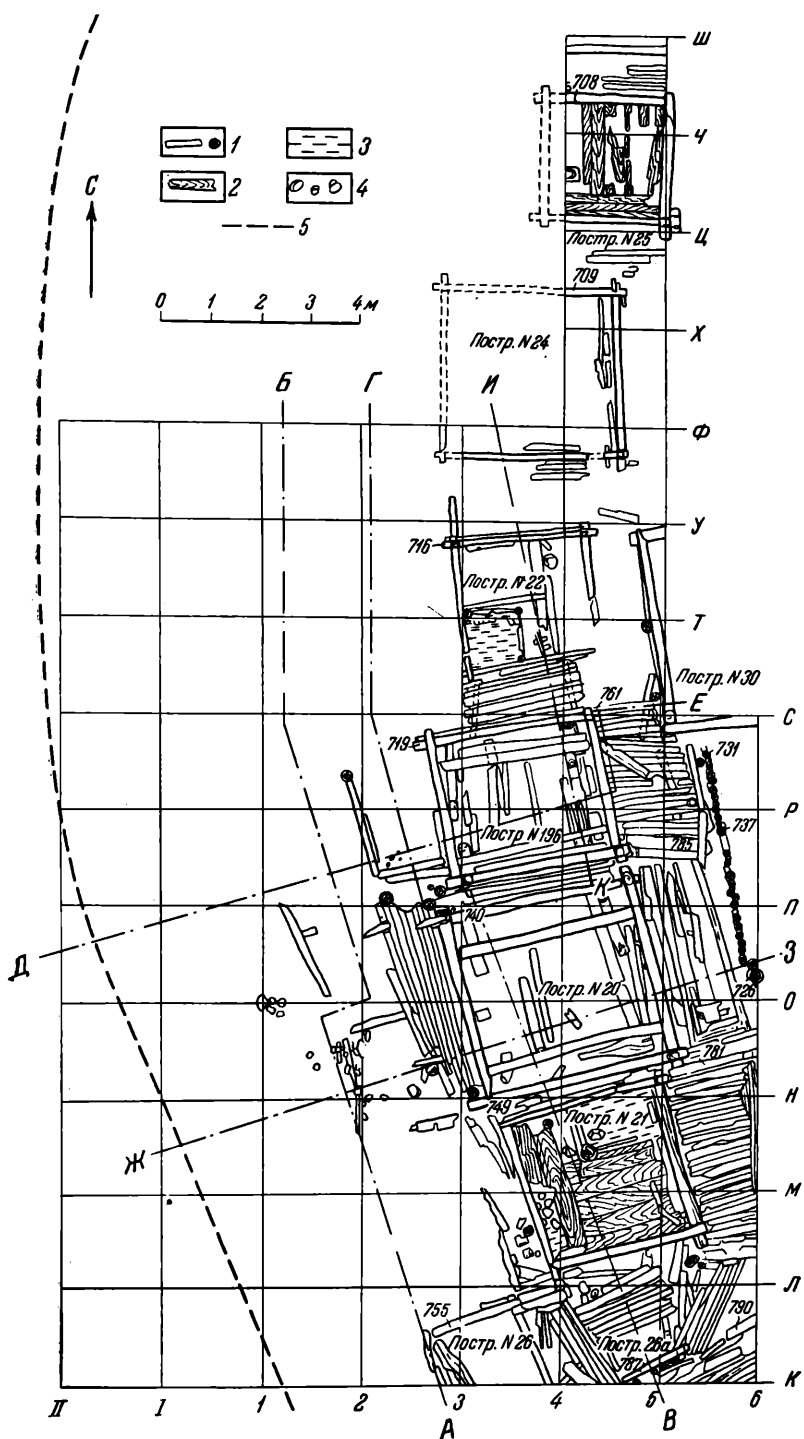

Рис. 18. Малое Торопецкое городище. План сооружений четвертого строительного горизонта XII в.

Условные обозначения: 1 — дерево; 7 — доски; 3 — необожженная глина; 4 — камень; 5 — линия вала

лежащие непосредственно под постройками 3-го горизонта, совпадают с последними не только по ориентации, но и по размерам, что очень затрудняет их расчленение. Назначение же расположенных друг над другом сооружений иногда меняется.

Как жилые, так и хозяйственные постройки горизонта 4 представляют собой небольшие срубы из бревен диаметром от 14 до 25 см, рубленных в обло. Вдоль верхней поверхности бревен часто прослеживается паз, иногда со следами моха, которым конопатили щели. В связи с уклоном построек от вала к центру городища под юго-восточный угол почти каждой из них подложены бревна-подкладки, благодаря которым удалось расчленить разновременные сооружения, совпадающие по размерам. В отличие от жилых построек вышележащих горизонтов, где печи сделаны из камня и глины, в домах 4-го горизонта они возведены на столбовом опечке. Такую конструкцию имеет печь в юго-западном углу маленького жилища № 22 ($2,5 \times 2,6$ м)⁴, сооруженного из тонких бревен. Опечек состоит из трех столбов диаметром 16—18 см, углубленных в культурный слой на 25—30 см; в пазы столбов забраны две поставленные на ребро доски, ограничивающие плотно утрамбованный глиняный пол размером $1 \times 1,1$ м. Свод печи лежал в виде развала глины на полу, выходя за его пределы. Пол постройки не сохранился.

Если жилище № 22 по сравнению с вышележащей хозяйственной постройкой № 15 сдвинуто на юг и восток, то постройки № 19—21, представляющие собой, по-видимому, единый комплекс, точно совпадают по ориентации и размерам с сооружениями не только 3-го, но и 2-го, а частично и 1-го горизонтов (рис. 18 и 19). Средняя постройка (№ 20) самая большая ($3,5 \times 3,6$ м), судя по аналогии с вышележащими, была жилой; однако отсутствие следов пола и печи не позволяет это утверждать окончательно. Сохранились лишь две толстые лаги (диаметром 20—22 см), лежащие на подкладках, не врубленных в венцы стен. В слое гумуса со щепой, заполнявшем сруб, найдено много вещей, в том числе деревянных: большая чаша с одной ручкой, ложка, обломок тарелки, резная рукоятка, обгорелые лучинки, шило с деревянной ручкой, а также два берестяных донца, обрывки витой веревки, несколько стеклянных браслетов, горшок и обломки керамики.

К северу от постройки № 20, непосредственно под домом ремесленника-металлурга 3-го горизонта, находится небольшой хлев-постройка № 19 ($2,9 \times 3,1$ м), заполненный мощным слоем навоза, смешанного с соломой и щепой. Навоз лежит также в огороженном участке к западу от хлева. От постройки сохранилось два нижних венца и бревна-подкладки под юго-восточным углом, из которых одна положена наискось на угол нижележащей постройки. Внутри хлева небрежно уложенные на подкладки лаги, не врубленные в венцы сруба, может быть, свидетельствуют о том, что в хлеву был настлан пол. Кроме обрывка веревки, двух шиферных пряслиц, сломанного бронзового браслета, веретена и костяной насадки рукояти ножа здесь ничего не было найдено. Между постройками № 19 и 20 на настиле из шести бревен в слое навоза обнаружены два лопатообразных весла, деревянная мутовка, обрывки кожаной обуви и шиферное пряслице.

К югу от постройки № 20, как и в вышележащем горизонте, расположена маленькая хозяйственная постройка № 21 ($2,8 \times 3,2$ м). Дощатый пол является верным признаком, как это показывают наблюдения над торопедскими сооружениями, ее хозяйственного назначения. Об этом же свидетельствуют найденные на полу, покрытом тонким слоем навоза, два кормовых весла с лопатообразными лопастями, одно весло с узкой изогнутой лопастью, деревянная лука седла, оселок, кожаный кошелек, остатки

⁴ Размеры срубов во всех случаях даны по внутреннему периметру.

Рис. 19. Малое Торопецкое городище

а — сооружения четвертого строительного горизонта. Вид с юга; *б* — юго-восточный угол постройки № 21 четвертого горизонта и угол постройки № 29 пятого горизонта

кожаной обуви, шиферное пряслице, незначительное количество обломков керамики и костей животных. Печь, изображенная на плане постройки в северо-восточном углу, относится к нижележащему жилищу. Развал ее глиняного свода, находящийся на одном уровне с дощатым полом постройки № 21, оставался незамощенным и служил, по-видимому, как и доски, полом постройки. После снятия досок пола под юго-восточным углом обнаружилось длинное бревно-подкладка, уложенное наискось на угол нижележащей постройки (рис. 19б). Один конец подкладки выходит далеко на юг за пределы постройки.

К югу от постройки № 21 находятся два сооружения, возведенные в предшествующий строительный период, но существовавшие и в рассматриваемое время. Одно из них — постройка № 26 — раскопано лишь частично и назначение его не определено. Другое — постройка № 26а — является интересной по своему устройству хозяйственной пристройкой. В качестве двух ее стен использована южная стена постройки № 21 и восточная стена постройки № 26, а две другие возведены под тупым углом друг к другу и торцы их упираются в стены названных построек. Нижние венцы южной стены пристройки укреплены снаружи рядом столбов. Уцелела часть пола, состоявшего из жердей, уложенных на две тонкие лаги, не врубленные в стены. Все помещение было заполнено мощным слоем навоза (до 30 см), свидетельствующим о том, что пристройка являлась помещением для скота. В нем обнаружены обломки керамики, рыба чешуя и кости животных. К 4-му горизонту относятся еще две постройки в северном конце раскопа, исследованные не полностью. Одна из них — постройка № 24, судя по довольно большим размерам (3,5 × 3,6 м), могла быть жилой. Вторая — постройка № 25 — маленькая, с дощатым полом имела скорее хозяйственное назначение. К востоку от построек № 19—21 раскрыта улочка шириной в 2 м, бревенчатый настил которой неоднократно обновляли, особенно в южной части, где культурный слой и сооружения понижаются. Вдоль восточного края улицы стоит частокол, состоящий из бревен диаметром от 10 до 20 см, покосившихся в южную сторону, как и все сооружения. Возможно, что он являлся границей неисследованной усадьбы, расположенной к востоку от улицы. В культурном слое 4-го горизонта и особенно на настилах улицы и между ними найдено значительное количество вещей, среди которых преобладают изделия из дерева и кожи. Это деревянное игрушечное копье, резной шар с рукояткой (булава), обгоревшие лучинки, стрелки для охоты на пушного зверя, обработанные палочки; из числа кожаных изделий больше всего найдено подметок и других фрагментов обуви. Среди других находок 4-го горизонта можно назвать бронзовый подсвечник от хороса, бронзовый крестик-тельник, свинцовую лунницу, бронзовую пуговицу, два бронзовых пластинчатых браслета и один из перевитой пластинки, стеклянные браслеты и бусы, костяную петлю колчана, косточку от счетов (?) (глиняную с зеленой поливой) и др.

Среди находок 4-го горизонта нет вещей, датирующих слой более или менее узким хронологическим периодом в пределах XII—XIII вв. Поэтому датировать постройки 4-го горизонта можно только по соотношению их с вышележащими. Если сооружения 3-го горизонта относятся к первой половине XIII в., то постройки 4-го строительного горизонта можно ориентировочно датировать концом XII—началом XIII в. Такой датировке не противоречат найденные в 4-м горизонте синие стеклянные прозрачные бусы — две зонные и две винтообразные (по классификации Ю. А. Шаповой), встречающиеся в Новгороде начиная со второй половины XII в. и бытующие до середины XIII в. — зонные и до середины XIV — винтообразные⁵.

Когда в процессе раскопок культурный слой и сооружения 4-го строительного горизонта были разобраны, на некоторых участках, в частности под постройками № 19, 20 и 25, появился тонкий слой песка, из которого был насыпан вал, находящийся к западу от сооружений. Это свидетельствует о том, что ко времени возведения построек строительного горизонта 4 вал, несомненно, уже существовал. Под слоем песка и гумуса со щепой, а местами навоза открылись сооружения строительного горизонта 5.

⁵ Ю. Л. Шапова. Стеклянные бусы древнего Новгорода. МИА, № 55, 1956, стр. 166—167, 172.

5-й горизонт (рис. 20). Застройка здесь менее густая, чем в предыдущем: обнаружено семь (а не девять) построек, отсутствуют настилы между ними, нет настила улицы к востоку от домов и частокола, ее ограничивающего. Однако планировка, подчиненная кривизне вала, хорошо прослеживается и здесь. Многие дома расположены непосредственно под вышележащими и совпадают с ними по размерам. Это в первую очередь относится к комплексу, состоящему из построек № 27—29 и обнаруженному под постройками № 19—21. К сожалению, остатки первых двух — большой ($3,5 \times 3,6$ м) и маленькой ($2,65 \times 2,9$ м) — не дают оснований для определения их назначения. Нет следов ни лаг, ни пола, ни печи. От постройки № 27 сохранились лишь два венца и подкладки в виде семи коротких бревен, положенных под восточный конец южного бревна. Постройка № 28 почти совсем разобрана: уцелели только южное и северное бревна нижнего венца и бревно-подкладка во всю длину восточной стены. Но постройка № 29, несмотря на отсутствие пола, сохранила ряд интересных деталей. В отличие от последовательно возведенных над ней трех хозяйственных построек, это сооружение жилое. По отношению к вышележащим оно несколько смещено на запад, но имеет почти те же размеры — 3×3 м. Сохранились два венца из бревен диаметром 15—20 см, печь в северо-восточном углу и лаги, врубленные не только в венцы сруба, но и в дополнительную лагу, положенную посередине постройки параллельно северной и южной стенам. Эта конструктивная особенность уже встречалась в одной из построек горизонта 3. Лаги постройки № 29 закреплены во втором венце снизу большей частью посредством глухой врубки (рис. 196). Восточная лага короче других, так как не заходит под печь. Печь размерами $1,2 \times 1,3$ м ограничена столбовым опечком, состоящим из двух досок шириной 23 см, забранных в пазы трех столбов диаметром 8,15 и 24 см. Интересно отметить, что основание печи, состоящее из глины толщиной 20—25 см, и доски опечка выложены берестой, на которую уложена вязкая глина с песком. От пола печки сохранились небольшие участки обожженной заглаженной глины. Основание глиняного свода, рухнувшего на пол, составляли камни. При расчистке лаг и печи были найдены костяная проковка, шиферное пряслице, обломок стеклянного браслета, деревянная рукоятка и обломки керамики. К югу от постройки № 29 расположены описанные выше маленький хлев с тупым углом (постройка № 26а) и постройка № 26, уходящая в южную стенку раскопа. К востоку от построек № 29 и 26а находится бревенчатый настил, на месте которого позже была проложена улица.

В северной части раскопа к 5-му строительному горизонту относятся еще два сооружения — № 31 и 34. Оба они лежат непосредственно на предматериковой глине, слегка углубившись в нее. От жилой постройки № 31 размерами $2,85 \times 2,90$ м сохранился не полностью нижний венец и печь в юго-западном углу. Последняя представляет собой слой сильно обожженной глины размерами $0,7 \times 1,3$ м и толщиной 0,1 м, лежащей на сохранившемся под печью обгорелом полу (как это было в постройках горизонта 2). От частично раскопанной постройки № 34 полностью уделел накат пола из жердей диаметром 6—8 см, уложенный на лаги. При расчистке пола были найдены обломки только одного глиняного горшка и миски. Назначение постройки пока не выяснено. Необходимо отметить, что в северной части раскопа между сооружениями 4-го и 5-го горизонтов были обнаружены остатки еще двух построек (№ 32 и 33), что свидетельствует о более частой смене сооружений на этом участке.

Культурный слой 5-го горизонта беднее находками, чем слой 4-го горизонта. И здесь главное место среди них принадлежит изделиям из дерева, кожи и обломкам керамики. Предметов, относящихся к бытовому,

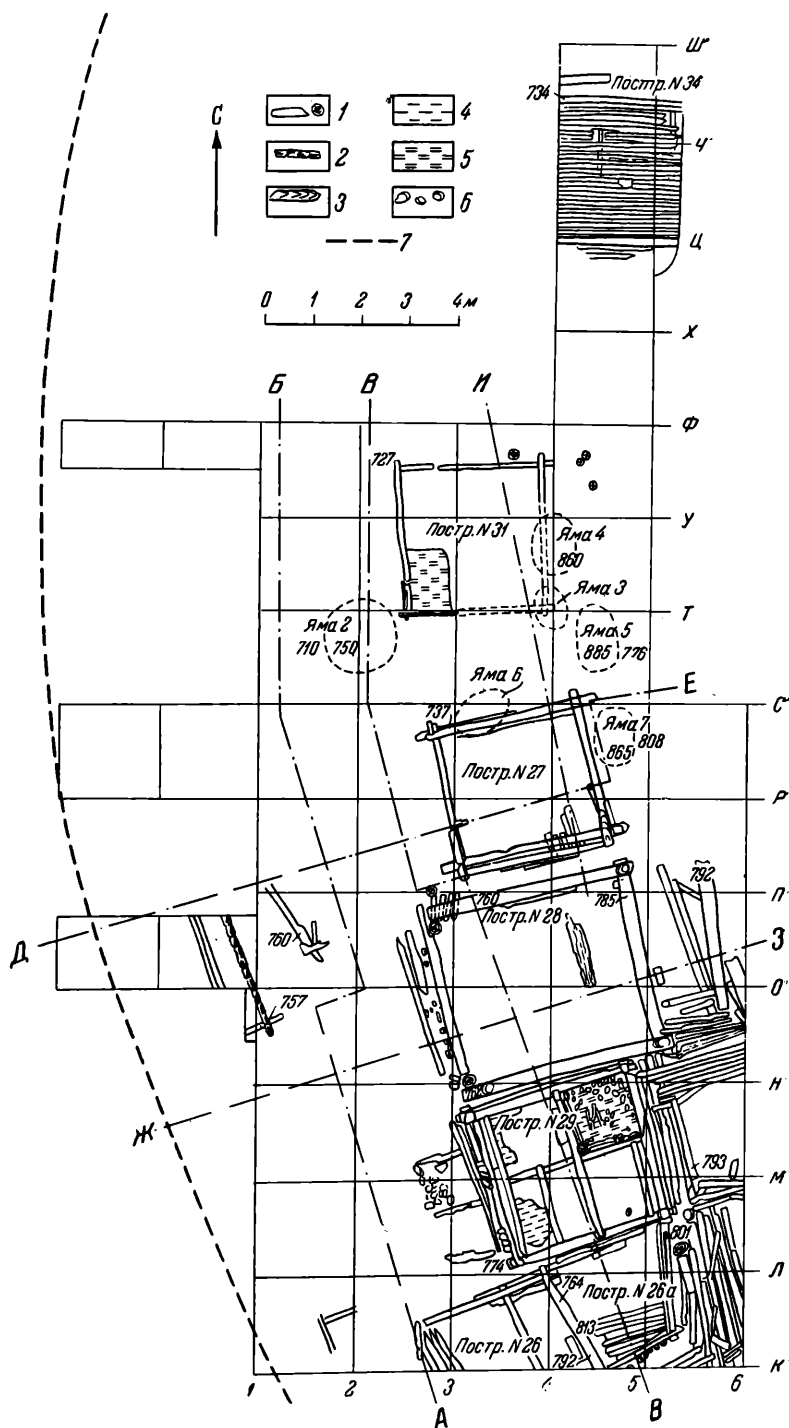

Рис. 20. Малое Торопецкое городище. План сооружений пятого строительного горизонта XII в.

Условные обозначения: 1 — дерево; 2 — горелое дерево; 3 — доски; 4 — необожженная глина; 5 — обожженная глина; 6 — камень; 7 — линия вала

производственному и хозяйственному инвентарю, а также украшений найдено очень мало. На основании изучения материала можно сказать, что и в 5-м строительном горизонте нет хорошо датированных находок. Поэтому лишь по соотношению с вышележащим горизонтом его можно датировать приблизительно третьей четвертью XII в.

При разборке культурного слоя и построек 5-го горизонта под некоторыми из них (№ 28 и 31) обнаружился слой песка, связанный с насыпкой вала. При этом западная часть постройки № 28 оказалась как бы слегка врезанной в край песчаной насыпи или осыпи вала. Наличие песка под постройками 5-го горизонта свидетельствует о том, что вал был насыпан не только до возведения построек 4-го горизонта, как это отмечалось выше, но и до сооружения построек 5-го строительного горизонта. Это позволяет определить время насыпки вала. Если П. А. Раппопорт на основании прорезки Торопецкого вала ориентировочно отнес его сооружение к XII—XIII вв.⁶, то раскопки городища на участке, примыкающем к валу, позволяют уточнить эту дату, относя время основания вала к первой половине XII в. Это, конечно, не исключает возможности его более поздней подсыпки. Возможно, что с сооружением вала следует связывать бревна (плохой сохранности), обнаруженные к западу от построек и ориентированные соответственно направлению вала. Некоторые из них лежат под песчаной насыпью прямо на материке, а другие (в южной части раскопа) — на культурном слое.

Как мы уже отмечали, в северной части раскопа постройки № 31, 34 и северная часть постройки № 27 лежат на предматериковой глине. В южной же части, где материк и культурный слой постепенно понижаются, непосредственно под сооружениями 5-го строительного горизонта выступают венцы более древних построек, еще не изученных. Поэтому, если культурный слой в северной части раскопа равен 1,5—1,7 м или материк лежит на глубине 7—7,45 м от репера, то в южной части, где до материка еще не дошли, мощность культурного слоя достигает уже 2,5 м (сооружения 5-го горизонта лежат на глубине 8 м от репера). Стало ясно, что уклон всех сооружений с севера на юг, наблюдавшийся начиная с верхних горизонтов, объясняется понижением материка в этом направлении. В северной части раскопа непосредственно на материке, состоящем из розовой глины с песком и галькой, лежит пласт серой стерильной глины толщиной от 5 до 40 см, в которой обнаружено шесть ям круглой и овальной формы большей частью с вертикальными стенками. Диаметр их колеблется от 0,5 до 1,5 м, глубина — от 0,4 до 1,2 м. Четыре из них, наиболее глубокие, были заполнены навозом с соломой и щепой. Пятая яма (№ 3) была мусорной. В ней было найдено большое количество поломанных деревянных вещей (стрелки для охоты на пушного зверя, шарик, ложка, лопаточка, волчок, лучинки, отработанные палочки и доски), обрывков обуви, венчик, оселок, обломки железных предметов, шиферных пряслиц, скорлупа лесных орехов, желуды, кости животных. Эти ямы, открытые под постройками 5-го строительного горизонта, следует связывать по времени с еще не изученными нижележащими сооружениями.

Незначительная площадь раскопа, к тому же не полностью исследованная, и лишь предварительное изучение материала не позволяют сделать существенных выводов. Однако суммировать некоторые наблюдения все же можно.

Во-первых, для всех пяти строительных горизонтов характерна устойчивость планировки, подчиненной кривизне вала, близ которого расположены рассмотренные сооружения. В течение около 200 лет —

⁶ П. А. Раппопорт. Оборонительные сооружения Торопца. КСИА, вып. 86, 1961, стр. 15.

со второй половины XII по XIV в. — некоторые постройки и даже комплексы их возводились на месте им предшествующих, другие — лишь незначительно перемещались.

Во-вторых, наблюдается постепенное уплотнение застройки. До середины XII в. (в период, нами еще не изученный) постройки занимали лишь южную часть исследуемого участка; во второй половине XIII в. (5-й горизонт) его застроили уже полностью; затем (4-й горизонт) количество домов увеличилось, появились настилы возле них и улочка к востоку от построек, ограниченная частоколом; еще позже (3-й горизонт) улочку проложили дальше на север, где она проходила между двумя рядами домов. Во второй половине XIII в. (2-й горизонт) между валом и постройками, вдоль него расположенными, соорудили вымостку шириной до 7 м, врезав ее в вал, а затем стали возводить постройки и на вымостке. В конце XIII в. все сооружения 2-го горизонта погибли при огромном пожаре, и жизнь на городище почти замерла; в XIV в. на исследованном участке были обнаружены лишь две постройки (1-й горизонт).

В-третьих, следует отметить устойчивость некоторых строительных приемов. Все жилые и хозяйственные сооружения представляют собой небольшие однокамерные постройки, рубленные в обло, с чашей и пазом в нижнем бревне. Размеры жилых построек колеблются от $2,5 \times 2,6$ до $3,5 \times 3,6$ м, хозяйственных — от $2,3 \times 2,5$ до $2,9 \times 3,10$ м. Полы в жилых постройках настилали по трем лагам, врубленным между вторым и третьим венцами сруба. В хозяйственных сооружениях лаги укладывали непосредственно на землю. Остатки пола в жилищах всегда представлены бревнами, на которые, по-видимому, настилали доски. В хозяйственных постройках пол, как правило, дощатый, иногда из жердей. В горизонтах 3—5 постройки возведены без субструкций, если не считать бревна-подкладки под юго-восточные углы, выравнивающие постройки в связи с резким уклоном материка. Лишь в горизонте 2 (вторая половина XIII в.) постройки сооружены на глиняной подушке толщиной 30—35 см.

В это же время изменилась и конструкция печи. Если в нижележащих горизонтах печи сооружены из глины на столбовом опечке (за исключением одной без опечка), то в постройках горизонта 2 они сложены из камня и глины на участке пола, специально подмазанном глиной.

Необходимо учитывать, что сделанные наблюдения относятся к сооружениям, образующим наружный ряд построек городища, примыкающий к валу. Нельзя быть уверенным, что на основной территории городища постройки не будут несколько иными, в частности большими по размерам. Дальнейшие археологические исследования позволят уточнить многие неясные вопросы и среди них важнейший — время основания городища.

Т. Н. НИКОЛЬСКАЯ, М. Д. ПОЛУБОЯРИНОВА

РАСКОПКИ ДРЕВНЕРУССКИХ ГОРОДИЩ
ОРЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Верхнеокская экспедиция Института археологии АН СССР совместно с Орловским областным краеведческим музеем в 1963 г. проводила работы в Орловской области, в пределах Орловского и Урицкого районов, охватывающих течение рек Оки, Цона и Орлика. Большинство памятников этой территории обследовалось нами в предыдущие годы. Тогда было установлено, что часть городищ, ранее подвергавшихся раскопкам или поврежденных в период Отечественной войны, находится под угрозой окончательного разрушения. Именно поэтому было решено провести исследования четырех более или менее однотипных городищ: у дер. Гать при впадении р. Цон в р. Оку, у дер. Титово-Мотыка при слиянии рек Орлицы и Орлика, у с. Городище и у дер. Мерцаловка на р. Цон.

Городище у дер. Гать. Городище расположено на правом берегу р. Оки при впадении в нее р. Цон, на высоте 18 м над уровнем реки. Городище имеет форму почти правильного круга диаметром около 40 м (рис. 21). Почти по всему периметру городища хорошо сохранился вал высотой до 5 м. С юга, где берег круто обрывается к Оке, вал не сохранился; вероятно, южная часть площадки городища постоянно разрушалась. Западный склон городища упирается в глубокий овраг, с севера и востока от плато площадка отделена широким и глубоким рвом (наибольшая глубина 10 м). Въезд на городище был с севера.

В 1938 г. здесь Н. П. Милоновым были произведены небольшие раскопки и зачистка края площадки, обращенного к р. Оке¹.

Наш раскоп (№ 1) площадью 132 кв. м был заложен в южной части городища, свободной от ям и старых раскопов. Культурный слой толщиной 40 см состоял из темно-серого сыпучего грунта в верхней части и светло-серого — в нижней. Материк — желтый суглинок. Находки в слое немногочисленны: обломки разноцветных стеклянных браслетов и бронзового двузигзагового решетчатого перстня (рис. 22), шиферные пряслица; орнаментированная костяная накладка, железные ножи, пробой, гвозди и др. Интересна небольшая серебряная круглая подвеска с изображением геральдического зверя (рис. 23, 2). Почти точная аналогия этого украшения обнаружена в кургане XI—XII вв. у дер. Малая Горка, в раскопках Л. К. Ивановского².

¹ Н. П. Милонов. Отчет об археологических исследованиях, проведенных Орловским областным музеем на территории Орловского и Урицкого районов летом 1938 г. Архив Орловского областного краеведческого музея. Подробнее об этом см.: Т. Н. Никольская. Культура племен бассейна Верхней Оки в I тысячелетии н. э. МИА, № 72, 1959, стр. 135.

² А. А. Спицын. Курганы Санкт-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского. МАР, № 20. СПб., 1896. табл. VI, рис. 11.

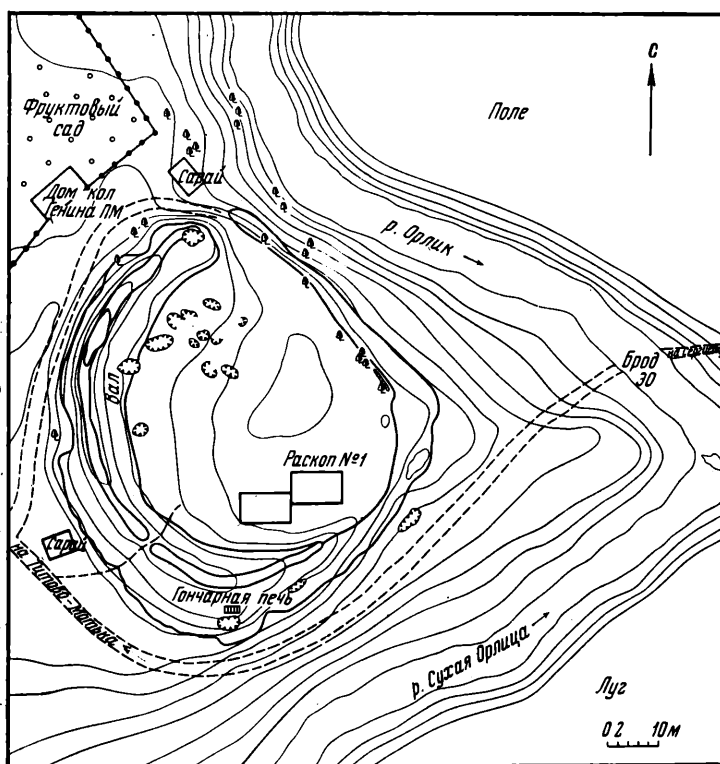
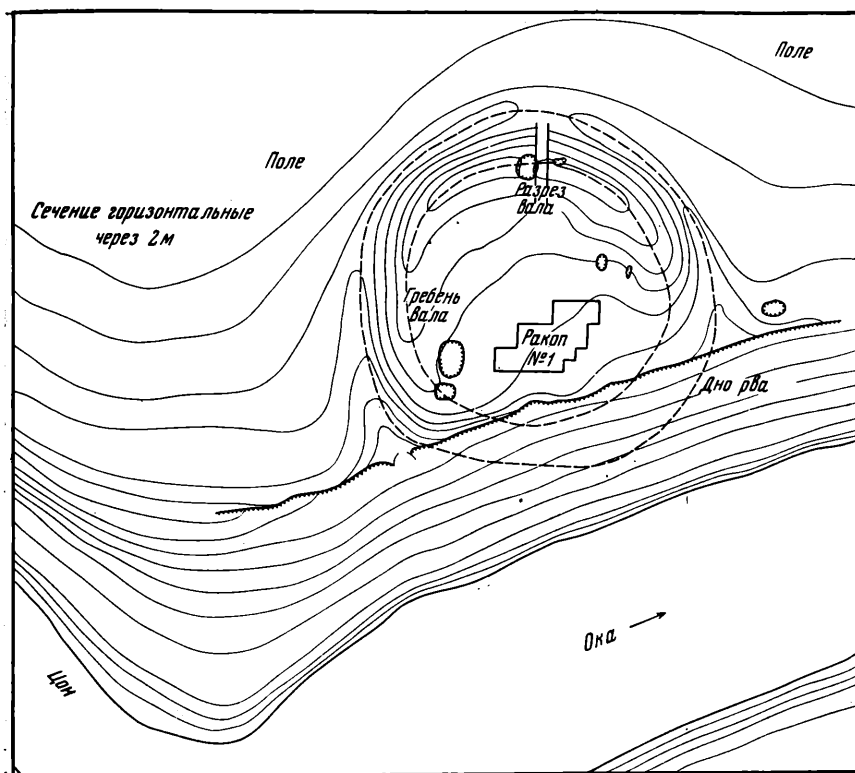

Рис. 21. Планы древнерусских городищ
1 — у с. Гать; 2 — у с. Титово-Мотыка

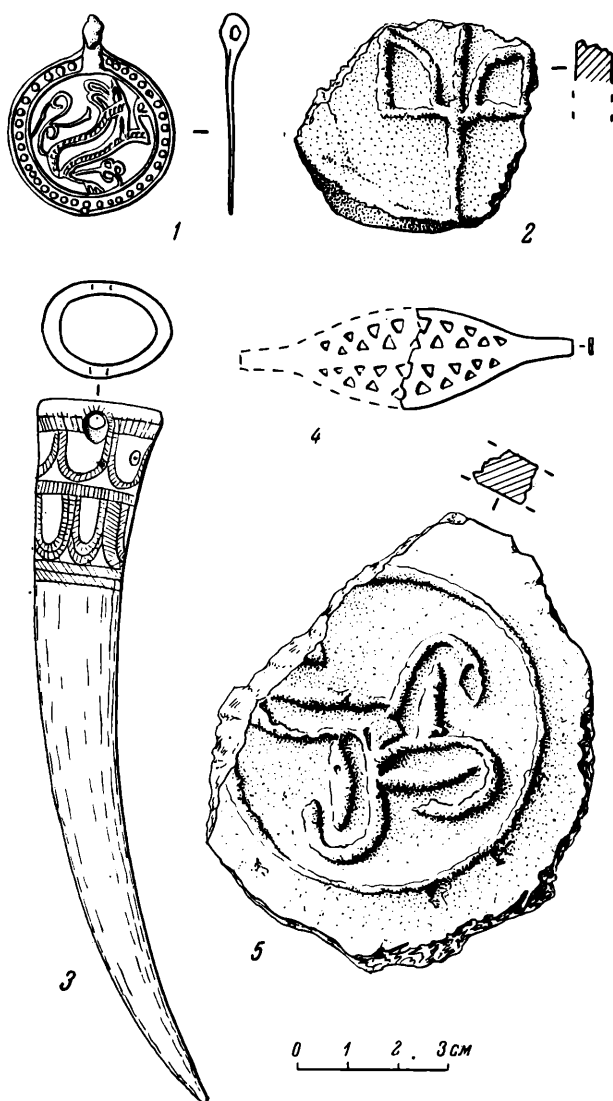

Рис. 22. Находки из культурного слоя городищ:

1, 4 — Гать; 3 — Городище; 2, 5 — Титово-Мотыка.

Среди многочисленной круговой керамики, характерной для вятичей, встречается круглодонная лепная неолитическая с ямочно-гребенчатым орнаментом. Наиболее вероятная дата основания городища — конец XI или XII в.

Особенно интересные результаты были получены при исследовании конструкции вала. В северной части городища насыпь вала была прорезана траншеей (17×2 м) в направлении с севера на юг. В разрезе выявились два основных периода в сооружении насыпи вала. Первый, древнейший, относится приблизительно к середине I тысячелетия н. э., второй — к эпохе древней Руси. Древний вал насыпан из темно-коричневого культурного слоя на материке (серая глина с мергелем). Земля для сооружения вала, очевидно, бралась здесь же, на древнем городище. Не случайно уровень материка под валом значительно выше уровня материка в средней части площадки городища, которая представляла собой

небольшую котловину. В верхней части насыпи древнего вала лежал тонкий (2—3 см) слой древесного тлена, подстилавший основание второго — древнерусского вала. Подобная же прослойка была и в самой древней насыпи на 20 см ниже ее поверхности. Верхняя граница насыпи древнего вала находится на глубине 3,4 м от вершины древнерусского вала. Темный гумированный слой насыпи древнего вала имеет толщину 50—60 см. Возможно, что этот вал имел первоначально большую высоту, но был срезан при сооружении оборонительных укреплений древнерусского городка. В темно-коричневом слое древней насыпи были найдены обломки лепной керамики середины I тысячелетия н. э., которые и позволили нам датировать ее этим временем. К северному краю древнего вала примыкал ров (ширина 2,5 м, глубина 5,36 м), окружавший территорию древнего поселения, по-видимому, он был засыпан при сооружении древнерусского вала.

Древнерусский вал был насыпан из ярко-желтого суглинка с примесью мергеля. Верхний горизонт насыпи состоял из светло-коричневой глины с мергелем. Общая высота насыпи вала от материка — 4,67 м. В южной внутренней поле вала обнаружено два яруса деревянных конструкций, укреплявших его. Остатки укреплений I яруса залегают на глубине 30 см от вершины вала, II яруса — на глубине 1,1 м. Сохранилось несколько рядов горизонтальнолежащих обугленных бревен диаметром 15—20 см, опиравшихся на вертикальные стояки — опоры. Ряды бревен разделялись прослойками красного прокаленного песка толщиной около 10 см.

Реконструировать полностью эти сооружения довольно трудно. На профиле траншеи видно, что два яруса укрепляющих конструкций не выходили на поверхность вала. Нечто подобное открытым нами укреплениям обнаружил Н. П. Милонов при зачистке южного края площадки городища со стороны р. Оки: две полосы горизонтально лежащих обугленных бревен, между которыми лежал слой плотно утрамбованной и обожженной глины с примесью гальки (толщина всей конструкции — 60 см). Как нам представляется, площадка городища в древности была окружена кольцевым валом, вдоль внутреннего склона которого была расположена деревянная стена. Со временем южная часть вала осыпалась.

Городище у дер. Титово-Мотыка расположено на возвышенном мысу при слиянии рек Орлик и Орлица в 4 км севернее с. Нарышкино на северном краю дер. Титово-Мотыка (рис. 21, 2). Городище имеет округлую форму (диаметры площадки 52 и 53 м). С южной, западной и северо-западной сторон сохранился вал. Поверхность городища сильно изрыта хозяйственными ямами, особенно в северной и восточной частях. При обследовании городища в 1925 г. П. С. Ткачевским были найдены фрагменты гончарной керамики, обломки стеклянных браслетов, бронзовые крестики, лунница, глиняные пряслица, кости домашних животных и т. д. Кроме того, в шурфе на глубине 80 см был обнаружен скелет мужчины. По сведениям местного населения, на городище при рытье картофельных ям находили человеческие кости и разнообразные металлические предметы.

Раскоп (№ 1) площадью 120 кв. м был заложен в наименее испорченной южной части городища. Поверхность раскопа имеет уклон с юга на север приблизительно 20 см, с запада на восток — 40 см, а по диагонали с юго-запада на северо-восток — до 90 см. Культурный слой городища (толщиной около 80 см) состоял из темно-серой рыхлой супеси. В северной части раскопа на глубине 60 см обнаружена каменная вымостка (2,6×2,2 м) из плитняка. В квадрате находился развал печи-каменки (диаметр 60 см). Под камнями найдена бракованная шарообразная хрустальная бусина и обломок бронзового браслета.

На глубине 40—80 см на раскопе вскрыто 20 погребений: 18 скелетов взрослых людей и два скелета младенцев. Все они лежали вытянуто

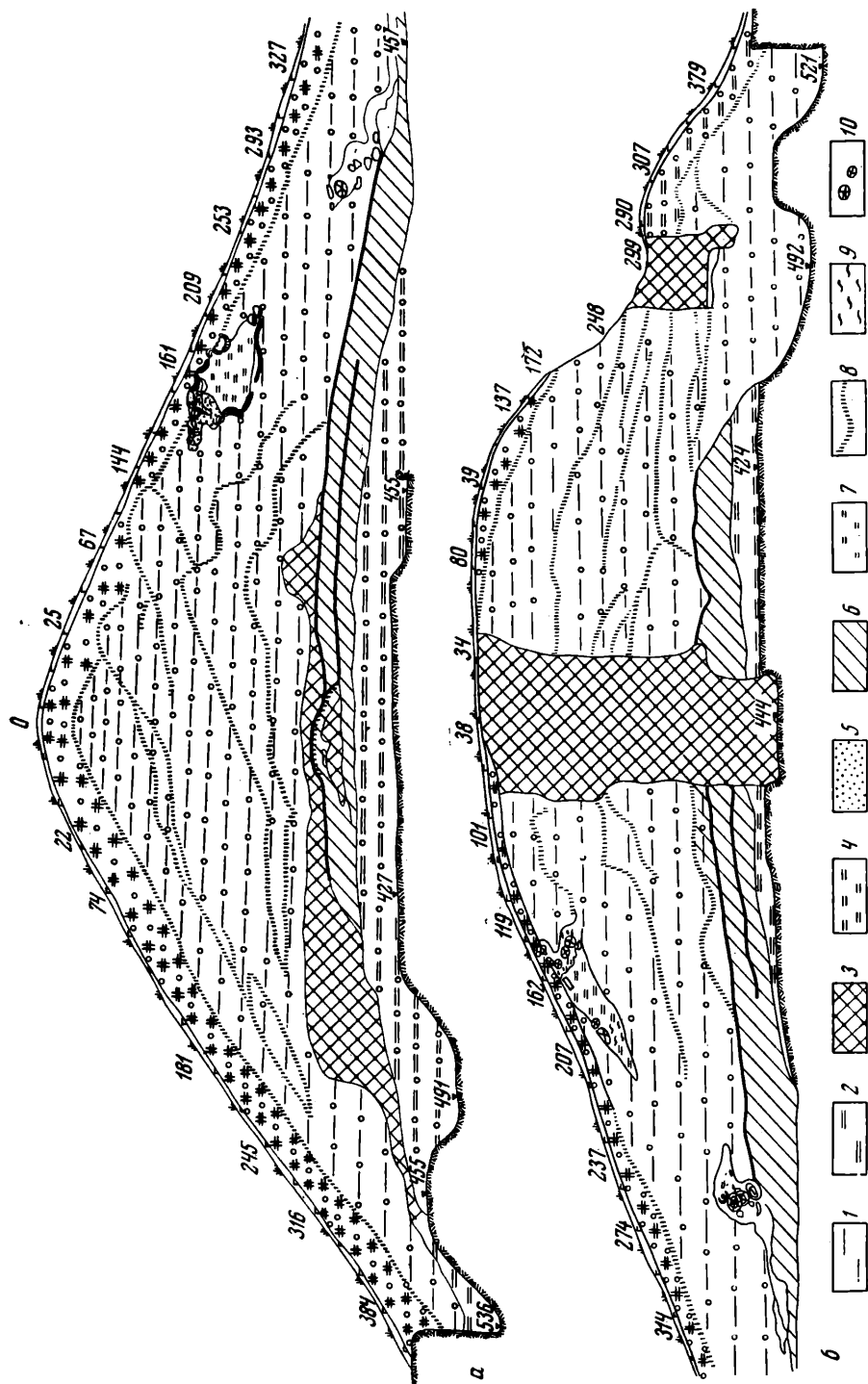

Рис. 23. Разрез вала городища у с. Гать. а — восточный профиль; б — западный профиль

Условные обозначения: 1 — желтая глина с мергелем; 2 — серая глина с мергелем; 3 — черно-желтый пестроцвет; 4 — обожженная глина; 5 — песок; 6 — черный культурный слой; 7 — светло-коричневая глина с мергелем; 8 — темные прослойки в песчаной вале; 9 — вода; 10 — бревна

на спине головой на запад, но со смещением к юго-западу. Слой на городище настолько перекопан, что ни следов могильных ям, ни гробов проследить не удалось.

И все же нам представляется, что вскрытое кладбище относится ко времени существования здесь поселения. Подобные же кладбища известны и на других поселениях, разгромленных татаро-монголами³. Так, в детинце маленького древнерусского городка Серенска (Калужская обл.), претерпевшего ту же участь, что и соседний Козельск, был открыт ряд погребений, некоторые из них содержали предметы украшений (семилопастные височные кольца, решетчатые перстни; браслеты и т. д.).

Несомненно, что многочисленные погребения, обнаруженные и на поселении Титово-Мотыка, также свидетельствуют о катастрофе, разразившейся здесь в середине XIII в.

По всей площади раскопа на материке (уровень 4-го пласта) обнаружилось восемь ям. На этом же уровне находилось и большинство погребений.

Во всех случаях, кроме одного (погребение № 9), ямы и погребения не совпадают. В яме № 4 расчищено погребение № 9. Яма и погребение ориентированы одинаково (размеры ямы 1,8 и 1,2 м). Кроме того, с юга от скелета имелись следы обгорелого дерева, с севера от него лежал каменный жернов. Можно было бы предположить, что яма № 4 является могилой. Однако есть ряд возражений против этого: кости ног скелета выходят за границы ямы. По-видимому, погребение пришлось на более древнюю хозяйственную яму, в которой находились обгоревшие деревянные конструкции и каменный жернов. Во всех остальных погребениях никаких вещей не найдено.

Глубина ям в материке колеблется от 30 до 60 см. Все они имеют неправильную форму и небольшие размеры (до 2 м в диаметре). Заполнение ям состоит из черного рыхлого слоя, содержащего фрагменты гончарной керамики, обломков стеклянных браслетов, железных ножей, гвоздей. На раскопе не обнаружено остатков жилых сооружений, если не считать каменную вымостку, которая, может быть, принадлежала фундаменту дома. Вскрытые в материке ямы вряд ли можно считать подпольями жилищ, скорее они являлись остатками хозяйственных сооружений типа погребов.

По-видимому, основные постройки находились в южной части городища, в настоящее время совершенно испорченной картофельными ямами. Судя по этим ямам, мощность культурного слоя там была более значительной, до 2 м. Наш раскоп пришелся, очевидно, на окраину поселения, чем и объясняется наличие здесь кладбища.

В культурном слое раскопа найдено много бытовых предметов, вооружения и украшений. Особенно многочисленны, не считая керамики, обломки стеклянных браслетов. Найден и обломок стеклянного перстня. Из железных изделий имеются ножи, пробои, гвозди, части цилиндрических замков и ключи от них. Найдены наконечники стрел, удила, два колечка от кольчуги, лошадиные путы, два кресала (овальное и калачевидное), пряжки и т. д. Среди предметов из бронзы — обломки браслетов (пластинчатых и витых) и перстней. Довольно много глиняных грузиков, сделанных из обломков стенок сосудов, найдено и несколько шиферных пряслиц. Отметим обломок костяного пряслища с циркульным орнаментом. Наиболее насыщенными находками оказались второй и третий пласты; в четвертом их значительно меньше, в первом — древних предметов не обнаружено совсем.

³ А. Ф. Медведев. Отчет о раскопках в Городце на Волге в 1962 г. Архив ИА АН СССР.

Некоторые вещи, найденные в нашем раскопе, позволяют наметить хронологические границы существования поселения. Наиболее ранними среди них являются шиферные пряслища, железные плоские черешковые ромбические стрелы, встреченные в Новгороде в слоях XI—XIII вв.⁴, и калачевидное кресало с язычком, подобные которому по типологии Б. А. Колчина известны в Новгороде с X по начало XII в.⁵

Все эти предметы позволяют отнести возникновение укрепленного городка у дер. Титово-Мотыка к концу XI—началу XII в. Наиболее интенсивной жизнь здесь была, очевидно, в XII—начале XIII в. (множество стеклянных браслетов, ключи типа В 1⁶, овальное кресало⁷ и др.). Этим выводам не противоречит и найденная на городке керамика. По всей площади раскопа встречалось множество обломков глиняных сосудов. Всего собрано около 12 600 фрагментов, из них взято 1689 обломков, т. е. 13,5% от общего количества. Найденная керамика вся без исключения изготовлена на гончарном круге и в основном сходна с керамикой других древнерусских домонгольских памятников.

подавляющее большинство глиняной посуды на городище составляли горшки.

Основная масса найденных в раскопе фрагментов керамики относится к сосудам XII—XIII вв. Однако некоторые формы горшков можно отнести к XI в. Эти даты согласуются и со всем комплексом древних находок городища. Вместе с тем обилие и разнообразие керамического материала, найденного на городище Титово-Мотыка, несомненно, свидетельствует о выделении гончаров-ремесленников, снабжавших своей продукцией также и соседние поселения⁸.

Не случайно, по-видимому, керамический промысел был развит здесь в конце прошлого столетия и продолжает существовать в наши дни⁹.

Городище в с. Городище расположено в центре села. С юга и запада городище обтекает р. Людская (или Лютек), правый приток р. Цон (рис. 24, I). Городище сильно разрушено: с севера и юга вал почти полностью уничтожен; с западной и восточной сторон он сохранился на небольшую высоту. Древний въезд на городище прослеживается с севера, вся площадь изрыта многочисленными картофельными и кладоискательскими ямами. В 1938 г. городище было обследовано Н. П. Милоновым, который уже тогда отмечал плохую сохранность памятника¹⁰.

Площадка городища округлая в плане, длина ее с севера на юг около 52 м, с запада на восток — 48 м. Над уровнем речки Лютек городище возвышается на 18 м.

Раскоп № 1 площадью 160 кв. м был разбит в наименее разрушенной восточной части городища (здесь была всего одна современная яма).

Поверхность раскопа почти горизонтальна, уклон с юга на север составляет всего 10 см, с востока на запад — до 40 см.

Культурный слой поселения состоял из темно-серой рыхлой супеси в верхней части (60 см) и более светлой и плотной — в нижней (60 см).

⁴ А. Ф. Медведев. Оружие Новгорода Великого. МИА, № 65, 1959, табл. 14, рис. 13.

⁵ Б. А. Колчин. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого. МИА, № 65, 1959, стр. 103, рис. 85.

⁶ Там же, стр. 86, рис. 70.

⁷ Там же, стр. 103, рис. 85.

⁸ М. В. Фехнер и А. В. Успенская относят городище у дер. Титово-Мотыка к поселениям городского типа (А. В. Успенская, М. В. Фехнер. Поселения древней Руси. «Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.» М., 1956, стр. 144), однако подтвердить это предположение вряд ли возможно из-за плохой сохранности памятника.

⁹ И. Н. Фоминов. Кустарно-гончарное производство в Рябинской волости, Орловского уезда и губ. «Бюллетень Орлов. губ. бюро краеведения 1927—1928 гг.», № 3.

¹⁰ Н. П. Милонов. Указ. соч., стр. 11. Н. П. Милоновым на городище было заложено в разных местах шесть шурфов.

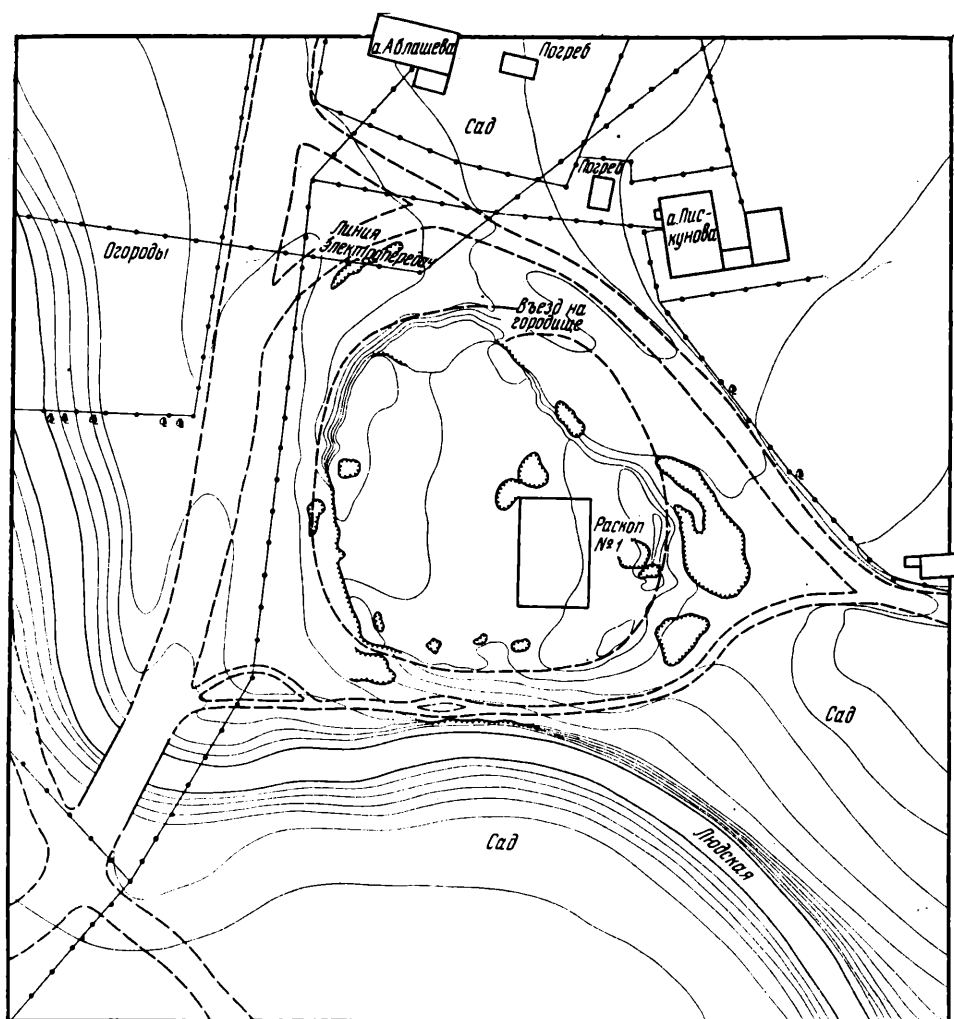

Рис. 24. План древнерусского городища Городище

Материк — светло-серый песок — по всей площади раскопа обнаружен на глубине 1,2 м.

По составу найденного инвентаря слой делится также на два горизонта: в верхнем, прямо под дерном, — фрагменты гончарной керамики, обломки стеклянных браслетов, составляющие более половины всех находок, обломок стеклянного сосудика, стеклянные бусы, железные ножи, ключи, замки, наконечники стрел (в том числе ромбовидный новгородского типа и плоский срезень), бронзовые браслеты (среди них пластинчатый загнутоконечный), бронзовая подковка, шиферные пряслица, точильные бруски. Все предметы позволяют датировать это древнерусское поселение XII—XIII вв.

Среди находок наибольший интерес представляет изящная поделка из рога, орнаментированная по краю двумя рядами тонко прочерченных арок, возможно, служившая футляром для маленького кривого ножа (рис. 22, 3)¹¹.

¹¹ Почти аналогичная нашей, но иначе орнаментированная костяная поделка (длиной 12,8 см) хранится в Государственном Археологическом музее в Варшаве (найдена

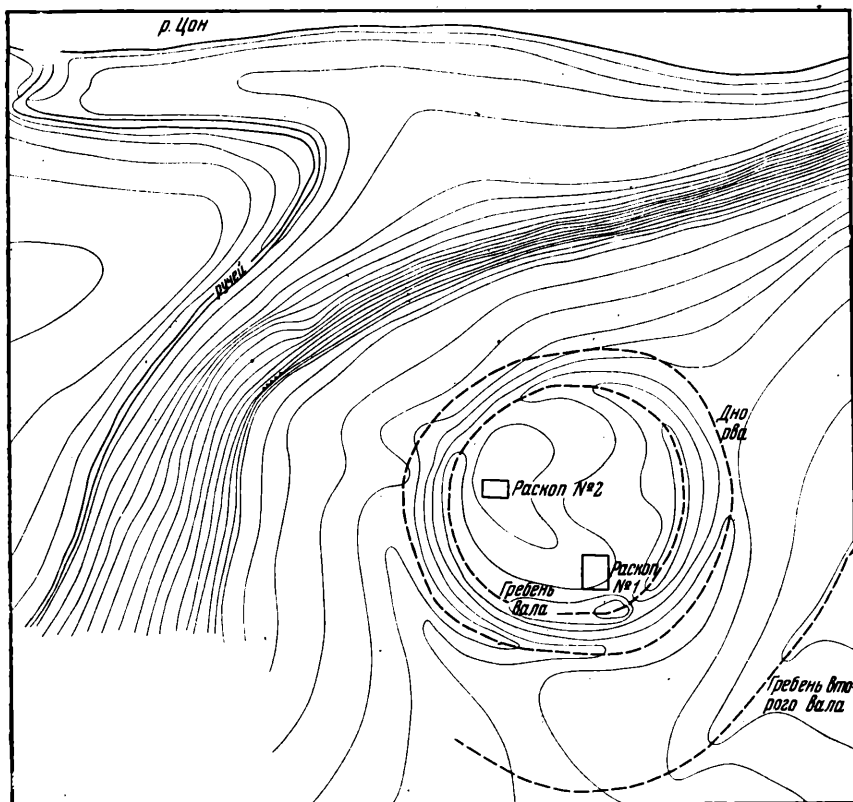

Рис. 25. План древнерусского городища у с. Мерцаловка

Керамика верхнего слоя сравнительно немногочисленна. Посуда имеет примерно те же формы, что и на городище Титово-Мотыка. Орнамент — линейный и волнистый. На днищах некоторых сосудов — клейма (колесо со спицами, лилия с отростками и т. п., рис. 22, 4, 5). В нижнем слое количество находок гончарной керамики резко убывает, вместо нее появляется грубая, толстостенная, лепная посуда. По характеру теста (глина с крупными примесями дресвы) и формам сосудов (довольно хорошо профилированные, слегка ребристые горшки) эта посуда напоминает лепную керамику ряда городищ бассейна верхней Оки середины и третьей четверти I тысячелетия н. э. Находки других поделок здесь немногочисленны (глиняные грузики со штампованным орнаментом). Возможно, что в то время здесь также существовал небольшой поселок, принадлежавший еще дославянскому (восточнобалтскому) населению.

Городище у дер. Мерцаловка расположено на возвышенном правом берегу р. Цон, у впадения в него ручья (рис. 25). Над уровнем реки городище возвышается на 23 м. Сохранность кольцевого вала очень хорошая, высота его по отношению к площадке городища составляет около 3—3,5 м. Глубина рва от вершины вала более 4 м. С напольной стороны на расстоянии около 23 м от рва имеется еще один вал полукруглой формы — вторая линия укреплений. Древний въезд на городище не прослеживается, но с юго-восточной стороны в валу заметно небольшое

на раннесредневековом городище, в р-не Пересопниці, Україна). Автор публикации Л. Раухут называет этот предмет «игольником» (Лехослав Раухут. Раннесредневековые материалы из Украины в Государственном археологическом музее в Варшаве. «Materialy wczesnosredniowieczne». V, 1959, стр. 249, Peresopnica, II, tabl. XIII, 10).

понижение: может быть, именно здесь существовал в древности мост через ров и вход на городище. Склоны городища задернованы, сама площадка его невелика — около 40 м в поперечнике. Поверхность довольно сильно изрыта неглубокими ямами. Два наши шурфа были заложены в южной (шурф № 1 — 48 кв. м) и в западной (шурф № 2 — 24 кв. м) частях городища.

В шурфе № 1 был обнаружен светло-серый плотный культурный слой толщиной 20 см, почти не содержащий находок. Кроме фрагментов гончарных сосудов (около 50 экз.) здесь найдена железная дверная накладка и гвоздь.

В шурфе № 2 — культурный слой более темный, но толщиной также 20 см. В шурфе найдены два обломка стеклянных браслетов, железная пружина цилиндрического замка и 37 обломков гончарных сосудов XII—XIII вв.

Чрезвычайно мощна система укреплений, которая делает и сейчас еще городище малодоступным. Тонкий слабонасыщенный культурный слой, может быть, свидетельствует о том, что городище служило временным убежищем в момент опасности для жителей окрестных неукрепленных поселений.

В 1938 г. Мерцаловское городище было обследовано Н. П. Милоновым, заложившим здесь три шурфа. Он также отмечает незначительную толщину (до 30 см) и слабую насыщенность культурного слоя. В одном из шурфов, примыкавшем к насыпи вала, при зачистке был обнаружен нижний ярус укреплений вала — по подошве его шли обугленные бревна, над которыми лежала прокладка из булыжника. Н. П. Милонов предполагает, что вал насыпался на площадке, заранее утрамбованной и обложенной специально обожженными бревнами¹².

Материалы, полученные в результате раскопок названных городищ, не позволяют сделать исчерпывающих выводов по поводу их характера и внутренней планировки. Можно только предполагать, как это отмечалось нами ранее¹³, что эти древнерусские поселения, расположенные на высоком берегу реки, почти круглые в плане, окруженные кольцевым валом и небольшие по размерам (диаметр 40—50 м), представляли собой остатки владельческих поселений — укрепленных усадеб феодалов. Наиболее вероятно, это предположение относится к городищам Гать и Титово-Мотыка. Аналогичные памятники хорошо известны и в других районах древней Руси как на юге, так и на севере¹⁴. Подробную их характеристику по материалам двух полностью раскопанных городищ Смоленщины дал В. В. Седов, считавший, что эти укрепленные городки являются остатками «феодальных замков». Интересно, что одно из них — Бородинское городище — автор раскопок считает принадлежащим вятичам¹⁵.

¹² Н. П. Милонов. Указ. соч., стр. 8.

¹³ Т. Н. Никольская. Культура племен бассейна верхней Оки в I тыс. н. э. МИА, № 72, 1959, стр. 131; она же. К вопросу о феодальных «замках» в земле вятичей. «Культура древней Руси». М., 1966.

¹⁴ П. А. Раппопорт. Очерки по истории русского военного зодчества X—XIII вв. МИА, № 52, 1956; он же. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X—XV вв. МИА, № 105, 1961, стр. 31, сл.

¹⁵ В. В. Седов. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли. МИА, № 92, 1962, стр. 123.

А. Ф. МЕДВЕДЕВ

ПЕРВЫЕ РАСКОПКИ В ГОРОДЦЕ НА ВОЛГЕ

Городец на Волге (ныне районный центр Горьковской обл.) расположен на высоком плато левого берега Волги в 53 км вверх по течению от г. Горького. В русских летописях он впервые упоминается как уже существовавший город в 1172 г., а летописные известия 1186 г. не оставляют сомнений, что в это время Городец был уже значительным городом с многочисленным населением, из которого формировались крупные воинские отряды для похода на Волжскую Болгарию.

Городец был основан в 1152 г. Юрием Долгоруким как крепость на восточной границе Ростово-Суздальского княжества для защиты русских земель от набегов волжских болгар. До наших дней сохранились величественные валы и рвы второй половины XII в., полукольцом окружавшие городской посад с напольной стороны¹.

В истории Городца, судя по письменным источникам, довольно четко намечаются три периода. В первый период (вторая половина XII—первая половина XIII в. — до монгольского нашествия 1238 г.) Городец бурно развивается и приобретает важное военно-экономическое значение; его население увеличилось настолько, что в пределах вала окольного города (60 га) уже не могло разместиться, и посадские слободы возникают к югу от города, за пределами вала и рва. В феврале 1238 г. город был сожжен монголами, большая часть населения была перебита. В XIII—XIV вв. его бывшее военно-экономическое значение резко падает, он нередко отдается в кормление опальным князьям.

В 1408 г. Городец вновь был сожжен и разграблен войсками хана Едигея.

После нашествия Едигея он окончательно теряет свое значение, пустеет, территория его детинца и посада распахивается. В первой половине XVIII в. Городец, по словам В. Н. Татищева, был простым селом².

Первые археологические исследования Городца были проведены в 1960 г. Горьковским историко-архитектурным музеем-заповедником³.

Они велись в четырех пунктах города: на территории посада с северной стороны от древнего детинца (раскоп I и шурф 1), на территории детинца (раскоп II и траншея для выяснения конструкции и времени сооружения вала и рва, окружавших детинец и уничтоженных почти полностью еще в древности).

¹ А. Ф. Медведев. Основание и оборонительные сооружения Городца на Волге. «Культура древней Руси». М., 1966, стр. 158—167.

² В. Н. Татищев. История Российская, т. I. М., 1962, стр. 439.

³ В раскопках участвовали научные сотрудники Горьковского музея В. Ф. Черников и М. Я. Шайдакова и Городецкого музея — К. Ф. Блюмхен. Руководил раскопками А. Ф. Медведев.

Раскоп I площадью 58 кв. м был заложен в Советском переулке, между улицами Александра Невского и Овражной. Культурный слой толщиной около 60 см довольно четко делится двумя прослойками пожаров, а также по цвету и составу на три слоя.

В верхнем (первом) слое темно-серой супеси толщиной от 20 до 40 см было много мелких черепков сероглиняной, белоглиняной и красноглиняной посуды, полихромные изразцы XVIII в. и монеты XIX в. Остатков сооружений в этом слое не обнаружено.

В среднем (втором) слое темно-коричневой супеси толщиной от 12 до 25 см тоже много мелких черепков серой, белой и красно-глиняной керамики. Второй слой находится между двумя угольными прослойками пожаров; толщина верхней — от одного до нескольких миллиметров, нижней — от 1 до 5 см. Только при очень сильном пожаре могла образоваться такая прослойка, перекрывшая весь нижний слой.

Второй слой, в отличие от верхнего, почти без перекопов, в нем преобладает древняя керамика и вещи, бывшие в употреблении на Руси в XIII и XIV вв.: 12 стеклянных браслетов, глиняные грузила (рис. 26, 31, 32), розовое шиферное пряслице, железные псалый (рис. 27, 1), наколочник стрелы в виде кинжальчика — типичный для второй половины XIII и XIV в. (рис. 27, 3)⁴, пряжка (рис. 26, 23), два ключа от трубчатых замков и 12 трубчатых замков и дужек от них (рис. 26, 14, 15, 17)⁵. Все замки лежали вместе в прогибе над землянкой № 1. Не исключено, что это клад ремесленника, зарытый в момент опасности (возможно, в 1408 г.).

Нижний (третий) слой черной супеси толщиной от 12 до 20 см с большой примесью угля залегал на светло-сером материковом песке. В слое много крупных черепков сероглиняной гончарной посуды с линейным, волнистым и штампованным орнаментом и венчиками (рис. 28, 22—24), характерными для второй половины XII—первой половины XIII в. Есть днища горшков с клеймами в виде кольца и креста и черепки красноглиняных киевских амфор. К этому древнейшему слою, почти нигде не нарушенному поздними перекопами, относятся землянка № 1 и четыре частично вошедшие в раскоп ямы (№ 3—6) явно производственного назначения.

Вещевой материал нижнего слоя значительно разнообразнее среднего и относится, несомненно, ко времени до монгольского нашествия. В слое найдены 13 стеклянных браслетов, шиферное розовое пряслице, стеклянная бочонкообразная черная бусина с желтой инкрустацией, типичная для XII и первой четверти XIII в.,⁶ обломок бронзового плетеного браслета, подобный браслету из Старой Рязани, разрушенной монголами в 1237 г.⁷

Как уже упоминалось, нижний слой был всюду перекрыт пожарной прослойкой толщиной от 1 до 5 см, а над землянкой № 1 до 10 см.

⁴ А. Ф. Медведев. Ручное метательное оружие. М., 1966, стр. 64, четвертый вариант типа 38, табл. 23, 17.

⁵ Б. А. Колчин. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого. МИА, № 65, 1959, стр. 82, типы В и Г, рис. 70.

⁶ Ю. Л. Шапова. Стеклянные бусы древнего Новгорода. МИА, № 55, 1956, стр. 177, табл. II, рис. 17.

⁷ А. Л. Монгайт. Старая Рязань. МИА, № 49, 1955, стр. 175, рис. 137, 2.

Рис. 26. Городец на Волге. Вещи из раскопок

1, 3 — вишние зубила; 2 — молоток чеканщика; 4 — железная пластинка со следами работы зубилом и пробойником; 5 — пробойник; 6 — напильник; 7 — цепь; 8, 9 — ножи; 10 — кинжал или наколочник сулицы; 11 — стальной кинжал; 12, 13 — глиняные тигля; 14—17 — трубчатые замки; 18 — замок от конских пут; 19 — авлено от удила; 20 — пробой дверной; 21 — ключ; 22—24 — пряжки; 25 — кольцо; 26, 28 — глиняные пряслица; 27 — пряслице из черепка болгарского горшка; 29—32 — глиняные грузила

В этой прослойке над землянкой № 1 был найден монгольский железный наконечник стрелы (рис. 27, 4), несомненно попавший сюда в феврале 1238 г. Такие наконечники занесены на Русь монголами и имели распространение в XIII и XIV вв.⁸

На основании археологических материалов и письменных источников можно заключить, что нижний слой отложился во второй половине XII и первой половине XIII в., до монгольского нашествия 1238 г., средний — с 1238 по 1408 г. и верхний относится к XV—XX вв.

Землянка № 1 (рис. 28, 1, 2) имеет в плане прямоугольную форму и размеры 3,8 × 3,6 м, размеры деревянной клетки землянки 3,5 × 3,25 м. Ориентирована длинными сторонами с юго-запада на северо-восток. Глубина ее от дневной поверхности второй половины XII или начала XIII в., когда она была сооружена, около 1,5 м. По углам и в центре землянки стояли столбы, которые служили опорой перекрытия и стен, сложенных из бревен диаметром 14—18 см. Бревна укладывались горизонтально друг на друга между столбами и стенками ямы. У северо-западного угла землянки тоже стоял столб, по-видимому, от кровли. Ни входа, ни следов печи в землянке № 1 не обнаружено.

В землянке под слоем пожарища 1238 г. были найдены: куски железного шлака, медные пластинки, глиняный тигель для плавки меди, железные пластинки, скобы, гвозди кованые, шпилька, пробой дверной, ножи с прямой толстой спинкой и продольным желобком, характерные для XII и начала XIII в.⁹, точильный брусок, сверло лучковое для ювелирных работ по кости (рис. 27, 7), костяное навершие рукояти ножа (рис. 29, 17), около десятка стеклянных браслетов, желтая шарообразная бусина, типичная для XII—первой половины XIII в.¹⁰, ключ от трубчатого замка (рис. 27, 12), характерный для второй половины X—начала XIII в.¹¹ На дне землянки найдены часть корпуса трубчатого замка и небольшой полубронебойный наконечник стрелы лавровидной формы (рис. 27, 2), близкий по характеру отделки наконечнику из раскопок М. К. Каргера в Изяславле, разрушенном монголами во время нашествия XIII в.¹² Дверной пробой, ключ и часть корпуса трубчатого замка были найдены у северо-западного угла землянки, где, возможно, был вход.

С южной, западной и северной сторон землянки № 1 находились четыре ямы (№ 3—6) явно производственного назначения. Вместе с землянкой № 1 они составляли единый комплекс.

В яме № 5 под прослойкой пожара найдены пять крупных кусков железного шлака, железные кованые гвозди, стержень и пружина от трубчатого замка, а между землянкой и ямой — стальной кинжал с прямой толстой спинкой и желобком, характерный для XII—начала XIII в. (рис. 26, 11), оковка железная от ножен сабли (рис. 29, 16), кольцо от удила, тигель глиняный для плавки меди и других цветных металлов (рис. 26, 12), наковаленка медника-чеканщика для разрубания проволоки и пластин (рис. 26, 1)¹³, бляшка медная литая щитовидной формы с рельефным узором, серьга бронзовая с двумя подвесками в виде пугвиц, крючок рыболовный (рис. 29, 4, 5, 18), пробой дверной с кольцом (рис. 26, 20), днище горшка с клеймом в виде косога креста и др.

В яме № 6 найдены: восемь гвоздей, три ножа, пробой дверной, две дужки от трубчатых замков, бронзовая пластинка, железная узкая

⁸ А. Ф. Медведев. Ручное метательное оружие. М., 1966, стр. 75, табл. 24, 4.

⁹ Б. А. Колчин. Указ. соч., стр. 48.

¹⁰ Ю. Л. Шапова. Указ. соч., стр. 165, тип. 1, вариант 2.

¹¹ Б. А. Колчин. Указ. соч., стр. 78, табл. 24, рис. 66, 2, 3.

¹² А. Ф. Медведев. Ручное метательное оружие. Табл. 23, 27, ср. с табл. 21, 15.

¹³ Подобные наковальни известны из Райковецкого городища и из Волжской Болгарии (см. В. К. Гончаров. Райковецкое городище. Киев, 1950, табл. XVIII, рис. 7; А. П. Смирнов. Волжские булгары. М., 1951, стр. 108, рис. 39).

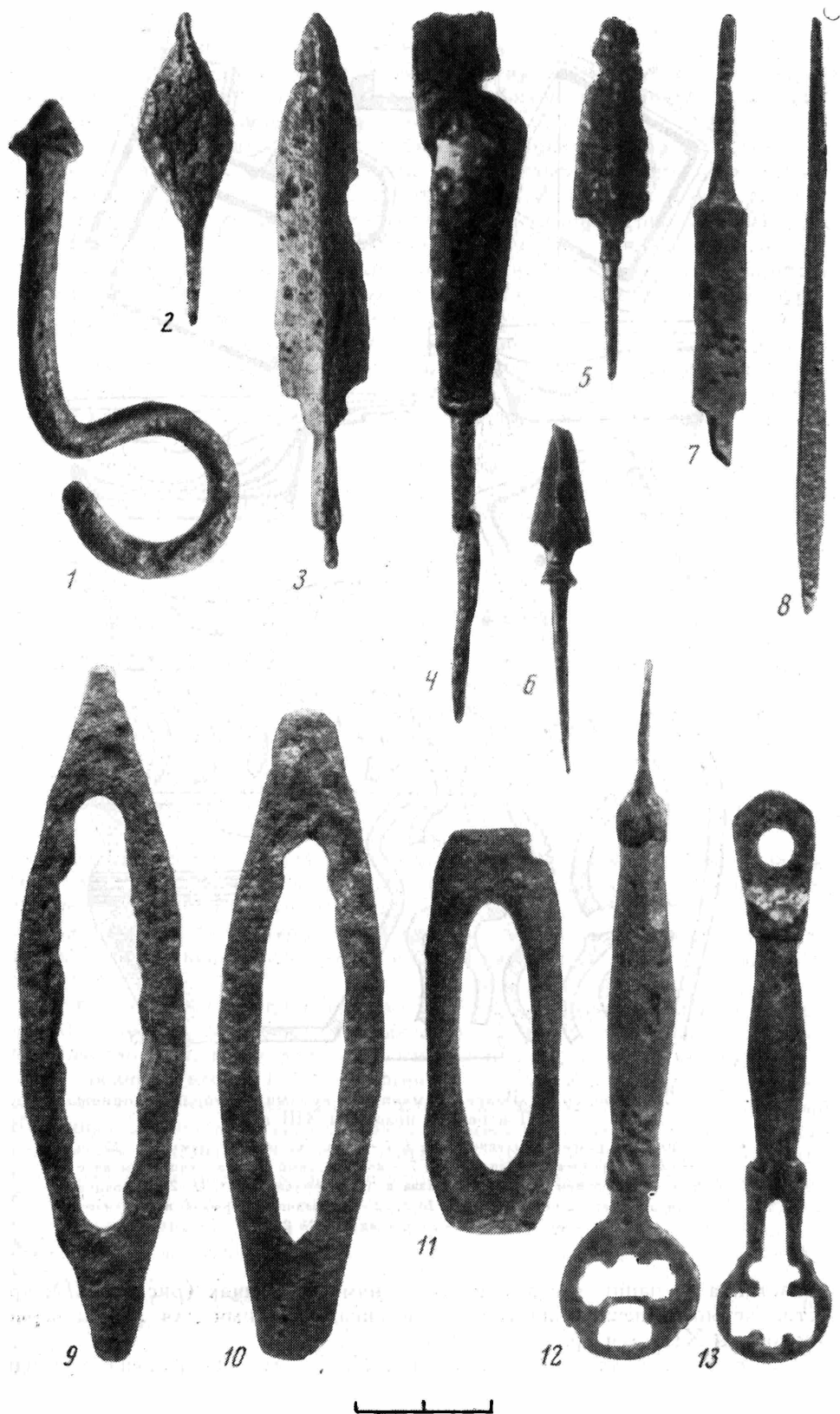

Рис. 27. Городец на Волге. Вещи из раскопок

1 — псалий; 2—6 — наконечники стрел; 7 — сверло ювелирное; 8 — шило; 9—11 — кресала; 12, 13 — ключи

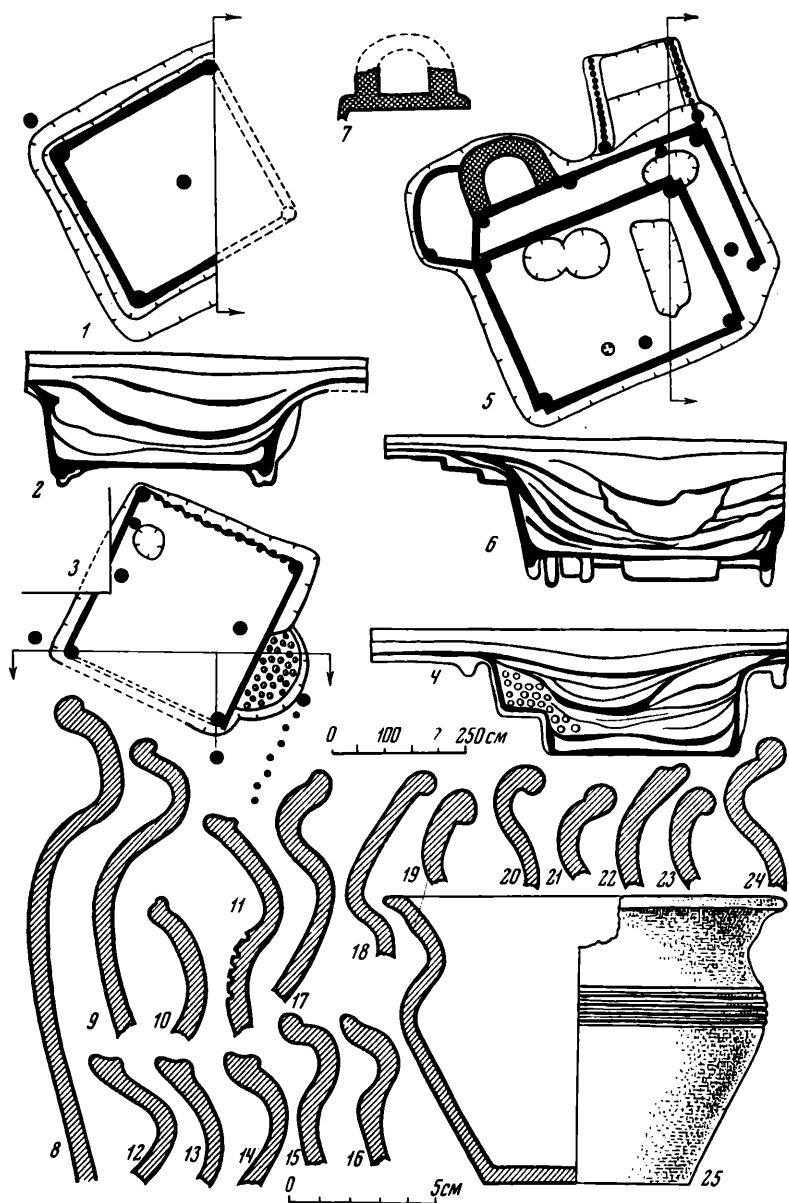

Рис. 28. Городец на Волге. Землянки и керамика второй половины XII и первой половины XIII в.

1, 2 — план и разрез землянки № 1; 3, 4 — план и разрез землянки № 2; 5, 6 — план и разрез землянки № 3; 7 — вертикальный разрез печи в землянке № 3; 8—16 — венчики горшков из развала печи землянки № 3; 17—21 — венчики горшков из развала печи землянки № 2; 22—24 — венчики горшков из землянки № 1; 25 — горшок из ямы № 2

пластинка от панциря с двумя отверстиями на концах (рис. 29, 21), крестик четырехконечный из серого змеевика, типичный для XII и первой половины XIII в. и др.

У северо-западного угла землянки № 1 была обнаружена еще одна наковаленка или нижнее зубило для разрубания металла (рис. 26, 3), обрывок цепи (рис. 26, 7), лезвие топора, рыболовный крючок

(рис. 29, 19), шиферное розовое пряслице (рис. 29, 15), два глиняных тигля для плавки меди и других цветных металлов.

Яма № 3 находится в 7 м к северу, а яма № 4 — в 4 км к западу от землянки № 1, в их завале также много обожженного докрасна суглинка с углем и железным шлаком.

Не исключено, что яма № 3 была кузницей с горном под навесом. В ней найдены стальной пробойник для круглых отверстий или чеканки орнамента в виде круглых точек диаметром 2 мм (рис. 26, 5), тигель глиняный, железные кинжал или наконечник сулицы (рис. 26, 10), крючок для крупной рыбы (рис. 29, 20), шило, скобы, четыре ножа, пряжка (рис. 26, 24) и стержень квадратного сечения. Около ямы обнаружена типичная для XII и первой половины XIII в. стеклянная бочонкообразная черная бусина с желтой инкрустацией.

В яме № 4 найдены пластинчатый стальной напильник с перекрестной нарезкой со всех сторон (рис. 26, 6), две железных пластинки, скобы, гвозди кованые и три стеклянных браслета. Около ямы найдены обломок тигля глиняного (рис. 26, 13), пластинка железная (рис. 26, 4) со следами обработки зубилом и пробойником, подобными упомянутым, пряжка круглая с язычком (рис. 26, 22), нож, скоба и стеклянные браслеты.

Характер заполнения землянки № 1 и окружающих ее ям, наличие железных шлаков, медных слитков и пластин, шести тиглей для плавки меди, инструментов для обработки железа и пластин со следами работы этими инструментами, а также многочисленные железные, стальные и бронзовые изделия — все это свидетельствует о том, что здесь накануне монгольского нашествия находились мастерские ремесленников и ювелиров, изготовлявших оружие, предметы обихода и бронзовые украшения. Видимо, и после нашествия здесь жили ремесленники, свидетельством чему является клад замков.

Судя по керамике, вещевому материалу, характеру и толщине нижнего культурного слоя, этот участок был заселен во второй половине XII в. Археологические данные подтверждают летописные.

* * *

Примерно в 40 м к югу от раскопа I во дворе дома № 17 по Овражной улице был заложен шурф № 1 площадью 24,7 кв. м. Здесь в древнейшем слое была открыта землянка № 2 (рис. 28, 3, 4).

Культурный слой шурфа по мощности (60 см) и по характеру аналогичен слою раскопа I, он также делится двумя прослойками пожаров на три слоя.

В верхнем слое толщиной около 20 см обнаружены поздние и древние вещи: глиняная игрушка — лошадка, дужка от трубчатого замка, крючок рыболовный, ключ железный, гвозди и измельченные черепки.

В среднем (втором) слое толщиной 12—20 см встречались в небольшом числе кости коровы, лошади, клыки кабанов и кости осетровых рыб. Керамика преобладает сероглиняная с линейным, штампованным и реже волнистым орнаментом. В слое найдены: куски керамического и железного шлаков, каменное ядро диаметром 4,7 см, грузило глиняное от рыболовной сети, лодочная скоба, кольца железные от сбруи, ножи со слегка изогнутой спинкой, ключ железный от трубчатого замка, типичный для XIV и первой половины XV в.¹⁴, пряслице глиняное с орнаментом (рис. 26, 28).

Нижний слой (10—18 см) сверху перекрыт угольной прослойкой пожара толщиной от 1 до 12 см. В небольшом числе встречаются кости тех же животных, что и в среднем слое. Керамика преобладает сероглиня-

¹⁴ Б. А. Колчин. Указ. соч., стр. 82, рис. 68, 6.

ная с линейным, штампованным и реже волнистым орнаментом с типичными для XII и первой половины XIII в. венчиками (рис. 28, 8, 11).

Около землянки № 2 найдены железные пластинка, гвоздь, ножи с прямой толстой спинкой, два днища горшков с клеймами и типичная для XII и начала XIII в. темно-синяя стеклянная бочонковидная бусина с желтой спирально-волнистой инкрустацией¹⁵.

Землянка № 2 (рис. 28, 3, 4), ориентировка с юго-запада на северо-восток, в плане почти квадратная (3, 8 × 3,7 м), глубина ее от поверхности материка 1,5 м. Размер клетки этого жилища 3,4 × 3,2 м, конструкция аналогична землянке № 1. Пожар 1238 г., уничтоживший это жилище, был настолько силен, что материковые стенки землянки в верхней части прокалились на глубину до 10 см. Угловые столбы диаметром 23—25 см углублены в дно землянки до 40 см. Угольные полосы от сгоревших стен имели ширину 5—7 см. Северная стена этого жилища была не дощатой или бревенчатой, как западная и восточная, а в виде плетня (рис. 28, 3), южная стена в шурф не вошла. Основу северной стены составляли 13 кольев диаметром до 10 см, забитых в дно землянки на глубину 16—20 см с интервалами в 10—14 см и оплетенных толстыми прутьями или хворостом. Этот каркас был обмазан глиной, которая прокалилась и осыпалась при пожаре. Внутри землянки стояли два столба, поддерживавших кровлю.

Землянка № 2 была, несомненно, жильем с печью-каменной на специально для нее вырезанной в материке полукруглой в плане площадке за пределами восточной стены. Устье печи выходило в землянку, под в виде каменной вымостки на глине с песком толщиной 10 см был выше дна землянки на 80 см. Стены и свод не сохранились, но они также были из камня и глины. В печи в момент гибели жилища, судя по черепкам, находились пять или шесть горшков (рис. 28, 17—21), а около печи — глиняное грузило (рис. 26, 30) и два кресала, типичных для XII и XIII вв. (рис. 27, 9, 10)¹⁶.

Вход в землянку четко не прослежен, но, вероятно, он находился у северо-западного угла, где материк глубже, чем в других местах, и на дне жилища была ямка, возможно, от стоявшей здесь лестницы, около которой найдены дверной пробой и ключ с борожкой, типичный для XI—первой половины XIII в.¹⁷ Пол жилища, возможно, был деревянным, судя по слою угля на дне землянки толщиной 4—5 см.

У юго-западного и юго-восточного углов стоянки стояли столбы от кровли, у юго-восточного угла на расстоянии одного метра от землянки находился плетень, от которого сохранились следы семи кольев диаметром 7—10 см, забитых зигзагом с интервалами 14—20 см.

В землянке № 2 под угольной прослойкой пожара 1238 г., кроме упомянутых пробои и ключа, были найдены: осколок каменного предмета вроде иконки с орнаментом и, возможно, с надписью (рис. 29, 10), шар каменный, шарик и грузило глиняные (рис. 26, 29), три стеклянных браслета и обломок перстня, железные дужка от ведра, ножи с прямой спинкой, гвозди кованые, пластинки, скобы, пряжка, ручка от ларца и кресало

¹⁵ Ю. Л. Шапова. Указ. соч., стр. 177, табл. II, 17.

¹⁶ Б. А. Колчин. Указ. соч., стр. 100, рис. 84, 7, 8 и рис. 85.

¹⁷ Б. А. Колчин. Указ. соч., стр. 91, рис. 74, 1—6.

Рис. 29. Городец на Волге. Вещи из раскопок

1 — бронзовая подвеска; 2 — бронзовый крестик; 3 — бронзовая булавка; 4 — бронзовая серьга; 5 — бронзовая бляшка; 6, 7 — каменные крестики; 8 — бронзовый браслет; 9, 11, 12 — бронзовые колечки; 10 — каменный предмет (иконка?); 13 — бронзовый бубенчик; 14, 15 — шиферные пряслица; 16 — железная оковка ножен сабли; 17 — костяное навершие рукояти ножа; 18—20 — железные рыболовные крючки; 21 — железная пластинка от панциря; 22 — железная булавка

(рис. 27, 11), булавка бронзовая с круглым в сечении стержнем и треугольной головкой с валиком и двумя отверстиями (рис. 29, 3). Подобные, но несколько отличные по отделке булавки известны из Новгорода, где они датируются первой половиной XIV в.¹⁸ Видимо, эта форма булавок характерна для XIII и XIV вв. Кресала этого типа имели широкое распространение в XIII—XV вв.¹⁹ Трудно сказать, чем, кроме рыболовства, занимались обитатели этого жилища.

Раскоп II площадью 124 кв. м был заложен внутри детинца на Волжской улице, в 9 м от берегового обрыва. Толщина культурного слоя здесь колеблется от 35 до 60 см. И на этом участке четко прослеживаются три слоя с двумя угольными прослойками пожаров 1238 и 1408 гг. Слои датируются здесь точно так же, как на раскопе I и в шурфе № 1. В нижнем слое вскрыты древние ямы и землянка № 3 (рис. 28, 5, 6). В верхнем слое толщиной от 8 до 20 см имеются перекопы, поэтому встречаются керамика и вещи из нижних слоев: 10 стеклянных браслетов, стеклянная рыбовидная бусина фиолетового цвета, типичная для XII—XIII вв., зонная бусина янтарного цвета, пряслица розовое шиферное и глиняные, одно из которых подражает розовым шиферным (рис. 26, 26), яйцевидная погребушка, бруски, шарик каменный диаметром 4 см, пробой дверной, ножи, кресало овальное вытянутое с угловыми концами, типичное для XIII в., тесло желобчатое, удила (рис. 26, 19), шило, скобы, гвозди, наконечник стрелы килевидной формы XIII—XIV вв. (рис. 27, 5)²⁰, кольца железные, колечко бронзовое перстнеобразное (рис. 29, 11), браслет бронзовый витой (2×2), имевший распространение на Руси в XIII—XIV вв.²¹

В среднем слое толщиной около 18 см встречаются кости и зубы коровы, лошади, свиньи, овцы и осетровых рыб. Вещей в этом слое очень много: железные кованые гвозди, скобы, пробой дверные, шилья, два кресала овальных, типичных для XIII—XV вв.²², молоток ювелира-чеканщика (рис. 26, 2), совершенно аналогичный молотку из Волжской Болгарии²³, четыре дужки от трубчатых замков, дужка от ведра, замок трубчатый (рис. 26, 16) и ключ от такого же замка, типичные для XIII—начала XV в.²⁴, замок трубчатый от конских пут (рис. 26, 18), аналогичный замкам из Райковецкого городища²⁵, стеклянные браслеты, бусы шаровидные (желтая и коричневая) и зонные желтые, характерные для XII—XIII вв.²⁶, хрустальная зонная бусина, шиферные розовые пряслица, обломок глиняного тигля, пряслица из черепков красной болгарской посуды (рис. 26, 27), грузило глиняное от сети, крестик каменный четырехконечный (рис. 29, 6), совершенно аналогичный крестикам из Старой Рязани и Райковецкого городища²⁷, обрывки кожаных поршней, днища горшков с клеймами в виде колесика, трехпалой лапы и угловатой восьмерки, бруски точильные, шар каменный диаметром 4,5 см, обломок бронзового бубенчика, бронзовые перстнеобразное колечко и браслет плетеный из шести проволок (рис. 29, 8, 9, 13). Подобный браслет известен из Новгорода, где он датируется второй половиной XI в.²⁸ Плетеные браслеты

¹⁸ М. В. Седова. Ювелирные изделия древнего Новгорода. МИА, № 65, 1959, стр. 241, рис. 5, 6.

¹⁹ Б. А. Колчин. Указ. соч., стр. 101, рис. 84, 9—11, рис. 85.

²⁰ А. Ф. Медведев. Ручное метательное оружие, стр. 64, табл. 23, 16.

²¹ А. В. Арциховский. Курганы вятичей. М., 1930, стр. 12, 137—138, 150, рис. 2; М. В. Седова. Указ. соч., стр. 248, рис. 8, 4.

²² Б. А. Колчин. Указ. соч., стр. 101, рис. 84, 9—11 и 85.

²³ А. П. Смирнов. Указ. соч., рис. 45 верхний.

²⁴ Б. А. Колчин. Указ. соч., стр. 82, рис. 68, 1 и рис. 70, тип В-II.

²⁵ В. К. Гончаров. Указ. соч., табл. IX, 5.

²⁶ Ю. Л. Шапова. Указ. соч., стр. 165, вариант 2, стр. 167—168.

²⁷ А. Л. Монгайт. Указ. соч., рис. 118, 8; В. К. Гончаров. Указ. соч. табл. XXII, 12.

²⁸ М. В. Седова. Указ. соч., стр. 249, рис. 8, 10.

имели распространение со второй половины XI до XIII в. включительно. К этому же слою относятся вещи, найденные в перекопе в засыпи землянки № 3: железная узкая пластинка от панциря с двумя отверстиями (типа рис. 29, 21), два черепка золотоордынской поливной расписной посуды, появившейся на Руси после монгольского нашествия и встреченной в слоях XIII—XIV вв. в Новгороде²⁹, четыре серебряные золотоордынские монеты ханов Джанибека, Мюрида и Мухаммеда, датирующихся с 1340 до 1372 г.³⁰, шесть кусочков янтаря, 12 стеклянных браслетов и др. Пожарные прослойки и вещи позволяют с полной уверенностью датировать средний слой XIII и XIV вв. (с 1238 по 1408 г.).

Нижний (третий) слой толщиной от 10 до 20 см местами состоит почти сплошь из угля и золы от сгоревших во время монгольского нашествия построек. В слое много крупных черепков керамики, характерной для XII и первой половины XIII в., встречаются кости коровы, лошади, свиньи, овцы и осетровых рыб, а также чешуя стерляди, клыки кабанов и кости птиц. К этому слою относится несколько ям, следы частоколов и землянка № 3, дважды горевшая и разрушенная в 1238 г.

В нижнем слое (кроме ям и землянки) найдено много вещей: железные кресало овальное, характерное для XIII—XV вв.³¹, ножи с прямой и слегка изогнутой спинкой (рис. 26, 8), кольцо, пробои дверные, наколенник стрелы (рис. 27, 6), типичный для второй половины XII и первой половины XIII в. (до монгольского нашествия)³², ключ железный (рис. 26, 21), характерный для XI—первой половины XIII в.³³, пряслица шиферные (рис. 29, 14), стеклянные браслеты. Семь днищ горшков с клеймами, обломок тигля для плавки меди (около землянки № 3), бронзовые колечко (рис. 29, 12) и спиральная шумящая подвеска (рис. 29, 1), подобные которой есть в костромских и владимирских курганах второй половины XII и первой половины XIII в.³⁴ Нет сомнения, что древнейший слой датируется, как уже говорилось, второй половиной XII и первой половиной XIII в., до монгольского нашествия 1238 г.

В ямах, вырытых в этот период для различных хозяйственных нужд, были найдены керамика и следующие вещи: в яме № 1 — брусok и два днища горшков с клеймами в виде кольца и угловатой весьмерки; в яме № 2 — дужка железная от ведра, ручка глиняная от сковороды, днище горшка с клеймом в виде колеса с шестью спицами, браслет стеклянный, горшок глиняный с линейным орнаментом (рис. 28, 25), характерный для XII—XIII вв., судя по аналогии с керамикой Новгорода³⁵; в яме № 5 — брусok и два днища горшков с клеймами в виде кольца и косога креста; в яме № 8 — нож, крестик каменный (рис. 29, 7) и две бусины стеклянные, шарообразная и зонная желтого цвета, типичные для XII и XIII вв.³⁶; в яме № 9 — пряслице шиферное розовое, нож, скоба, бронзовые пластинка и крестик с круглыми концами (рис. 29, 2), типичный для XII и первой половины XIII в.³⁷

²⁹ А. Ф. Медведев. Ближневосточная и золотоордынская поливная керамика из раскопок в Новгороде. МИА, № 117, стр. 269—285.

³⁰ Пользуясь случаем, выражаю глубокую благодарность С. А. Яниной, производившей определение монет.

³¹ Б. А. Колчин. Указ. соч., стр. 101, рис. 84, 9—11 и рис. 85.

³² А. Ф. Медведев. Ручное метательное оружие, стр. 62, тип. 31, табл. 23, 10.

³³ Б. А. Колчин. Указ. соч., стр. 91, рис. 74, 1—6.

³⁴ П. Н. Третьяков. Костромские курганы. ИГАИМК, т. X, вып. 6—7, 1931, стр. 21—25, табл. III, рис. 11; А. А. Спицын. Владимирские курганы. ИАК, вып. 15, СПб., 1905, стр. 160, рис. 435.

³⁵ Г. П. Смирнова. Опыт классификации керамики древнего Новгорода. МИА, № 55, 1956, стр. 241, вариант III-Г, рис. 5, 8.

³⁶ Ю. Л. Шапова. Указ. соч., стр. 165, вариант 2, стр. 167—168.

³⁷ М. В. Седова. Указ. соч., стр. 236, рис. 4, 7. Точная аналогия есть во Владимирских курганах XI—XII вв. А. А. Спицын. Владимирские курганы. ИАК, вып. 15.

В материке на раскопе II были четко видны следы частоколов, относящихся в большинстве своем к древнейшему периоду (один — ко второму слою). Они ставились в разное время, ширина канавок для них 17—22 см, глубина 40—65 см, диаметр кольев 10—15 см.

Землянка № 3 (рис. 28, 5—7) ориентирована с ЮЗЗ на СВВ. Это жилище с печью-каменкой и входом с северной стороны строилось дважды до монгольского нашествия. Первая постройка относится ко второй половине XII в., но она сгорела, по всей вероятности, вскоре после сооружения вместе с деревянным оплотом детинца, находившимся неподалеку от этого жилища³⁸. Вскоре после пожара на этом месте вновь сооружается жилище точно такой же конструкции, почти такого же размера и глубины, с такой же печью-каменкой. Вторая постройка сгорела во время монгольского нашествия, угольный слой этого пожара перекрывает оба сооружения.

Первоначальная прямоугольная постройка имела размеры 4,8×3,2 м при глубине 1,8 от поверхности материка. Бревна стен толщиной 15—18 см клались горизонтально друг на друга с внешней стороны опорных угловых столбов. Нижние бревна вдавливались на 20 см в материк тяжестью стен и потолка или были уложены в специально выкопанные для этого канавки. От этой постройки сохранились лишь остатки обугленных столбов и бревен северной и восточной стен, а также подковообразной в плане глинобитной печи-каменки с зольной ямой в северо-западном углу и двухступенчатым входом-тамбуром у северо-восточного угла землянки.

Печь была за пределами жилища, как в землянке № 2, от нее сохранился под, основание стен и развал закопченных камней от свода и стен. Размер печи (внешний) 1,6×1,1 м, толщина стен от 20 до 35 см. Под печи находился на высоте 90 см от пола землянки и имел размеры 85 (устье) × 80 см. В развале печи имелись черепки типичных для второй половины XII и первой половины XIII в. горшков (рис. 28, 8—16).

Рядом с печью с запада, тоже за пределами стен жилища, находилось небольшое помещение (1,7×1 м), дно которого было выше пола землянки на 15 см. Оно сплошь было заполнено золой (слой золы 85 см), возможно, что это припечная зольная яма.

Пол жилища сгорел, от него сохранилась горизонтальная прослойка угля 3—4 см толщиной на 25 см выше дна ямы для землянки. Судя по высоте уровня пола, он, видимо, настился из подтесанных бревен, концы которых могли опираться на бревна нижнего венца стен. За время существования жилища подполье заполнилось темно-коричневой супесью с углем.

Вход в жилище имел вид крытого тамбура с частокольными стенами из 13 кольев диаметром 10—12 см с каждой стороны. Размер тамбура 1,6×1,6 м. У самой стены землянки стояли два толстых столба, на которые, вероятно, опиралась крыша тамбура. В тамбуре были две ступеньки шириной 70—80 см и высотой 22—28 см, вырезанные в материке. Нижняя ступенька находилась выше пола на 1,3 м и выше дна землянки на 1,55 м. Несомненно, что здесь была приставная лестница для входа и выхода, следы которой в виде овальной ямки и столбика сохранились. Слой угля от пожара покрывал ступеньки тамбура и спускался до дна землянки.

Вторая постройка была смещена к юго-западу по диагонали землянки на 1 м. Размер ее 4,2×3,2 м и глубина от поверхности материка 1,8 м. От нее сохранились следы всех угловых столбов и стен.

СПб., 1905, стр. 143, рис. 208. Перламутовый вариант этого типа крестика найден на Райковецком городище (В. К. Гончаров, Указ. соч., табл. XXII, рис. 10).

³⁸ А. Ф. Медведев. Основание и оборонительные сооружения Городца на Волге, стр. 162—163.

На дне землянки была яма глубиной 67 см, возможно, служившая погребком. Печь и вход этой постройки были на северной стороне, но печь рухнула во время пожара и ее развал рассыпался по дну землянки.

Расчленив вещевой материал этих двух следовавших друг за другом построек, соорудившихся, по всей вероятности, одним хозяином, не представляется возможным. На дне и в завале этих двух построек, которые мы называем землянкой № 3, под слоем пожарища 1238 г. было много вещей: железные кованые гвозди, скобы, три шила (рис. 27, 8), четыре ножа с прямыми спинками (рис. 26, 9), звено от удила, кольца (рис. 27, 25), дужка от ведра, ключ и трубчатый замок, типичные для второй половины XII—XIV вв.³⁹, ключ от цилиндрического замка с круглой плоской головкой (рис. 27, 13), типичный для периода с конца X до начала XIII в.⁴⁰, железная булавка (рис. 29, 22), типичная для конца XII и первой половины XIII в.⁴¹, бронзовые пластинка с четырьмя заклепками, застежка от пояса и оковка от рукояти ножа, шиферное розовое пряслице, бруски и каменный шарик диаметром 1,8 см, глиняный тигель для плавки цветных металлов, пять днищ горшков с клеймами, 10 стеклянных браслетов, две зонные бусины (синяя и желтая)⁴², хрустальная шарообразная и янтарная бипирамидальная, типичные для XII—XIII вв.⁴³, втульчатый костяной наконечник стрелы, характерный для XI—первой половины XIII в.⁴⁴ Не исключено, что обитатели этого жилища занимались обработкой цветных металлов. По сообщению летописи население Остерского Городца после пожаров было разведено (по другим городам. — А. М.). Часть населения, несомненно, бежала на северо-восток и была поселена Юрием Долгоруким в Городце на Волге. Именно этим, по-видимому, можно объяснить наличие здесь во второй половине XII и первой половине XIII в. полуземлянок или землянок южного типа с печами за пределами стен жилища. Такие жилища были в этот же период в Колодяжине⁴⁵, но глубина их меньше городецких, что объясняется более мягким климатом.

Первые раскопки в Городце на Волге позволили уточнить время основания города и его укреплений, выяснить характер городской застройки на первом этапе его истории, занятия горожан и облик их материальной культуры. До последнего времени ничего не было известно о ремесленном производстве и торговых связях Городца. Раскопки показали, что в XII—XIII вв. в Городце были развиты ремесла (обработка железа и цветных металлов) и промысловое рыболовство. Несомненно, что более широкие раскопки в Городце дадут интереснейший материал для истории, широкие раскопки в Городце дадут интереснейший материал для истории

³⁹ Б. А. Колчин. Указ. соч., стр. 82, первый вариант типа В, рис. 70.

⁴⁰ Там же, стр. 78—80, тип А, рис. 66, 2, 3 и рис. 70.

⁴¹ Там же, стр. 106, рис. 94, 11, 13.

⁴² Ю. Л. Шапова. Указ. соч., стр. 166—168, табл. 1, рис. 4 и 7.

⁴³ А. В. Арциховский. Курганы вятичей. М., 1930.

⁴⁴ А. Ф. Медведев. Ручное метательное оружие, стр. 87, тип. 3, табл. 22, 5.

⁴⁵ Р. О. Юра. Древний Колодяжин. «Археологічні пам'ятки УРСР», т. XII. Київ, 1962, стр. 85—94, рис. 13—17, 26, 27.

В. Ф. ЧЕРНИКОВ

КРЕПОСТЬ «ОЛЕНЬЯ ГОРА»
БЛИЗ г. ЛЫСКОВО НА ВОЛГЕ

В древнерусских летописях и других письменных источниках имеется очень мало сведений по оборонительным сооружениям и крепостям Нижегородского Поволжья. В свою очередь с вопросами обороны восточных границ древней Руси непосредственно связаны вопросы заселения этой территории русским населением. Поэтому в разрешении их исключительно роль имеют археологические исследования.

В 1963 г. нами производились раскопки крепости «Оленья Гора» с целью получения дополнительных материалов о времени основания крепости, о конструктивных элементах укреплений и о ее населении. Впервые исследования крепости проводились в 1955 г. И. А. Кирьяновым, но некоторые выводы автора требовали уточнений¹.

Исследования 1963 г. проводились параллельно траншеям и шурфам 1955 г. и кое-где дублировали их. Новых площадей почти не затрагивали.

Крепость «Оленья Гора» расположена близ г. Лыскова в 60 км вниз по Волге от г. Горького, на правом высоком берегу, недалеко от устья р. Сундовик, и занимает прямоугольный мыс высотой от 30 до 40 м (рис. 30). С северной и восточной сторон мыс имеет обрывистые склоны к Волге и Сундовику, с юга ограничивается глубоким оврагом и только с западной стороны соединяется с полем. Остатки вала и рва с напольной стороны сохранились до наших дней почти по всему периметру крепости.

Наши работы велись на северо-восточном участке крепости. Это обуславливалось тем, что именно здесь нужно было искать ответ на вопрос о времени появления первоначального поселения и о времени основания крепости. Для определения стратиграфии памятника нами была заложена траншея (40×2 м) от северо-восточного конца мыса в юго-западном направлении.

В результате вскрытия траншеи выяснилось, что культурный слой сероватого цвета у северо-восточного конца мыса имеет толщину всего 5—8 см, далее к юго-западу мощность культурного слоя темно-серого цвета увеличивается до 40—50 см, в квадратах 12—15 культурный слой нарушен раскопом 1955 г., на остальном отрезке траншеи культурный слой имеет мощность от 20 до 35 см.

При вскрытии траншеи было установлено, что культурный слой в пределах с 1 по 10-й квадрат был срезан широкой полосой вдоль вала

¹ И. А. Кирьянов. Отчет о раскопках крепости «Оленья Гора» в 1955 г. в Институте археологии (материалы раскопок находятся в Горьковском историко-архитектурном музее-заповеднике); И. А. Кирьянов. Старинные крепости Нижегородского Поволжья. Горький, 1961, стр. 61—70.

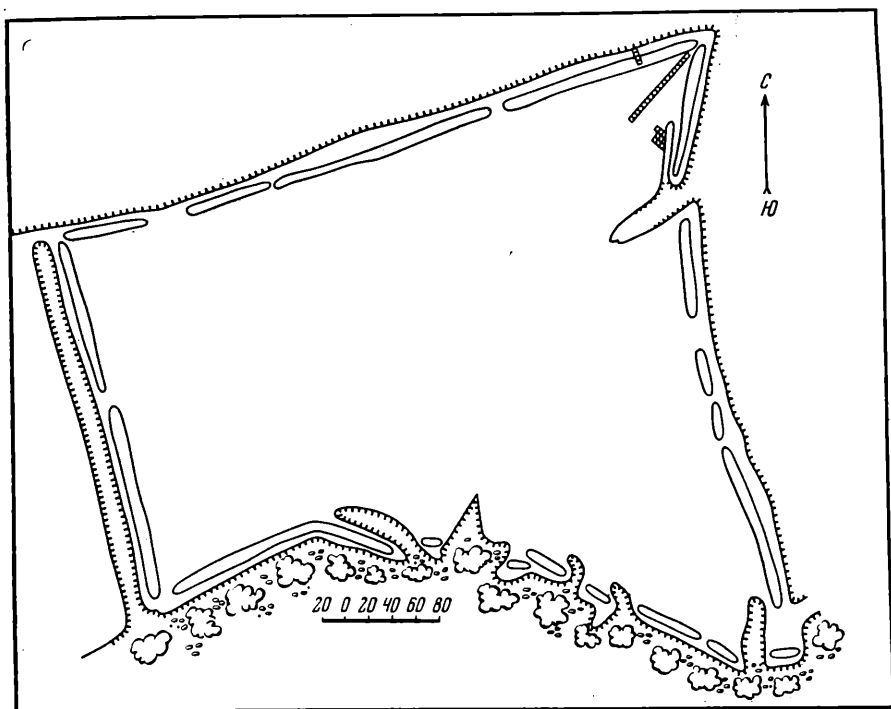

Рис. 30. Крепость „Оленья Гора“. План и расположение траншей и шурфов

крепости, исключая напольную сторону и частично южную, и использован для насыпи вала.

Выяснилось также, что никаких следов городища городецкой культуры на мысу не было. И. А. Кирьянов принял за ров городища сооружение земляночного типа, небольшой угол которого обозначился у нас в материке в квадратах 13 и 14. Вокруг этого сооружения был частокол, остатки которого обнаружили при зачистке. Все сооружение выявить нам не удалось, большая часть его была раскопана в 1955 г. Это сооружение, по-видимому, имело производственное назначение, судя по большому количеству слитков железных шлаков и находке глиняного сопла (рис. 31) а также мощности культурного слоя (до 40—50 см), насыщенного большим количеством обломков русской керамики.

На оконечности мыса находилось поселение эпохи бронзы, о чем можно судить по находкам лепной керамики, кремневых орудий и бронзового ножа, но культурный слой этого поселения в большей части попал под срезку на насыпь вала.

Материалов первоначального русско-мордовского селища XII—XIII вв., о котором упоминает И. А. Кирьянов², в траншее не оказалось, поэтому мы решили сделать разрез вала и попытаться найти слой этого поселения под валом. Кроме того, нужно было выявить конструктивные элементы вала. Разрез его дал следующую стратиграфию (рис. 32).

На материковом светлом песке лежит слой сероватой супеси (10—15 см) с лепной керамикой эпохи бронзы. Выше находится слой черного цвета (10—15 см) с русской керамикой XIV—XV вв. Слой XIV—XV вв. перекрыт насыпью вала из темно-серой земли с мощной прослойкой обожженной глины. В этом слое были найдены: раздвоенное кресало

² И. А. Кирьянов. Старинные крепости Нижегородского Поволжья, стр. 61.

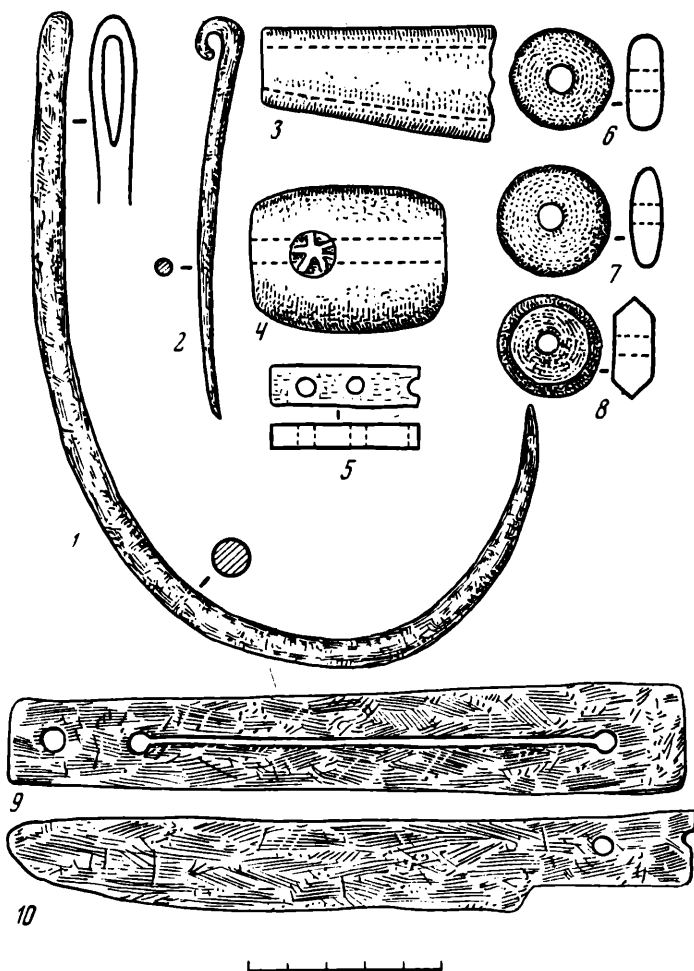

Рис. 31. Крепость „Оленья Гора“. Вещи из раскопок

1 — игла для сшивания рогожи; 2 — булавка железная; 3 — сопло глиняное; 4 — грузило глиняное с клеймом от рыболовной сети; 5 — костяная деталь вертлюга; 6, 7, 8 — пряслица глиняные; 9 — кресало железное; 10 — нож со штифтом

вытянутой формы длиной 15,5 см с отверстием для крепления к ремню³, массивная игла изогнутой формы для вязания рогожных мешков, гвозди, скобы, подковы, русская керамика XIV—XV вв. и красноощенная болгарская керамика золотоордынского времени.

Надо полагать, что вначале крепость не имела вала со стороны Волги и Сундовика и только с напольной стороны был выкопан ров и насыпан вал. Аналогии этому имеются в крепостях Руси XIV и особенно первой половины XV в. П. А. Раппорт пишет: что «в XIV—XV вв. валы всегда строятся с напольной стороны и в тех местах по краям площадки, где склоны холма имеют недостаточную крутизну...»⁴.

На «Оленьей Горе» при крутизне склонов до 40° и высоте мыса до 30—40 м вала со стороны Волги и Сундовика в это время могло и не быть.

³ Такие кресала находят в поздних погребениях (Е. И. Горюнова. Сорлейский могильник. «Археологический сборник», I. Саранск, 1948, стр. 23).

⁴ П. А. Раппорт. Очерки истории военного зодчества Северо-Восточной Руси в X—XV вв. МИА, № 105, 1958.

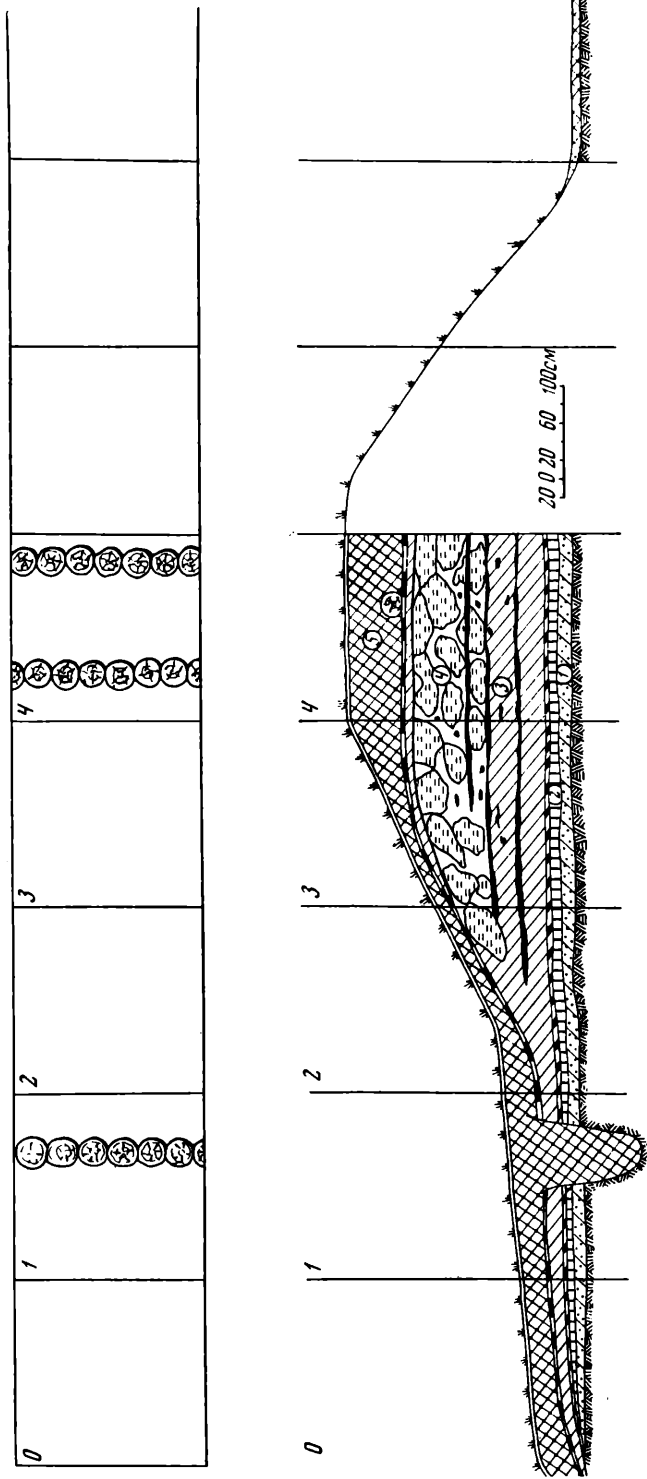

Рис. 32. Разрез вала крепости "Оленья Гора"

Для насыпки вала грунт был взят с городища полосой в 20—25 м по всему периметру крепости со стороны Волги и Сундовика. Только поэтому в насыпи вала и в слое под ним мы встречаем одинаковую керамику.

Первоначально вал был укреплен в нижней части деревянной конструкцией, остатки которой в виде бревна, лежащего поперек вала, мы обнаружили у его подошвы. Верхняя часть вала была укреплена от осыпей бесформенными крупными кусками обожженной глины. Такие приемы укрепления насыпей валов прослеживаются издревле.

По вещам и особенно по керамике насыпку вала со стороны Волги и Сундовика можно датировать XV в. (рис. 31).

Выше темно-серого слоя насыпи XV в. расположен черный слой (50 см) с черепками чернолощеной керамики XVII в. По-видимому, в XVII в. вал местами был увеличен за счет подсыпки. Эта подсыпка скреплялась с первоначальным валом деревянной конструкцией, от которой в разрезе вала вскрыто бревно диаметром 35 см, лежавшее под углом к траншее.

Конструкция деревянных стен XVII в., стоявших по валу, определяется довольно четко. Сразу же после первого штыка обозначились гленные пятна от двух частоколов. Эти пятна диаметром 30—35 см прослеживались до пятого штыка. Частоколы (стены) отстояли друг от друга на расстоянии 1,2 и 1,3 м.

Двухрядные стены были в крепости Холм⁵, они почти точно воспроизводят двухрядные стены крепости «Оленья Гора».

Кроме того, в этот период был поставлен частокол перед бровкой как дополнительное укрепление (рис. 32). Пятна этого частокола имеют диаметр 30—35 см. Он стоял с небольшим уклоном в сторону бровки. Это препятствие должно было сильно усложнять действия атакующих. Они дважды попадали под обстрел с близкого расстояния. В первом случае при подъеме на бровку и вторично — при форсировании частокола.

При зачистке стенок некоторых небольших шурфов 1955 г. мы встретили один, который явно попал в какое-то сооружение. Этот шурф находился восточнее траншеи, на краю предполагаемого въезда в крепость. Взяв этот шурф за исходную точку, мы его расширили до 40 кв. м. В нем было вскрыто пятно подпольной ямы, а также развал глинобитной печи и следы угловых опорных столбов наземного дома. Яма (4,5×3×0,8 м) имела прямоугольную форму с закругленными углами, отвесными стенками и ровным дном.

Очевидно, на этом месте стоял наземный дом (сруб), углы которого покоились на опорных столбах. Под домом был погреб, а у северной стенки дома стояла глинобитная печь. Она была поставлена перед погребом на землю. Дом был небольшим (6,2×4 м). У западной стены дома с внешней стороны имелась яма для отходов размерами 1,8×1,5 м. В яме были найдены обломки русской керамики, испорченные рыболовные грузила и сломанные ножи со штифтами конца XIV—начала XV в.⁶

Основным датирующим это сооружение материалом является керамика. Вся она по облику, цвету, составу глины, орнаменту и особенно по форме венчиков подразделяется на несколько типов.

К первому типу мы относим керамику, сделанную на ручном гончарном круге из глины с примесью крупного и мелкого песка сероватого и красноватого цвета. Венчики сосудов приближаются к простому валику.

⁵ П. А. Рапопорт. Указ. соч.

⁶ Т. В. Равдина. Еще раз о датировке древнего слоя Москвы. СА, 1963, № 1, стр. 100.

Такая керамика встречается в Москве, Новгороде, Ярославле, Владимире и Суздале в слоях XIV—XV вв.⁷

Керамика второго типа — белая с примесью очень мелкого песка и с простым венчиком в виде валика. Эта керамика датируется тем же временем. К третьему типу мы относим керамику красную, которая повсеместно появляется в XIV в.

Из привозной керамики нужно отметить красноощеную болгарскую керамику золотоордынского времени.

К пятому типу мы относим русскую керамику сероватого цвета, подражающую по форме болгарской красноощеной керамике.

Наши небольшие частичные исследования крепости «Оленья Гора» дали следующие результаты:

1. На северо-восточной оконечности мыса существовало поселение балановской культуры атли-касинского времени.
2. Здесь не было городища городецкой культуры.
3. До основания крепости здесь не было русско-мордовского поселения XII—XIII вв.
4. Крепость «Оленья Гора» строится во второй половине XIV в., во времена Великого Нижегородского княжества (1342—1392 гг.).
5. Вначале крепость не имела вала со стороны Волги и Сундовика. Ров и вал были только с напольной стороны и частично с южной.
6. В XV в. за счет срезки культурного слоя был насыпан вал по всему периметру крепости.
7. Реконструкция и усиление оборонительных сооружений (вероятно, частично — не на всех участках) были произведены в XVII в.
8. В конце XVII в. крепость как оборонительное сооружение потеряла свое значение и перестала существовать.

⁷ Г. П. Смирнова. Опыт классификации керамики древнего Новгорода. МИА, № 55, 1965, стр. 244; Н. Н. Воронин. Раскопки в Ярославле. МИА, № 11, 1949, стр. 186; Т. В. Равадина. Указ. соч., стр. 100.

Л. А. ГОЛУБЕВА

РАСКОПКИ ДРЕВНЕГО БЕЛООЗЕРА

В 1961—1962 гг.

Белоозерская экспедиция в 1961—1962 гг. вела работы в трех направлениях: 1) продолжала исследование древнейшего поселка X—XI вв.; 2) проводила массовый сбор образцов дерева из раскопов и поставила исследования по относительной и абсолютной дендрохронологии Белоозера (Н. Б. Черных); 3) в связи с окончанием работ по реконструкции Волго-Балта и ожидавшимся в 1963 г. подъемом уровня воды в Шексне форсировала раскопки в прибрежной части, на участке древнерусского города XII—XIV вв.¹

1. Были продолжены раскопки 1960 г. в восточной части древнего поселения, близ западного берега Васильевского ручья². На раскопе XXVIII и примыкавшем к нему с севера раскопе XXIII за два сезона было вскрыто 68 кв. м при глубине культурного слоя до 1,6 м. Верхний горизонт насыщен строительными остатками и инвентарем XI—XIII вв. Отсюда происходит железное писало — первая находка орудия письма на Белоозере (рис. 33, 2). В нижнем горизонте, датированном X в.³, в слое со щепой расчищены остатки сгоревшей постройки. Около нее в 1960 г. были найдены два целых и обломки еще четырех глиняных дисков со сквозными отверстиями, служившими грузиками для вертикального ткацкого станка. В 1961 г. там же обнаружены обломки примерно десяти грузиков.

Раскоп XXXIV (6×10 м), расположенный на расстоянии 60 м к юго-западу от раскопа XXVIII, дал только древнерусский слой конца XI—XIV в. мощностью до 1 м.

Иная стратиграфия была на раскопах XXXIII (8×12 м) и XXXV (10×10 м), заложенных в западной части древнего поселения. 1-й горизонт культурного слоя (20 см) содержал слабонасыщенный вещами и строительными остатками слой древнерусского города конца XI в. 2-й горизонт (40 см) — гумированный грунт с углем от пожара и остатками сгоревших построек, ошлакованной керамики, развалами печей, датируется X—началом XI в. 3-й горизонт (20—60 см) — плотный темный песчаный грунт с большим количеством гальки, переходящий в материк, датируется — X в.

¹ В экспедиции 1961 г. принимали участие научные сотрудники А. А. Милов, Т. В. Равдина и студенты Вологодского пединститута; в экспедиции 1962 г. — научные сотрудники А. А. Милов, Е. Н. и Н. Б. Черных, Л. А. Шелекасова; начальник экспедиции Л. А. Голубева.

² Л. А. Голубева. Раскопки древнего Белоозера (1959—1960 гг.). КСИА, 96, 1963, стр. 69.

³ Там же.

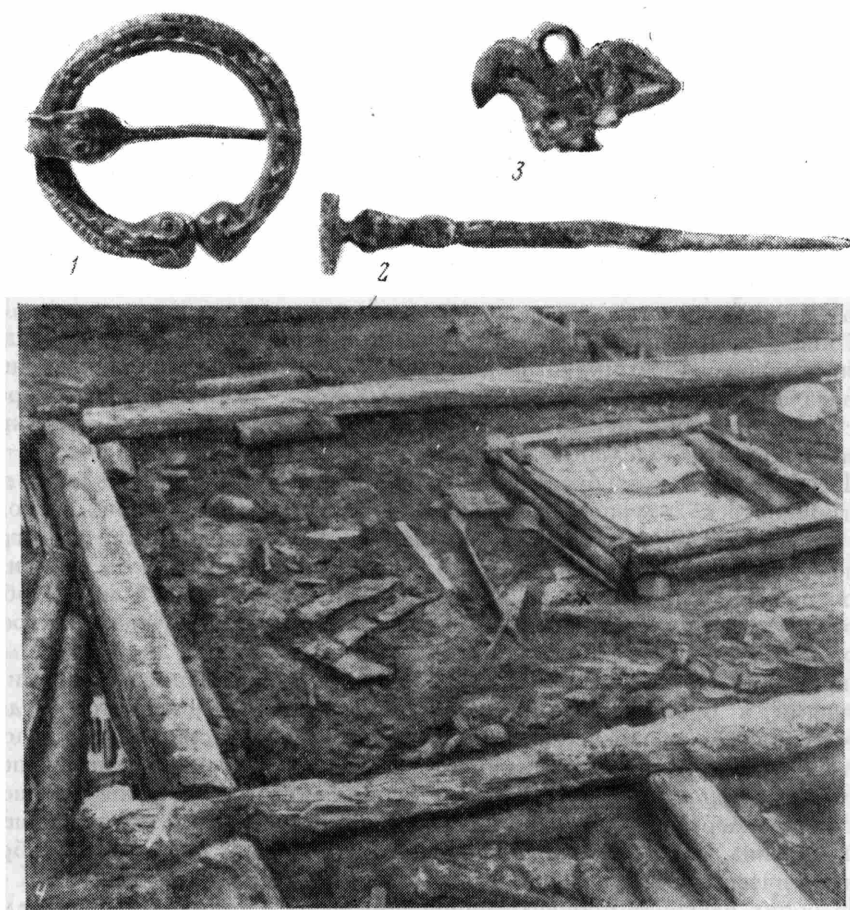

Рис. 33. Белоозеро. Находки из раскопок

1 — бронзовая пряжка; 2 — железное писало; 3 — бронзовая подвеска-птичка; 4 — западная часть жилой камеры сруба № 5 с подпечьем; х — отмечено скопление обломков амфоры

На раскопе XXXIII первый и частично второй горизонты культурного слоя нарушены погребениями. Могильные ямы неглубоки (30—50 см), начинаются сразу же под дерном; курганных насыпей не прослежено. Расчищены семь костяков, лежавших головой на запад вытянуто на спине, со сложенными на груди или тазу руками, без вещей. Находки гвоздей свидетельствуют о захоронении в гробах, хотя следов дерева не обнаружено. Все костяки очень плохой сохранности. В раскопе встречены также лежавшие в беспорядке отдельные черепные и длинные кости и более 10 черепов. У одного черепа пробит висок, у другого — затылочная кость.

Факт захоронений в черте города, на небольшой глубине и следы ударов на черепах позволяют предположить, что погребения были совершены в обстановке военного времени или какого-либо народного бедствия. Возможно, их следует отнести к концу XIV в., когда Белоозеро особенно пострадало от набегов новгородцев и эпидемий чумы.

Во 2-м горизонте культурного слоя на каждом из раскопов в слое пожара найдено по одному серебряному денарию Оттона и Адельгейды (991—995 гг.). Это первая находка монет при раскопках в Белоозере. Важными датирующими находками 2-го горизонта являются также

бронзовые литые пряжка с личинами на концах и у основания иглы (рис. 33, 1) и браслет с поперечными валикообразными утолщениями (раскоп XXXV). Как пряжка, так и браслет принадлежат к числу весьма характерных изделий скандинавского типа. Подобные браслеты нередко в курганах с сожжениями юго-восточного Приладожья последней четверти X в. (по Я. В. Станкевич).

С этим же кругом памятников следует связать большой (около 22 см) наборный односторонний костяной гребень с геометрическим орнаментом (раскоп XXXIII)⁴. Аналогичные гребни по находкам в Прибалтике, Скандинавии, в Новгороде и в Старой Ладоге датируются X в. и позже XI в. уже не встречаются.

К числу привозных изделий, но уже не северного, а южного происхождения, относятся обломки амфоры и часть круглого стеклянного синего браслета с росписью серебром (раскоп XXXV). Такие браслеты хорошо известны по раскопкам в Новгороде. Они представляют собой продукцию византийских стеклодельных мастерских X в.

Массовые находки: бусы и шиферные пряслица подтверждают дату 2-го горизонта культурного слоя. Из 18 бус, найденных в обоих раскопах, 15 — лимонки, 1 — хрустальная 14-гранная, 1 — сердоликовая многогранная, 1 — синяя кольцевидная. Из 13 шиферных пряслиц 8, найденных в слое пожара и ниже, имели диаметр отверстия от 7 до 1 мм. В обоих раскопах многочисленны изделия из кости: проколки, кочедыки, стрелы, острога.

Украшения женского головного убора представлены проволочными серебряными и бронзовыми колечками и большой пластинчатой подвеской — лунницей с трапециевидными шумящими привесками (раскоп XXXIII). На ее лицевой поверхности зубчатым колесиком нанесен полукруг и отходящие от него зубцы — лучи. Такие же височные подвески известны в погребениях Максимовского могильника X в. Это украшение финского типа, так же как и найденная здесь же, но более ранняя бронзовая коническая с треугольными прорезями подвеска.

На обоих раскопах процент лепной посуды 2-го горизонта значительно увеличивался от второго к третьему пласту, а в четвертом составлял не менее 90%. Среди лепной керамики 2-го горизонта встречалась сетчатая сглаженная травой и гладкая посуда, украшенная неглубокими ямками, очень напоминающая посуду дьяковских городищ, а также неолитическая, с ямочно-гребенчатым орнаментом. Вместе с ней найдены нуклеусы и кремневый наконечник дротика. Находки неолитического времени сосредоточены преимущественно в 3-м горизонте культурного слоя, на материке. Очевидно, что здесь мы имеем продолжение разрушенной неолитической стоянки, северная граница которой отмечена раскопом XXIX 1960 г.⁵

Раскопы XXXIII и XXXV дали новый материал по уточнению даты возникновения древнего поселения, которое мы относим к веся. Так же как в раскопе XXIX, гибель его отмечена слоем пожара и благодаря монетным находкам может быть с уверенностью отнесена к началу XI в.

2. Для дендрохронологического анализа в 1961 и 1962 гг. было взято 252 образца от всех типов построек Белоозера.

В итоге обработки образцов Н. Б. Черных была получена для Белоозера относительная и абсолютная дендрохронологическая шкала⁶. Для раскопа XXXII, где оказалось особенно много построек из хорошо со-

⁴ Л. А. Голубева. Белоозерская весть и ее западные соседи в X—начале XI в. «Скандинавский сборник». XIII. Таллин, 1964, стр. 289, рис. 2, 2.

⁵ Л. А. Голубева. Раскопки древнего Белоозера, стр. 71.

⁶ Н. Б. Черных. Абсолютная дендрохронологическая шкала древнего Белоозера. «Археология и естественные науки». М., 1965, стр. 86—90.

хранившегося дерева, был установлен абсолютный возраст последних, совпавший во всех случаях со стратиграфическими данными.

3. Раскоп XXXII был заложен в прибрежной части древнего поселения, в 13 м к югу от Шекены, на месте двух небольших всхолмлений, оказавшихся остатками разрушенных печей. Площадь раскопа около 350 кв. м, стратиграфия раскопа: 1 — дерн (10 см), 1-й горизонт культурного слоя: 2 — гумированный грунт с включениями сырой и обожженной глины, камней, угля и плохо сохранившимся деревом (60—80 см) — 2-й горизонт культурного слоя. Дата — XIII в. 3-й горизонт — влажная земля со щепой и навозом (1 м). Дата — последняя треть XII в.

Под самым дерном в северной части раскопа выступали развалы двух печей-каменок от построек № 1 и 2. Обе постройки были ориентированы по странам света и образовывали уличный ряд. Срубы однокамерные, дерево сохранилось лишь на уровне нижнего венца в виде тлена. Размеры сруба № 1 — 6×4,8 м. Печь находилась у западной стены (1,2×1,5 м), конструкция подпечья столбовая. Под срубом № 1 залегали остатки сруба № 4. Срубы № 1 и 4 располагались на уровне первого-второго пластов. В 12 м к западу от них стоял сруб № 2, основание которого лежало на уровне третьего пласта. По времени постройки сруб № 1 был наиболее поздним, срубы № 4 и 2, возможно, были одновременны. Размеры сруба № 2 — 6,2×5,7 м; печь-каменка на столбовом подпечье (2,6×2,8 м) находилась в юго-восточном углу. В ее основании лежали валуны более 50 см диаметром. В границах построек и на уровне первого-второго пластов было много бытовых вещей. Так, здесь найдено 156 обломков стеклянных браслетов, четыре перстня (зеленые и голубые), 41 бусина из прозрачного стекла (синего, голубого, желтого), несколько мозаичных бус, четыре янтарные (бипирамидальные и зонные); 24 шиферных пряслица с отверстиями диаметром 5—8 мм, цилиндрические замки, костяные двусторонние гребни с накладками, овальные огнива и пр. Керамика исключительно круговая. Вероятная дата первого-второго пластов — середина XIII в.

На уровне третьего пласта располагались две постройки: № 3 (под срубами № 1 и 4) и № 6 (под срубом № 2). К югу от них — остатки плохо сохранившихся небольших строений (№ 7 и 9). Постройки № 3 и 6 двухкамерные. Размеры жилого сруба постройки № 3 — 6×6 м, сеней — 6×2 м. Сохранились переводины пола, а в сенях — настил из тесин, уложенных в направлении северо-юг. Вход, вероятно, был с юга, где заметны остатки крыльца. Печь стояла в юго-западном углу жилой камеры на срубном подпечье (1,6×1,3 м). У постройки № 6 печь помещалась в центре жилой камеры.

На уровне третьего пласта найдено четыре стеклянных браслета, один стеклянный голубой перстень, 41 бусина из прозрачного стекла (зеленые, желтые, голубые, фиолетовые зонные и шарообразные), глиняная поливная писанка, 14 шиферных пряслиц с диаметрами отверстия от 5 до 8 мм, цилиндрические замки, бронзовая подвеска — птичка (рис. 33, 3) и круговая посуда. Вероятная дата построек третьего пласта — первая половина XIII в.

Наиболее поздней постройкой четвертого пласта, возведенной на уровне второго горизонта культурного слоя (земля со щепой), но заполненной черной землей предыдущего горизонта, был сруб № 5. Эта самая крупная постройка раскопа (9,4×8 м), сохранившаяся на три венца. Сруб двухкамерный; восточная жилая камера имела размер (по внутреннему периметру) 7,5×5,8, западная — 7,5×2,2 м. Под бревнами сруба лежали нивелирующие подкладки, а вдоль всех стен внутри сруба стоял ряд столбов, забитых в слой щепы на глубину 50—80 см. Вероятно, столбы служили опорой для лаг, на которые настился пол избы. Дерево сруба хорошей сохранности, диаметр бревен 45—50 см, а годовичные

кольца определяют возраст взятых образцов в 229 лет. Здесь так же, как и в других случаях на Белоозере, строительным материалом являлись сосна и частично ель. Дата постройки сруба, по Н. Б. Черных, — 1221 г. Печь располагалась в центре жилой камеры, на срубном трехвенечном подпечье (2,4×1,7 м), выстланном берестой (рис. 33, 4).

Внутри сруба № 5 найдены стеклянные браслеты и бусы, двусторонний костяной гребень, медная чаша с ушками, топор с деревянной рукоятью, двое железных клещей, около 30 каменных грузил с берестяным оплетением и десятки берестяных треугольных поплавков. Благодаря повышенной влажности почвы здесь прекрасно сохранилось огромное количество поделок из дерева: весла (8 экз.), лопата, клешевина хомута, мутовки, колотушки, затычки, бирки, обломки ковшей, блюд и чаш (в том числе чаша с вырезанной буквой Ж на днище). Под срубом обнаружены разломанная железная сковорода диаметром около 30 см и куски амфоры, которую усилиями Т. В. Равдиной удалось собрать целиком. Керамика вся круговая. Вдоль восточной стены сруба проходил частокол из нетолстых (6—15 см) кольев длиной 80 см. Своим северным концом частокол разрушил восточную часть сруба № 13. В этом же пласту сохранились частично остатки еще пяти построек⁷. Наиболее интересен сруб № 10 в юго-восточном углу раскопа. Размеры сруба — 5,7×4 м; он рублен из бревен толщиной 20—25 см, состоял из четырех венцов и перестраивался не менее двух раз, так как сохранились два настила пола — на уровне первого и второго венцов. Судя по обилию навоза и отсутствию бытовых находок (кроме колотушек), сруб представлял собой остатки хлева или конюшни. Это подтверждает и настил, сооруженный не из тесин (как в жилых постройках), а из тонких бревен. Нижний венец сруба был прирублен к стене из четырех бревен длиной 8 м, сохранившейся от более древней постройки. Дата сруба № 10—1245 г.; предположительное время нижней постройки — конец XII в.

Пятый пласт содержал срубы построек № 12—14 и верхние венцы срубов № 11 и 19. Грунт — земля со щепой и навозом, насыщенная подземными водами. В северной части раскопа лежали рядом одно- и двухвенечные срубы № 13 и 14, относившиеся к небольшим (3,8×3, 8 и 3,6×3,4 м) однокамерным хозяйственным постройкам. Находок в них не обнаружено. Сруб № 13 датируется 1208 г., сруб № 14 — 1195 г. Ниже сруба № 13 были расчищены деревянные сходы, укрепленные неподвижно в наклонном положении (сооружение № 17). Длина сходен 4 м, ширина у восточного конца — 1,35 м, у западного — 1 м. Устроены они следующим образом: с внутренней стороны боковых длинных бревен были выдолблены пазы, в которые вставлялись концы поперечных досок и торцы чередующихся с ними бревнышек. Восточный конец сходен выше западного на 0,38 м. Он был укреплен на перекладине, покоящейся на столбах, вбитых в материк почти на 1 м. Столбы пробили пол лежавшего ниже сруба № 16, и верхний конец сходен оказался выше уровня пола этого сруба на 0,3 м. Поэтому мы затрудняемся отнести сходы именно к этой постройке. Вероятно, они предназначались для загона в хлев небольших животных (овец, свиней), но сама постройка могла не сохраниться.

Сруб № 12, выявленный частично под срубом № 5, был ориентирован так же. В середине его — печь на срубном подпечье (2,2×1,5 м), к северной стене постройки примыкало крылечко. Дата сруба — 1170 г.

К востоку от сруба № 12 располагался небольшой сруб № 11 (3,35×3,23 м) на восемь венцов, причем два нижних венца врыты в серую материковую глину. Сруб был заполнен темной землей 2-го горизонта;

⁷ Л. А. Голубева. Отчет о работе Белоозерской археологической экспедиции 1961 г. Архив ИА, № Р-1, 2334.

вероятно, первоначально он был выше, затем верхние венцы его разобрали. Сверху в заполнении сруба были найдены железные дужка и цилиндрический замок; шиферное пряслице с отверстием в 7 мм, бирка и каменное грузило. Дата сруба — 1237 г. Назначение сруба неясно. Возможно, что это был погреб, стоявший на усадьбе дома № 5. Разборку сруба № 11 не удалось довести до конца (сняли только пять венцов), так как грунтовые воды заливали раскоп быстрее, чем мы могли их отливать.

На уровне шестого пласта в северной части раскопа сохранились остатки двух построек: № 16 и 18; сруб № 16 размером 5×4 м в два венца. Чашки и концы сруба были обернуты берестой. Дата сруба № 16 — 1171 г. Соседний с ним сруб № 18 (3,6×3,6 м) был одновенечным. Он вымощен толстыми тесинами, плотно пригнанными друг к другу. На настиле в слое навоза лежали деревянные колотушки, клещевина хомута, крышка и разломанная чаша с тремя ручками. Дата сруба — 1177 г. Вблизи сруба был брошен санный полоз длиной 3,05 м.

Срубы № 12, 16 и 18, лежавшие на материке, были самыми древними постройками раскопа. Таким образом, как показал раскоп XXXII, в этой части древнего Белоозера первая застройка относилась к 70-м годам XII в.

Б. А. ТИМОЩУК

ОБОРОНИТЕЛЬНЫЙ ВАЛ XII—XIII вв.
ЛЕНКОВЕЦКОГО ГОРОДИЩА¹

Древнерусское городище в Ленковцах (на окраине г. Черновцы) исследовалось в 1952, 1955 и 1957 гг.² Раскопки показали, что поселение было основано в XII в., вероятно, во второй половине этого века во время борьбы Ярослава Осмомысла с венграми. Просуществовав сравнительно недолго, укрепление стало жертвой пожара. Это случилось примерно в середине XIII в. Находок послемонгольского времени на городище не обнаружено. Вероятно, крепость разрушена не во время штурма, так как все ценности были вынесены еще до начала пожара. Можно предполагать, что Ленковецкое укрепление было уничтожено в 1261 г., когда монгольский полководец Бурундай потребовал от князя Даниила Романовича уничтожения всех наиболее важных русских крепостей.

В 1960 г. экспедиция Черновицкого краеведческого музея продолжала раскопки городища и провела исследование его оборонительного вала³. Насыпь вала была прорезана в северной части городища (южная половина вала полностью уничтожена) двумя траншеями, расположенными на расстоянии 30 м одна от другой (рис. 34). Прорезка показала, что в гумусной прослойке, лежащей в основании вала и отмечающей древний уровень поверхности, не имеется никаких культурных включений. Очевидно, вал был насыпан на чистом, необжитом месте. Он состоял из плотно утрамбованной глины с незначительной примесью песка. Деревянной конструкции в ядре вала не обнаружено, хотя отмечены следы полностью сгнившего дерева в виде полосок коричневой трухи и белесоватых минеральных солей. Поверх древнего вала расположен слой глины, смешанный с черноземом. Судя по найденным здесь фрагментам керамики, эта подсыпка вала исполнена в XVII в., когда заброшенный вал Ленковецкого городища был вновь приспособлен к обороне⁴.

Древнее ядро вала имеет в ширину около 5 м и высоту 2 м. На вершине обнаружены следы двух забитых в глину столбов, расстояние между которыми было, очевидно, рассчитано на размещение здесь лежащего бревна. Это — остатки деревянной стены, проходившей по вершине вала.

¹ Доклад, прочитанный 19 октября 1965 г. на заседании группы славяно-русской археологии ЛОИА.

² Б. А. Тимощук. Древнерусские поселения северной Буковины. КСИИМК, вып. 57, 1955, стр. 112; он же. Ленковецкое древнерусское городище. СА, 1959, № 4, стр. 250.

³ В экспедиции участвовали научные сотрудники музея Б. А. Тимощук (руководитель), Л. Г. Кулиниченко, В. К. Касимов.

⁴ В XVII в. были сооружены также и земляные бастионы, которые первоначально были приняты за древние (см. Б. А. Тимощук. Ленковецкое древнерусское городище, стр. 251).

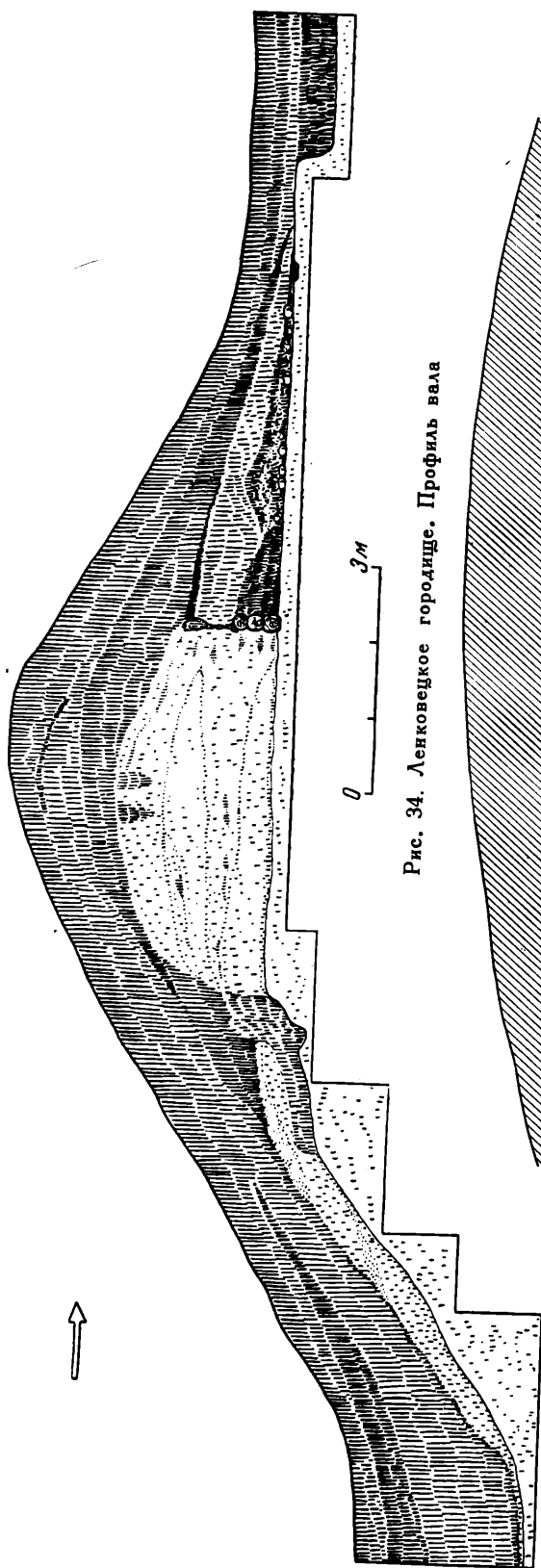

Рис. 34. Ленковецкое городище. Профиль вала

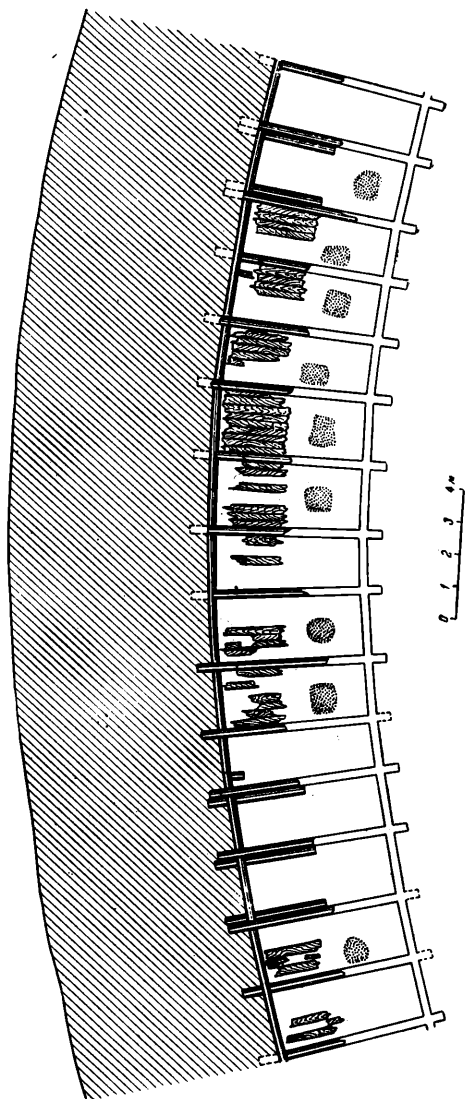

Рис. 35. Ленковецкое городище. План раскопанных клеток

Ров, расположенный перед валом, был прорезан до середины его ширины. Глубина этого рва от уровня древней поверхности 3,5 м. Если предположить, что ров имел симметричный профиль, его ширина будет равна 14 м. В древности ров был заполнен водой, о чем свидетельствуют речные отложения — галька и песок. В основании лицевого склона вала на краю рва оставалась горизонтальная площадка — берма, укрепленная деревом, что предохраняло вал от осыпания и размыва водой.

С тыльной стороны к насыпи вала примыкали дубовые срубы (рис. 35). Они не были засыпаны землей и представляли собой помещения — клетки, использованные для жилых и хозяйственных нужд. В северной части городища были раскопаны 15 таких клеток. Кроме того, были исследованы клетки в западной и восточной частях сохранившегося вала. Остатки клеток были обнаружены и в юго-восточной части городища, там, где сейчас вал уже полностью срыт. Это является доказательством, что первоначально укрепление имело круглую форму, а вал обходил вокруг всей его площади. На всех участках срубы имели одинаковую конструкцию. Они были перекрыты сверху дубовым накатом, поверх которого был уложен слой глины и сделана каменная вымостка. Во время пожара деревянные стены срубов и их потолок рухнули, сюда же частично сполз и слой глины с тыльной части вала. Благодаря этому часть стенок срубов, примыкавших к валу, была прикрыта глиной и сохранилась. Слой пожарища в клетях имеет толщину до 1 м, а выше находится прослойка культурного слоя в 15 см, также сползшая с тыльного склона вала. В этой прослойке найдены кости животных и обломки керамики XII—XIII вв. Культурный слой, по-видимому, отложился тогда, когда на вершине вала существовал помост для защитников крепости. Там, где стенки срубов не сохранились, их план хорошо прослеживается по ровикам, в которые укладывались нижние венцы. Ровики имеют глубину 15—20 см и заполнены углем и золой.

Срубная конструкция состояла из двух параллельных стенок, сложенных из круглых дубовых бревен и расположенных на расстоянии 4,4 м. Поперечные стенки делили эту конструкцию на отдельные клетки. Стенки рубились в обло, причем чашка врубки делалась каждый раз в нижнем бревне. В местах соединения выступали торцы (остатки) длиной 0,4—0,6 м. Не прослежен способ соединения бревен вдоль периметра вала; вероятнее всего, бревна плотно приставлялись одно к другому торцами, а сращивание их не применялось. В нескольких местах отмечено, что поперечные стенки срубов имели короткие дополнительные стенки (как бы контрфорсы), укреплявшие стенку, примыкающую к насыпи вала. При одинаковой длине (4,4 м) клетки имеют несколько различающуюся ширину; наименьшая ширина клеток 1,5 м, наибольшая (в самом широком месте) — 2,2 м.

В 9 клетях из 15 были обнаружены остатки печей, что свидетельствует о жилом назначении этих помещений. Под печей имел толщину 3—4 см и размеры до 0,8 м. В хорошо сохранившейся печи отмечено, что ниже ее пода лежал слой сгоревшего дерева. По-видимому, печь была сбита не на земле, а на деревянном помосте и упала на землю, когда этот помост сгорел. Только в одном случае сохранились остатки глинобитного свода печи. Все печи располагались примерно в середине клеток, недалеко от входа. Пол в клетях земляной, иногда обмазанный глиной; он сильно утоптан, особенно вблизи печей. В клетях найдены фрагменты керамики, кости животных, различные предметы (железные ножи, бронзовые подвески-пуговицы, янтарные и стеклянные бусы, железные кольчужные кольца). В большинстве клеток в части, примыкающей к валу, обнаружены обгорелые дубовые доски. Они лежали непосредственно на земле, причем пол под ними не был утоптан. В одной из клеток под досками сохранился низ столбика

(диаметром 10 см), вкопанного в землю. По-видимому, эти доски являются остатками деревянных нар.

На площадке городища, почти непосредственно перед примыкавшими к валу клетями, находились жилые деревянные постройки. Они были наземными и от них сохранились лишь незначительные остатки. Но под этими жилыми постройками существовали подвальные помещения, куда в нескольких случаях упали глинобитные печи. Здесь же были найдены различные бытовые предметы XII—XIII вв. Вероятно, все жилые и военно-инженерные сооружения Ленковецкого городища были построены одновременно как общая система, что характерно для сторожевых крепостей. Конструкция исследуемого вала не совпадает ни с одним из известных памятников подобного рода и относится к совершенно самостоятельному их варианту.

А. П. ГУССАКОВСКИЙ
ДРЕВНЕРУССКИЙ ГОРОД ОРЛОВ

Письменные источники по истории г. Орлова (современный г. Халтурин) крайне отрывочны и относятся в основном к позднему времени. Первое упоминание об Орлове в общерусских летописях связано с описанием похода воевод великого князя Василия на Вятку в 1459 г.¹ Безусловно, дата упоминания города в летописях не является датой его основания. Судя по дошедшим до нас документам, сами жители города также не считали ее таковой. Так, в 1725 г. на запрос Геральдмейстерской конторы в Петербурге: когда были поставлены города на Вятке, из Орлова ответили, что их «городок построен тому будет например годов сот пять»². Другими словами, местное население относило возникновение Орлова к XIII в.

В 1960 г. экспедиция Института археологии АН СССР и Кировского областного краеведческого музея произвела обследование Орловского городища³.

Древнейшая часть города расположена на длинном узком мысу, образованном берегом р. Вятки и неглубоким оврагом. С напольной стороны мыс был отделен рвом и высоким земляным валом. Площадка городища осыпается в сторону реки и, по словам местных жителей, за последние 30—40 лет значительно уменьшилась. В древности городище представляло собою кремль города, вокруг которого располагались неукрепленные посады. Граница посада, прослеженная по отложениям культурного слоя вдоль берега реки, доходила примерно до территории современного стадиона. Границы посада по другую сторону оврага менее четкие и еще окончательно не выяснены. В настоящее время площадка городища занята городским садом. Основная площадь городища задернована, но на дорожках сада и на валу, особенно после дождя, хорошо прослеживаются остатки сгоревших бревен.

Раскопки на городище носили разведочный характер, вскрыто более 70 кв. м. Наиболее древние следы поселения обнаружены в мысовой части городища. Под верхним культурным слоем в шурфе была вскрыта часть подпольной ямы наземного жилища. Яма углублена в материк на 60—80 см. Площадь ямы около 4 кв. м, с восточной и западной сторон прослежены ямки от столбов диаметром 20—30 см и глубиной от 20 до 60 см. Дно ямы ровное, в заполнении ее — большое количество угля, золы; кости животных, по преимуществу лося.

¹ ПСРА, т. IV, стр. 132; т. V, стр. 272.

² Труды ВУАК, вып. 1, 1905, стр. 2.

³ В работе принимали участие сотрудница Кировского областного краеведческого музея И. И. Стефанова и учащиеся средней школы № 1 г. Халтурина.

Среди вещей, найденных на дне ямы, значительное количество фрагментов грубых лепных горшков, крупный рыболовный крючок и трехслойный железный нож (обломок). Весь комплекс находок может быть датирован XII—XIII вв.

В верхних слоях шурфа обнаружены фрагменты тонкостенной глиняной посуды, сделанной на гончарном круге, рукоятка ножа из кости, несколько пряслиц, сделанных из стенок сосудов, керамическое грузило. По находкам верхний слой может быть датирован XIV—XV вв. К югу от подпольной ямы на глубине 40 см вскрыто погребение. Скелет лежал головой на запад, кости рук вытянуты вдоль туловища. Вещей при погребении нет.

В центральной части городища был заложен раскоп площадью 40 кв. м. Толщина культурного слоя на этом участке колебалась от 60 до 100 см. На глубине 45—60 см были вскрыты остатки жилых и хозяйственных построек плохой сохранности. От некоторых построек сохранился лишь древесный тлен, основания других, сгоревших во время пожара, были разрушены поздними ямами погребений. В нескольких случаях постройки перекрывали друг друга. Все открытые в раскопе постройки представляли собой небольшие срубы, рубленные в обло. Все они вошли в раскоп частично и их полные размеры не были установлены, но, по-видимому, они не превышали 16 кв. м. Внутри жилых построек прослеживались остатки дощатых полов и развалы печей, сложенных из камня на глиняном растворе.

Находки вещевого материала сосредоточивались внутри жилищ и представлены главным образом фрагментами тонкостенной керамики XIV—XV вв. Фрагменты более ранней лепной керамики были встречены в культурном слое, но в единичных экземплярах.

Хозяйственная деятельность жителей Орлова была тесно связана с земледелием и скотоводством. Во всех постройках и даже между ними были найдены скопления сгоревшего зерна ржи, ячменя, овса и гороха. Как видно из этого перечня, в нем представлены все основные зерновые культуры, характерные для северо-востока. Во время раскопок неоднократно встречались кости коровы, лошади, овцы и свиньи. Дремучие леса, раскинувшиеся вблизи города, широкая пойма р. Вятки с заливными лугами создавали хорошие условия для развития животноводства, охоты и рыбной ловли. Это положение подтверждается большим числом различных предметов (рис. 36).

Среди находок имеются грузила, рыболовные крючки, костяные иглы для вязки сетей, скобы от лодок, обломок косы-горбуши.

Хотя во время раскопок не было найдено остатков ремесленных мастерских, можно утверждать, что на городище или на его посадах существовало развитое ремесленное или домашнее производство.

Первое место, бесспорно, занимают находки, связанные с гончарным делом. Среди керамических изделий имеются фрагменты мисок, горшков, светильников-плошек, грузил. Очень важно отметить, что на дне ряда сосудов хорошо просматриваются клейма.

Ремесленная продукция кузнецов широко представлена в материалах раскопок (наконечники стрел, ключи, замки, гвозди и т. п.) и свидетельствует о высоком мастерстве орловских кузнецов.

Большое внимание в древнем Орлове уделялось костерезному делу. Среди находок имеются кочедык, три обломка костяных игл, три рукоятки ножей и прекрасно обработанная шахматная фигурка — пешка. Последняя характеризует не только уровень костерезного дела, но и в какой-то мере знакомство жителей Орлова с широко распространенной в это время игрой.

Среди домашних производств следует отметить в первую очередь пряление. Во время раскопок найдено несколько пряслиц, сделанных из стенок сосудов, два керамических пряслица и одно из серого шифера. Среди

Рис. 36. Орловское городище. Вещи из раскопок

1 — нож; 2—7 — железные наконечники стрел; 8 — обломок косы-горбуши; 9 — обломок ушка для медного котла; 10 — железный предмет; 11 — костяная ручка ножа; 12 — нож; 13 — костяная ручка ножа; 14 — кость осетровых рыб со следами обработки; 15—17 — костяные иглы; 18 — железная скоба от лодки; 19—22 — гонимые грузила; 23 — железный крючок для ловли крупных рыб; 25 — шахматная фигурка-пешка, выточенная из зуба; 26 — прислище из серого шифера; 27 — прислище из стенки сосуда; 28 — гонимое прислище (грузик?); 29, 30 — клейма на дне сосудов; 31 — часть бронзового сосуда; 32 — нож с костяной рукояткой; 33 — обработанный камень; 34 — каменное ложило

находок, относящихся к слою, связанному с остатками построек, нужно отнести обломок косы-горбуши, железное ушко от котла, часть медного сосуда, каменное точило для предметов, имевших шиловидную форму, но значительно больших размеров, язычок от пряжки, обломок вилоподобного предмета, обработанный камень. По всему комплексу находок слой с остатками построек может быть датирован XIV—XV вв.

Этот слой прорезан многочисленными ямами поздних погребений, иногда перекрывающих друг друга. Уже в верхнем перекопанном слое встречались отдельные кости скелетов. Многие погребения были потревожены в древности. На территории раскопа было вскрыто и расчищено 17 частично сохранившихся погребений. Все костяки лежали головой на запад. Отмечены следующие положения рук: 1) кости рук вытянуты вдоль тулова; 2) кости рук вытянуты вдоль тулова, кисти — в области таза; 3) кости одной руки вытянуты вдоль тулова, кости другой — согнуты в локте, кисть в области грудной клетки. Вокруг костяков почти всегда прослеживались следы деревянных гробов. На некоторых костяках были найдены нательные крестики XVI—XVII вв. Рядом с одним женским погребением обнаружена серебряная серьга со стеклянными вставками. Все погребения датируются по находкам XVI—XVIII вв.

По словам местных жителей, на городище некогда была церковь Успения, а затем на ее месте находилась небольшая часовня. Можно полагать, что вскрытые в раскопке погребения относятся к кладбищу XVI—XVIII вв., расположенному рядом с этой городищенской церковью. Незначительная глубина ям погребений, большое количество разрушенных погребений в верхнем, даже в дерновом слое объясняются тем, что при разбивке городского сада проводилась планировка местности, во время которой был снят значительный слой земли.

Археологическое обследование древнего Орлова позволило наметить некоторые вехи в истории этого города. Первые русские поселенцы появляются и оседают на территории города, вероятно, в конце XII или в XIII в. Можно предположить, что заселение кремлевского мыса относится именно к XII в. В XIV в. на мысу создаются мощные земляные укрепления и он становится центром, вокруг которого группируются посады с ремесленным и земледельческим населением. В 1459 г. город был взят воеводами великого князя Василия и, по-видимому, сожжен. Жизнь на городище не возобновлялась. В XVI—XVIII вв. территория городища была занята городским кладбищем. В XIX в. на этой площади был разбит городской сад.

Р. Л. РОЗЕНФЕЛЬДТ

ГРИГОРОВСКИЕ КУРГАНЫ XII—XIII вв.

В июле 1965 г. автором этой заметки были раскопаны две насыпи в группе из 14 курганов, которая находится на правом берегу р. Москвы в 200 м к востоку от с. Григорово Рузского района Московской области. Курганная группа расположена в 200 м от русла реки на территории парка лесной школы № 5. Высота курганов в группе от 0,3 до 2 м, диаметр от 4 до 15 м. Все насыпи округлые в плане и полушарные. У некоторых курганов прослеживаются неглубокие ровики. Все курганы до раскопок имели старые задернованные перекопы, а один сравнительно недавно был прокопан траншеей до материка. Для исследования были выбраны два лучше других сохранившихся кургана (№ 5 и 9).

Курган № 5 имел на вершине насыпи неглубокую яму — след перекопа. Однако в нем сохранился костяк на уровне древнего горизонта, лежащий вытянуто на спине, головой на запад. Часть костей скелета была смещена. Находок при костяке не оказалось.

Курган № 9 находился в северной части курганной группы. Насыпь его почти целиком была снесена. Под ней на уровне горизонта хорошо сохранился женский костяк на спине с руками вдоль корпуса и головой на запад. При костяке на левой стороне черепа было вятическое височное семилопастное кольцо с ушками и стилизованным растительным орнаментом на щитке (рис. 37, 1), а на правой руке — медный проволоочный браслет типа 2×3 (рис. 37, 3). В насыпи кургана обнаружено много мелких угольков.

В фондах Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина в Москве удалось разыскать дневник раскопок этой курганной группы, произведенных А. Н. Живаго в 1914 г., а большинство находок из этих раскопок, хранящихся там же, отнести на основании записей к определенным погребальным комплексам.

Из записей А. Н. Живаго удалось установить, что к моменту его раскопок в курганной группе у с. Григорово насчитывалось 14 курганов, обозначенных им буквами А, В, С, D, Е, F, G, H, J, K, L, M, O, R. Один из курганов, обозначенный нами № 12, на схеме А. Н. Живаго не отмечен. Курган был раскопан за год до того крестьянами. Они нашли в нем браслет и височное кольцо. Курган А был срыт владельцем усадьбы «Любвино» для подсыпки дорожек в парке, ныне на территории усадьбы расположена лесная школа № 5. Три кургана (J, H и F) были раскопаны до 1913 г. неизвестно кем.

В группе у с. Григорово А. Н. Живаго были раскопаны девять насыпей. Это курганы G, C, K, B, D, M, O, E и R. Раскопанный нами курган № 5 у А. Н. Живаго обозначен буквой D, а курган № 9 — это остатки снесенного владельцем усадьбы кургана А.

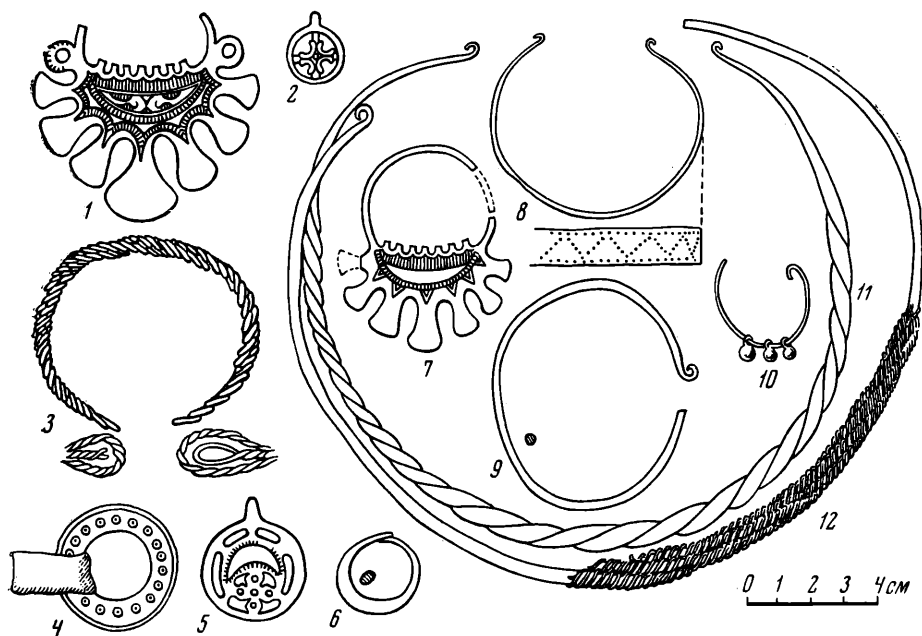

Рис. 37. Находки из Григоровских курганов

В кургане С А. Н. Живаго на уровне горизонта был найден скелет молодой женщины, лежавший на спине головой на запад с вытянутыми вдоль корпуса руками. При костяке было вятическое височное кольцо на левом виске, четыре браслета: два — на правой и два — на левой руке и три решетчатых перстня (рис. 37, 7), два — на правой и один — на левой руке.

В кургане К под насыпью был расчищен скелет старика, лежавший на спине головой на запад с руками вдоль корпуса. Находок при нем не оказалось. Погребение тоже было найдено на уровне горизонта. В верхней части насыпи исследователь отмечает скопление крупных камней.

Под насыпью кургана С был расчищен скелет старика на спине головой на запад. На поясничной части скелета имелись два бронзовых кольца от пояса, покрытые циркульным орнаментом (рис. 37, 4). На одном из них сохранился кусок ремня.

В кургане В были два женских костяка. Один костяк старой женщины на спине головой на запад. При погребении встретились четыре вятических семилопастных кольца, один пластинчатый браслет (рис. 37, 8), два круглых в сечении ручных кольца и сердоликовая бипирамидальная бусина. При втором женском костяке — два проволочных височных кольца с разомкнутыми концами (рис. 37, 9). В верхней части насыпи исследователь отмечает также скопление камней. Одно из этих погребений, несомненно, является впускным.

В кургане D в верхней части насыпи найдены были камни. Под насыпью на горизонте лежал женский костяк на спине. При костяке обнаружена медная гривна из круглого в сечении прута с утонченными и загнутыми концами (один обломан) с оплеткой по дроту из тонкой медной проволоки (рис. 37, 12). На черепе были два малых семилопастных вятических височных кольца, на груди — пять круглых прорезных подвесок в виде лунниц с крестом, заключенных в круглую обойму (рис. 37, 5), а на руках — два перстня, один из которых, по терминологии А. В. Арциховского¹, многодисковый.

¹ А. В. Арциховский. Курганы вятичей. М., 1930.

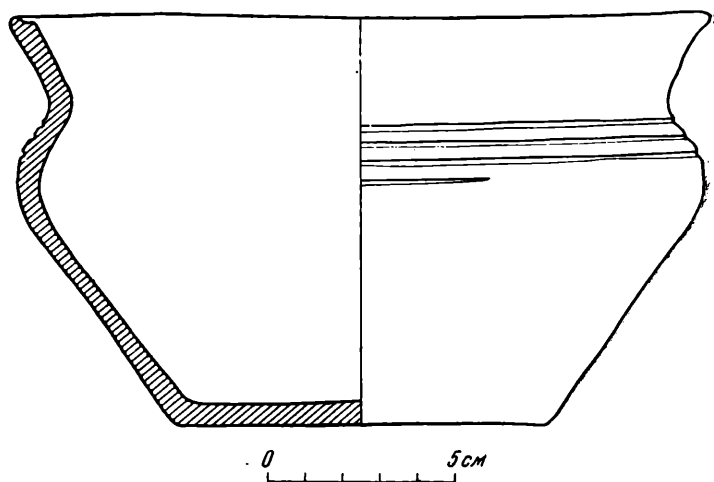

Рис. 38. Круговой горшок из Григоровских курганов

В кургане М при женском костяке, лежавшем на уровне горизонта, были найдены полужгутовая загнутоконечная гривна (рис. 37, 11) и одно вятическое семилопастное кольцо, которое в коллекции отсутствует. На одной руке было обычное проволочное кольцо, а на другой — перстень с прямоугольным щитком. У ног скелета находился круговой низких пропорций горшок с линейным орнаментом, сходный по пропорциям с большой группой подобных же сосудов из раскопок А. В. Арциховского в курганной группе у с. Волково под Звенигородом (рис. 38).

В кургане О при мужском костяке, лежавшем головой на запад на уровне горизонта, был найден втульчатый листовидный железный наконечник копья. Он найден под правой бедренной костью и обращен острием на север, т. е. перпендикулярно к погребению.

Под насыпью кургана обнаружен на уровне горизонта скелет молодой девушки, ориентированный головой на юго-восток. На шее костяка была серебряная полужгутовая загнутоконечная гривна, сплетенная из шести проволок (2×3). На черепе четыре малых вятических семилопастных кольца, а на груди пять монетовидных больших привесок из биллона и одна маленькая. На шее вместе с привесками были две посеребрённые бусины: гладкая и рубчатая. В том же ожерелье были и две металлических бипирамидальной формы бусины, на руке женщины — кольцо.

В кургане Е при женском костяке у черепа было найдено височное проволочное кольцо диаметром около 3 см, на которое были надеты три миниатюрных медных сферической формы пуговики с ушками (рис. 37, 10). Около груди было 14 крупных шаровидных бус из желто-белого прозрачного стекла и три круглые прорезные подвески, две из которых с крестовидным орнаментом в центре (рис. 37, 2). На руках — по проволочному браслету, а на пальцах руки — простое проволочное колечко (рис. 37, 6) и решетчатый перстень. Бусы в погребении были найдены надетыми на шерстяной шнур. Неподалеку от костяка отмечены кусочки угля.

Материал, найденный в этой курганной группе, разновременен, но не выходит за пределы XII—XIII вв. К этому времени, в частности, относятся все найденные в курганной группе височные кольца, наиболее ранние из которых без ушек, а более поздние с ушками. На щитках двух колец с ушками имеется стилизованный растительный орнамент.

Из инвентаря курганной группы значительный интерес представляет железное копье из кургана О. Находки оружия в вятических курганах редки. Еще одно копье, а точнее дротик с черешковым стержнем были

найден А. В. Ардиховским в курганный группе у с. Воронцово б. Рузского уезда.

Вятические височные кольца со стилизованным растительным орнаментом на щитке все относительно поздние и не могут быть датированы ранее середины XII в. Впрочем, такой орнамент более характерен для XIII в. Подобные сравнительно поздние височные кольца с ушками и стилизованным растительным орнаментом известны из курганных групп: Зюзино, Битягово, Захряпино, из б. Белевского уезда, из группы у пос. Володарка. Они найдены в курганный группе у Биостанции МГУ, в Тушино и Чертаново. Несколько колец было найдено при раскопках В. В. Богданова. Кольца с таким орнаментом есть в Смедовской курганный группе и одно происходит из Рязани. Зубчатая орнаментация на всех образцах этих колец также одинаковая. Обряд захоронения в Григоровской курганный группе — трупоположение на спине головой на запад — обычен для этого времени. Там, где это удалось проследить, покойники были положены на горизонте. Погребения, по-видимому, были совершены в гробах, ибо в кургане № 9 обнаружен небольшой кусок дубового гробовища. Интересно погребение в кургане женщины головой на юго-восток. Это еще один случай обратной ориентации женского погребения в Подмошье.

Д. А. БЕЛЕНЬКАЯ, А. Ф. ДУБЫНИН
РАБОТЫ НА ТЕРРИТОРИИ КИТАЙ-ГОРОДА
(МОСКВА) В 1964—1965 гг.

В 1964 г. Московская археологическая экспедиция провела исследования на небольшом участке Китай-города в месте пересечения Никитникова и Ипатьевского переулков. Близость этого участка к древнему центру московского посада и летописное название урочища — «Глинище»¹ — позволили некоторым авторам предположительно связывать начальную историю этого района с первым этапом развития московского гончарного производства². Исследования 1964—1965 гг. подтвердили, как нам кажется, эти предположения.

При строительных работах был вскрыт мощный глиняный пласт, подстилавший культурный слой по всему исследованному участку.

Выяснился первоначальный рельеф местности: самое высокое место было занято последовательно церковью Никиты и церковью Троицы.

При археологических наблюдениях на территории Глинища прослежены древние прямоугольные ямы со ступенчатыми стенками глубиной до 1,6 м без следов деревянных или иных конструкций, а также несколько вертикальных падений материка до глубины 2 м. Все эти ямы и перекопы являются, по-видимому, следами глиняных разработок. О глиняных разработках свидетельствуют и найденные на дне одной из ям деревянные клинья, применявшиеся при добыче глины³. Существованием глиняных разработок, видимо, объясняются сравнительно небольшой культурный слой по всей территории Глинища и полное отсутствие керамики в этом слое на материке, тогда как в заполнении древнейших деревянных построек на этом участке керамики много.

Когда же были прекращены разработки и территория Глинища включена под застройку разраставшегося Великого посада? На этот вопрос позволяет ответить керамика из заполнения древнейших срубов — она относится ко второй или третьей четверти XV в. Следовательно, разработки глины были прекращены примерно в середине XV в. С этого времени территория Глинища быстро застраивается.

К концу XIV в. посад разрастается от Кремля почти до современного Китайского проезда⁴ и, естественно, разработки на Глинище не могли долго продолжаться внутри жилых кварталов. Примыкающий

¹ Как обозначение глиняных разработок термин этот дошел до наших дней в лексиконе гончаров (см. А. А. Бобринский. К изучению техники гончарного ремесла на территории Смоленской обл. СЭ, 1962, № 2).

² Р. Л. Розенфельдт. Керамика и керамическое производство Москвы. Архив Р-2 ИА 1860, стр. 418—420.

³ А. А. Бобринский. Указ. соч., стр. 34.

⁴ П. В. Сытин. История планировки и застройки Москвы. М., 1950, стр. 34.

к Глинищу северный участок, судя по керамике из заложенных шурфов, был застроен в первой половине XV в.

Что же представляет из себя первоначальная застройка Глинища?

В шурфе и при наблюдениях за земляными работами нами зафиксированы остатки четырех срубов, водостока и плетня середины XV в. Три сруба частично примыкали к глиняным выступам (следы разработок). Назначение срубов разное: тут и хозяйственная постройка из бревен диаметром 15—17 см и двухкамерный сруб из бревен диаметром 22 см с остатками деревянной колоды из-под наковальни. О ремеслах свидетельствуют и вещевые находки в заполнении срубов: сапожное шило (рис. 39, 4), два небольших куска воска, обломок ювелирных весов (рис. 39, 6). Судя по керамике, сооружение срубов относится ко времени не позже третьей четверти XV в.

В заполнении одного из срубов обнаружены небольшое количество металлического шлака и обгоревшие кости животных. С ремеслом была связана и частично вскрытая производственная яма, расположенная, как и срубы, под материковым уступом. В заполнении ямы хорошо заметно чередование угольных прослоек, но не встречено ни инвентаря, ни фрагментов обмазки. Заброшена яма во второй половине XV в. Недалеко от ямы, прямо на материке, лежала глиняная игрушка лошадка, расписанная черной краской и датируемая XV в. (рис. 39, 5).

В этом же слое найдена часть конусовидной крышки сосуда так называемой серой керамики (рис. 39, 1). Под небольшой ручко-петлей сохранились остатки клейма в виде креста, аналогичного клеймам на днищах сосудов.

Сравнительно небольшие следы сапожного, костерезного (рис. 39, 2), металлообрабатывающего ремесел скорее всего говорят о подсобных занятиях.

В слое конца XV—третьей четверти XVI в. срубов обнаружено гораздо меньше, расположены они на большем расстоянии друг от друга, что связано, по-видимому, с укрупнением усадеб. Здесь сохранились остатки плетня из кольев диаметром 6—7 см в слое первой половины XVI в. Не исключено, что плетень ограничивал усадьбу с запада и стоял вдоль переулка. Если это так, то возникновение Ипатьевского переулка можно датировать первой половиной XVI в. Его граница проходила приблизительно на 7 м восточнее современной.

К этому периоду относится сооружение деревянной церкви Никиты-воина, поставленной на небольшой возвышенности⁵. В названии церкви есть уточнение: «...что на Глинищах». Александровский, опираясь на это уточнение, на наш взгляд вполне обоснованно считал, что церковь была поставлена до 30-х годов XVI в., т. е. до сооружения Китайгородской стены.

Уже в 1460 г. впервые упоминается церковь «Спас на Глинище», стоявшая восточнее церкви Никиты-воина. В Ипатьевском переулке, ближе к Ильинке, в 1472 г. впервые названа церковь Ипатия Гангрского⁶.

Наблюдениями 1964—1965 гг. удалось установить южную границу кладбища при церкви Никиты-воина. В непотревоженной перекопками части кладбища, на материке, лежало несколько долбленых гробов. В засыпке могил было очень мало керамики. Это говорит о том, что интервал между прекращением разработок глины и строительством церкви относительно невелик.

О социальном составе населения этой части Китай-города в конце XV—третьей четверти XVI в. мы можем судить по изменившейся

⁵ Исследователи церкви Троицы в Никитниках относят появление ее деревянной предшественницы ко второй половине XVI в. «Ежегодник ГИМ». М., 1962, стр. 175.

⁶ Указатель Александровского, № 73. ГИМ, Отдел архитектурной графики.

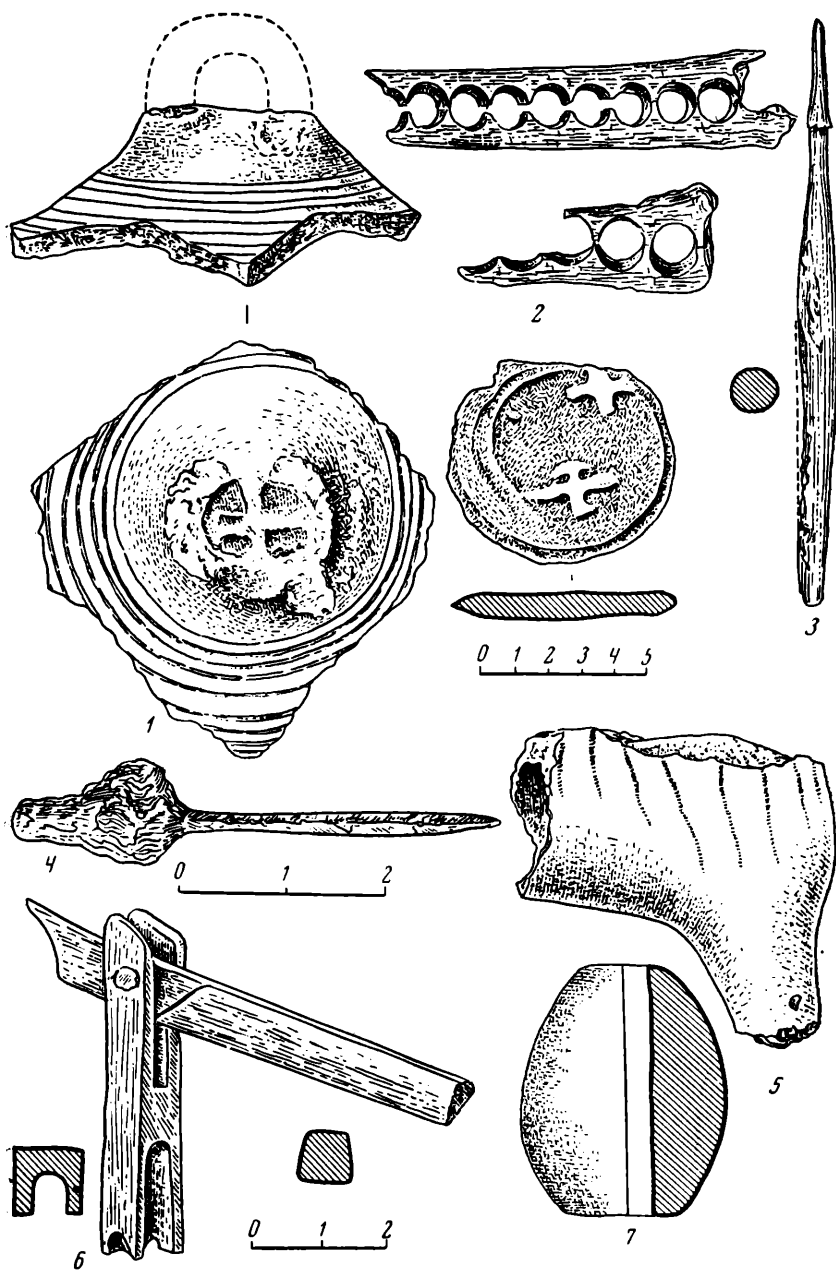

Рис. 39. Двор дома № 9 по Ипатьевскому переулку. Находки из культурного слоя XV в.

1 — крышка сосуда; 2 — отходы костерезного ремесла; 3 — веретено; 4 — сапожное шило; 5 — обломок игрушки-лошадки; 6 — весы (фрагмент); 7 — грузило

величине усадеб. Очевидно, это проявление общего для центра Москвы процесса вытеснения ремесленников дворами знати в конце XV в. В XVI в. этот район был заселен боярскими усадьбами и богатыми горожанами. Об этом свидетельствует и найденный клад богатого оружия с монетами, чеканенными до 1547 г.⁷

⁷ В. А. Городцов. Описание холодного оружия. Отчет ГИМ за 1911 г. М., 1913, стр. 29.

В конце XVI в. опять резко меняется застройка участка. Характер изменений был выяснен наблюдениями 1964 г.

В юго-западном углу строительной площадки при земляных работах были вскрыты остатки белокаменной постройки — четырехпалатного дома посадского типа конца XVI—начала XVII в.⁸ Архивные источники позволили определить имя владельцев дома. Это был древний род князей Татевых. В 40-х годах XVII в. усадьба перешла во владение царевичей Сибирских, потсмов хана Кучума.

Из находок, связанных с этой усадьбой, определенный интерес представляют два скопления так называемых красных изразцов, датируемых первой половиной XVII в. Одно скопление (112 фрагментов изразцов) было вскрыто в яме в траншее, пересекавшей усадьбу с запада на восток. Некоторые изразцы были сильно обожжены и закопчены. Судя по составу изразцов, по трем экземплярам одинаковых «городков»⁹, в яму была выброшена облицовка целой печи, вероятно, при ремонте. Лицевые изразцы с разнообразными сюжетами были украшены и растительным орнаментом и изображениями сказочных зверей. Так называемые поясные изразцы представлены двумя типами растительного орнамента. Вторая по многочисленности (после лицевых) группа изразцов-перегородок представлена пятью различными типами.

Второе, сравнительно небольшое, скопление «красных» изразцов было обнаружено рядом с западной стеной боярского дома. Из этой группы интересны два лицевых изразца с изображением сцены штурма крепости.

Таким образом, наблюдения 1964—1965 гг. дали новый материал для выяснения времени и характера застройки небольшого участка Московского посада, известного под названием «Глинище».

⁸ Определение производилось бригадой архитекторов ЦНРМ, которую возглавляла И. В. Ильенко (см. Отчет ЦНРМ о раскопках каменных сооружений во дворе дома № 9 по Ипатьевскому пер. в Москве. М., 1965, стр. 9).

⁹ Тип изразцов, венчающих печь.

А. В. НИКИТИН

ГОРОДИЩЕ В г. УСТЮЖНЕ

История г. Устюжны малоисследована. Первые летописные сведения о городе относятся к XIV в., когда на него в 1341 г. напали новгородцы¹. В это время Устюжна была во владении московского князя. В 1391 г. новгородцы вторично захватили город. Судя по духовному завещанию Ивана III, которым он передал Устюжну третьему сыну — Дмитрию, она была малопримечательным городком. Известно также о нападении на Устюжину в 1608 г. польских и литовских отрядов. Интересно, что при описании осады и обороны говорится об отсутствии каких-либо укреплений в городе: устюжане «... острогу и никакие крепости не имели»². Таким образом, письменные свидетельства упоминают о городе лишь с XIV в., поэтому археологические материалы приобретают особо ценное значение.

Городище лежит на правом берегу Мологи, при устье речки Ижины, откуда и происходит название города Устюжна. Крепость близка к четырехугольной форме и обращена открытой стороной к р. Мологе (рис. 40). Со стороны р. Ижины она отделена высоким валом, это вызвано тем, что Ижина здесь течет по широкой открытой и ровной долине. Вход в крепость, возможно, был в южном углу городища, где наблюдается разрыв в насыпи.

Внутренняя поверхность городища ровная, задернованная, лишена заметных уклонов, местами видны ямы и всхолмления различных размеров. Зачистка обрыва берега и ям выяснила, что памятник однослойный. Толщина культурного слоя не превышает 0,4 м. Вещевой материал свидетельствует о том, что поселение-крепость существовало в XI—XII вв. и contemporанно использовалось на рубеже XVI—XVII вв. Раскопы и траншеи заложены на площади городища и на валу (рис. 40).

Раскоп I расположен в восточном углу городища. Под слоем дерна обнаружен развал красно-желтой обожженной глины, смешанной с землей и углем. Возможно, что это следы обмазки пола или развала глинобитной печи. Большинство находок обнаружено над уровнем остатков сооружений: калачезидное кресало XI в., шиферные пряслица, рыболовные крючки, пробой от шкатулки, зубило, лезвие топора, наконечник, пешни, хрустальная и золоченая бочковидная бусина (рис. 41).

Развалы глины находились непосредственно под дерном на серо-черном основном культурном слое.

Расчистка пятен обнаружила только скопления обожженной глины и угля. С некоторой уверенностью можно говорить об остатках трех помещений на территории раскопа.

¹ А. В. Экаемплярский. Великие и удельные князья Северной Руси, т. II. СПб., 1891, стр. 129, прим. 375.

² РИБ, т. II, № 187, стр. 795.

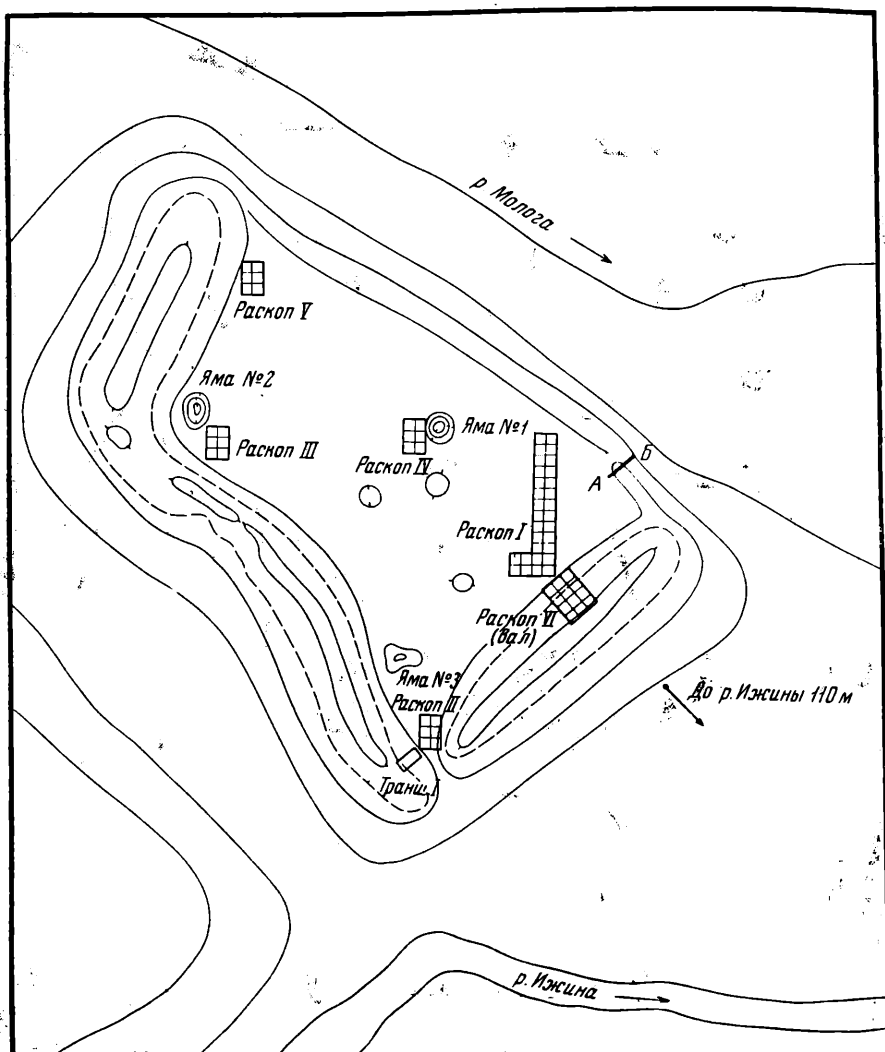

Рис. 40. Городище Устюжна. План

В разных местах раскопа в верхнем пласте вместе с более ранними вещами найдено несколько обломков чернолощенной керамики, что заставляет признать присутствие населения в городке и в XVI—XVII вв.

Большая часть керамики в изломе черно-серого цвета, меньшая — розовато-красная с темной сердцевинной. Большинство обломков — с примесью крупного речного песка, а иногда шамота. Большинство стенок гладкие, реже с линейным и линейно-волнистым орнаментом: посуда устюженского городища скудно украшена. Характерен слабоотогнутый венчик, обычно лишенный валика, так что некоторые имеют прямоугольную в профиле форму. Отсутствие целых экземпляров и полных профилей затрудняло определение типов посуды. Находки ручек единичны, совсем не встречались носики умывальников, глиняные игрушки, сковородки. Обломки венчиков указывают, что преобладающим видом посуды были горшки.

Раскоп показал, что материал хронологически и этнически однороден. Городище основано русским населением и было обитаемо в XI—XII вв.

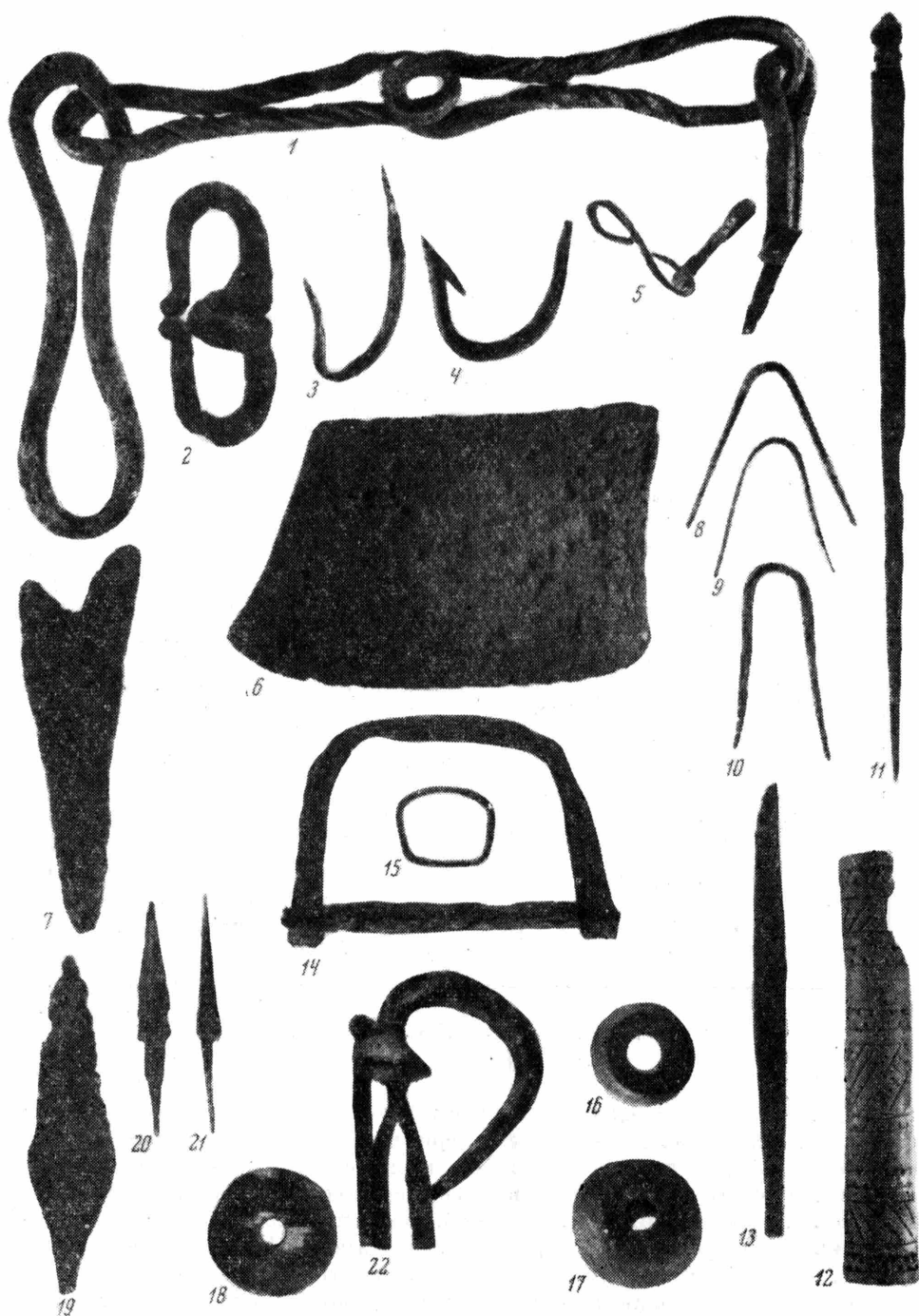

Рис. 41. Городище Устюжна. Вещи XI-XII вв.

1 — цепь; 2 — кресало; 3, 4 — крючки рыболовные; 5 — цепочка; 6 — обломок лезвия топора; 7 — пещия;
 8-10 — (лодочные крепления?); 11 — писало; 12 — костяная поделка (ручка ножа?); 13 — зубило;
 14, 15 — пряжка железная; 16-18 — широкие пряслица; 19-21 — стрелы; 22 — дужка замка

Раскоп II и траншея были заложены в южном углу городища и у разрыва вала (рис. 40). Кроме мелких кусков обожженной глины и угольков раскоп II ничего не дал: отсутствовала даже керамика. В траншее, на основной насыпи вала, прослежена прослойка угля. Возможно, что это остатки каких-то деревянных укреплений, шедших по гребню. В насыпи находок не было. Найдена лишь ручка красноглиняной амфоры.

Раскоп III заложен в западном углу городища (рис. 40). Под дерновым слоем обнаружено много обломков гончарной неорнаментированной керамики.

В нижней части слоя больше обожженных кусочков глины встречены отдельные бревна, лежавшие на пятнах прокаленной глины и угля. Тут же были найдены цилиндрический замок с пробоем и стрела, остатки горелой ржи, пробой. Возможно, что это — следы жилого или складского помещения. Часть его уходит под южную осыпь вала. Можно предположить, что оно занимало не более 16 кв. м.

Раскопы IV и V в центре и северной части городища не дали остатков сооружений, хотя в слое находилась обычная для городища керамика³.

Раскоп VI. На юго-восточном валу с внутренней стороны были хорошо видны волнообразные полосы, шедшие по склону вдоль всей насыпи. Можно было думать, что это следы деревянных укреплений (городен, стен и т. д.). Под дерном лежала частично обожженная глина. Следов обмазки вала не наблюдалось. Встречались небольшие куски глины с хорошо заметными отпечатками дерева и небольшие пятна угля. Возможно, что это — следы деревянных стен, некогда шедших по вершине вала. В профиле прослеживалась угольная прослойка толщиной в 1—2 см. Она лежала на основном песчаном грунте вала. Кроме того, в юго-западном профиле вала имелись углубления от столбов. Видимо, эта часть крепости первоначально была несколько ниже (примерно на 0,5 м) и имела изгородь на гребне вала. Незначительность повышения вала объясняется структурой насыпи: в основном это обожженная глина. Строители крепости не стремились к увеличению высоты вала; придавалось значение устройству глиняного панциря, препятствовавшего его оседанию и развеванию грунта. В большом количестве были найдены обломки глины с отпечатками круглых бревен и досок (один — со следами обмазки двух смежных бревен как бы отпечатка стены). В северо-восточной части вала, идущего вдоль берега реки, в слое желтого песка, на глубине 1,10—1,20 м, местами хорошо сохранились горелые бревна, лежавшие одно на другом и перпендикулярно друг к другу. Это — остатки крепления вала террасами, расположенные на серо-черном культурном слое городища. Следовательно, укрепления в этой части крепости были построены уже после того, как образовался культурный слой XV—XII вв. Скорее всего оно было связано с борьбой против польско-литовских отрядов в 1609 г., когда не только использовались древние крепости, но и возводились по их образцам новые, как это случилось в восточных районах Вологодской области (Кич-городок и Халезец).

Как показали археологические раскопки, Устюженское городище — однослойный древнерусский памятник XI—XII вв. В XIII—XVI вв. оно не было заселено. Имеются следы вторичного кратковременного использования его в начале XVII в.

Несмотря на то, что основной археологический материал относится к XI—XII вв., летописные данные позволяют судить о непрерывном существовании древнего города. В связи с этим возникает вопрос

³ Источники XVI в. свидетельствуют о существовании на городище церкви Воздвижения, по преданию построенной Иваном Грозным, вероятнее, в центре городища. К 1597 г. церковь запустела, а к 1626 г. ее уже не было (И. Ф. Томаков. Город Устюжна. М., 1897, стр. 55—56).

о топографии города после XII в. Однако об этом можно будет говорить при археологическом обследовании современного города. Вероятнее всего, расселение шло вниз по р. Мологе.

Устюженское городище имеет высокие валы, опоясывающие его с трех сторон. К особенностям крепости относится трапециевидная планировка: широкие рвы с северо-запада и юго-запада.

Остатки деревянных сооружений по гребню вала прослеживаются только в северо-восточной насыпи. Юго-западный вал их не имеет. В течение короткого времени городище вновь использовалось и было укреплено со стороны реки. Вторичное использование крепости, очевидно, надо связывать с попаданием на Устюжну польско-литовских войск.

Каких-либо финно-угорских элементов в культуре населения городища нет, как и на других городищах Вологодской области этого времени. Может быть, это объясняется недостаточной изученностью памятников Севера, или объяснение этому следует искать в отсутствии тесных связей между славянским и финно-угорским населением, характерных для XI—XII вв. Найденные вещи, особенно керамика, славянские. Сейчас еще нельзя ответить не только на вопрос о причинах таких взаимоотношений между славянскими и финскими племенами, но и даже считать это явление характерным для большинства районов. Возможно, что работы на других памятниках опровергнут эти наблюдения.

Вещевой материал, найденный на городище, свидетельствует о рядовом населении. Находки рыболовных принадлежностей, зерна и немногочисленного хозяйственного инвентаря позволяют сделать предположение о традиционном хозяйстве славянского населения на городище.

Говорить о планировке внутренней части городища трудно, так как жилища очень плохо сохранились. Но, судя по расположению находок и остатков жилищ (обгоревшие бревна, обожженная глина), население предпочитало строить их вблизи вала⁴.

⁴ В статье Г. А. Максименкова и И. Н. Хлопина, помещенной в «Советской археологии» (№ 4, 1958 г.), авторы на основании только керамического материала, полученного из одного шурфа площадью 0,5 × 2 м, датировали Устюженское городище XIV—XV вв. Это лишний раз свидетельствует о необходимости не только более полных разведочных работ, но и осторожности при датировках по керамическому материалу.

Д. А. БЕЛЕНЬКАЯ

ОСТАТКИ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОГО ПРОИЗВОДСТВА В БЕЛОМ ГОРОДЕ (МОСКВА)

Район Белого города являлся одним из многих белых пятен в истории Москвы. Впервые этот район начал изучаться археологически в связи с реставрационными работами палат Троекурова в 1952 г.

Двор Троекуровых расположен на правом берегу р. Неглинки¹, в так называемом Занеглименьи. «В XV в. эта местность, несомненно, уже была застроена не только вдоль Тверской улицы, но и дальше к востоку»². В это же время упоминаются три церкви: Параскевы Пятницы в Охотном ряду, Анастасии Узорешительницы и Святого Георгия.

Расположенные на небольшой площади ранние церкви свидетельствуют о плотном заселении этого района Москвы в первой половине XV в.

Восточнее уже во второй половине XV в. находился один из самых больших производственных центров Москвы — «пушечные избы на реке Неглинной», а позже, в XVI—XVII вв. — Государев Пушечный двор. Внутри палат в 1959 г. было заложено 36 шурфов. Выбор места шурфа и размеры определялись характером реставрационных работ.

Разведочные шурфы 1953 г. обнаружили остатки металлургического производства, и М. Г. Рабинович высказал предположение о существовании здесь металлургического комплекса (рис. 42). Это подтвердилось работами 1959 г. Ниже фундаментов дома второй половины XVII в. обнаружены остатки сооружений двух типов:

1) производственные землянки; 2) ямы с отходами металлургического производства.

Землянки и ямы засыпаны отходами медеплавильного и железоплавильного производств, это произошло, по-видимому, при нивелировке территории перед постройкой жилого дома на белокаменном фундаменте.

Датировку производственного комплекса можно установить на основании керамики, которая относится ко второй половине XV в. Эта дата подтверждается небольшой коллекцией стекла западноевропейского производства XV—XVI вв.³

На территории дома Троекурова прослеживаются четыре производственные землянки, находящиеся в северо-западной ее части (землянки № 1 и 2) и в юго-восточной (землянки № 3 и 4, рис. 42).

¹ В связи с реставрацией палат Троекурова в 1952 г. М. Г. Рабиновичем было проведено начальное археологическое исследование памятника. Работы были продолжены автором в 1959—1960 гг.

² П. В. Сынтин. По трассе первой очереди Московского метрополитена. Л., 1936, стр. 28.

³ Из заключения лаборатории спектрального анализа кафедры археологии МГУ.

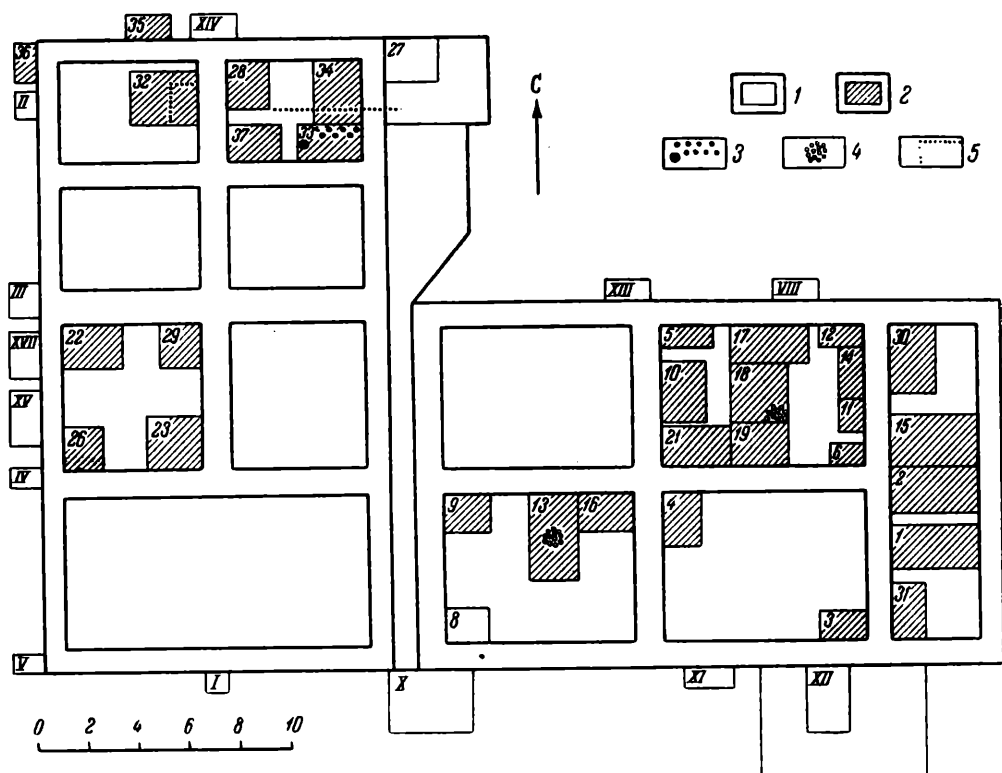

Рис. 42. Дом бояр Троекуровых. План расположения шурфов

Условные обозначения: 1 — шурфы 1952 г.; 2 — шурфы 1959 г.; 3 — платформы и столбы; 4 — основания камней; 5 — граница землянки

Землянка № 1. Глубина ее в материке 145 см. На дне землянки прослеживались остатки досок пола и следы двух опорных столбов. Внутри обнаружены остатки прямоугольного ящика без дна, заполненного угольками.

Выше, в восточном профиле, обнаружен мощный воронкообразный завал, состоящий из пяти пластов глины, песка, угля, золы, дерева. Внизу есть куски глиняной обмазки. Почти во всех слоях встречены фрагменты медеплавильных тигельков.

Дату вторичного использования ямы (под свалку отходов производства) определяют керамика и несколько вещевых находок из завала. 187 обломков глиняной посуды относятся к типу московской красноглиняной керамики XIV—XV вв.; остальные — к красноошенной керамике XV в. (10 шт.) и к белоглиняной керамике XV в. (12 шт.).

В том же завале были найдены два сильно деформированных креста. Один из них, по-видимому, являлся частью складня XV—XVI вв. Тип креста-энколпиона с четырьмя круглыми медальонами на концах. Большинство таких крестов датируется XV, реже началом XVI в.⁴

Завал землянки произведен, очевидно, в конце XV в. Сооружение землянки датируется последней четвертью XV в. Среди материалов полностью отсутствует так называемая серая керамика, характерная для самых ранних слоев Москвы и обязательно присутствующая (в небольшом количестве) в слое первой половины XV в.

⁴ М. Г. Рабинович. Работа Московской экспедиции. КСИИМК, вып. XXVII, 1949, стр. 159.

Вероятно, землянка была оставлена в XV в. Орудий производства здесь не обнаружено.

Землянка № 2. В материк землянка заглублена на 200 см, яма ее так же, как и землянки № 1, использована позже для выброса отходов металлургического производства.

В границах землянки № 2 обнаружен ящик из горбылей, края его укреплены кольями.

Керамики здесь мало. Это московская красноглиняная посуда XV в. с характерным темно-бурым изломом. На дне землянки обнаружен раздавленный красноглиняный горшок с полосами неровного линейного орнамента.

В песчаном заполнении найден небольшой бронзовый крест. Концы его треугольной формы. Лицевая поверхность углублена. Аналогичный крест имеется в коллекциях Новгорода, где он датируется XIII в.⁵

Основное содержание завала — фрагменты сильно обожженной глиняной обмазки, на некоторых из них сохранились отпечатки деревянных конструкций. Здесь же найдено несколько крупных булыжников, куски окислившихся медных изделий, шлак, обломки тиглей.

Завал землянки № 2 датируется 153 фрагментами керамики, из которых 148 — красноглиняная XV в., а три фрагмента — краснолощеной посуды XV в.

Судьбы обеих землянок одинаковы, они существовали в XV в. как часть производственного комплекса.

Землянка № 3. Материк в шурфе на глубине 340 см, при отметке материка в этой части дома 200—220 см.

На дне шурфа — скопление обгорелых булыжников, вдавленных в глиняную подстилку. Рядом с камнями — немного обгорелой печной обмазки.

Скопление камней находилось в слое, пронизанном включениями угля. Здесь же обнаружено несколько фрагментов железного шлака. В юго-западном углу шурфа № 13 он плотно уложен. Выше идет завал из шлака. Всего пять фрагментов обмазки свидетельствует о том, что печь была разрушена не завалом, а гораздо раньше, вместе с окончанием эксплуатации этого сооружения.

Однако, в отличие от землянок № 1 и 2, шлаковый выброс лег почти на дно землянки. В одном комплексе под завалом остались следы печи, столбовая яма и рядом с ней шлак.

Из вещей здесь найдены: красноглиняная лошадка, нож, заготовка костяной ложки, фрагмент красноглиняного горшка с остатками процесса цементации железа⁶.

Вещи не датируют комплекс. Обратимся к керамике. Это — 99 обломков красноглиняной, краснолощеной и белоглиняной керамики XV—XVI вв. и один фрагмент сосуда, покрытого сплошным ангобом. Очевидно, использование землянки № 3 началось не раньше XV в.

В отличие от землянок № 1 и 2, на территории землянки № 3 был обнаружен только один фрагмент медеплавильного тигля.

На северо-восток от землянки № 3 в шурфах № 18 и 19 обнаружены остатки четвертого аналогичного сооружения. Сохранился только северо-западный угол землянки. Глубина ее 100 см. В северном профиле видны следы небольшого выступа в материке, очевидно, спуска. На материке же находилось скопление обгорелых камней.

Перекрывая слой с остатками булыжного основания печи, в полном беспорядке лежало множество фрагментов печной обмазки толщиной 3—3,5 см. В южном профиле шурфа № 18 хорошо видна верхняя граница

⁵ М. В. Седова. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.). МИА, № 65, стр. 236.

⁶ Подобный же фрагмент найден в шурфе № 17.

залегания фрагментов обмазки. Здесь же обгорелые кости животных, фрагменты горшков.

На дне землянки, на территории шурфа № 19 и частично № 18, имеется ящик из досок, аналогичный найденному в землянках № 1 и 2, заполненный аккуратно уложенным шлаком.

По-видимому, в период использования землянка № 4 (площадь которой около 8 кв. м) выглядела так: в ее северной части находилась железоплавильная печь высотой 70 см. С юго-востока — ящик, заполненный отходами производства.

Производственная эксплуатация землянки № 4 и завал ее, судя по керамике, относятся к XV в.

Итак, четыре упомянутые землянки датируют существование производственного комплекса и конец его XV в. Исключение составляет землянка № 3.

Кроме четырех землянок на территории дома Троекурова зафиксированы четыре ямы для выброса отходов металлургического производства.

Ямы № 1 и 2 расположены рядом с землянкой № 1. Ямы № 3 и 4 — рядом с землянкой № 4. Глубина тех частей ям, которые попали в границы шурфов, не более 0,5 м. Заполнение ям № 1 и 2 — смесь древесного угля и материкового песка. Обе ямы керамикой датируются XV в.

В свою очередь ямы № 3 и 4 заполнены смесью железного шлака и древесного угля. Керамика заполнения этих двух ям XVI в.

Следы медеплавильного производства — это в основном 200 фрагментов тиглей и три целых экземпляра. Небезынтересно распределение обломков тиглей: 194 найдены или в землянках № 1 и 2 или рядом с ними. И только шесть — в районе землянок № 3 и 4; из них лишь один фрагмент, обнаруженный на самом дне землянки № 3 (шурф № 13), в какой-то мере выразителен: по-видимому, он попал сюда в момент или после использования землянки № 3. В таком случае это отражает одновременность существования медеплавильного и железоплавильного производства на этой территории в непосредственном соседстве друг с другом.

Целые и реставрированные тигли — конусовидной формы с острым дном. Емкость их приблизительно 160 см³. На стенках некоторых из них сохранились кусочки застывшей меди.

Форма тиглей аналогична двум экземплярам из Зарядья (Москва); первый стратиграфически датируется второй половиной XV в.⁷, второй — XIV в.⁸

Множество фрагментов глиняной обмазки в завале всех четырех землянок, возможно, являются остатками не только плавильных печей, но и глинобитных перекрытий землянок.

По-видимому, завалы эти сделаны не сразу после конца эксплуатации домниц, так как во всех четырех землянках они лежали: в землянках № 1 и 2 — на песке с угольными включениями; в землянках № 3 и 4 — на шлаке.

Таким образом, медеплавильное производство концентрировалось в землянках № 1 и 2, которые начали функционировать как часть металлургического комплекса в последней четверти XV в. и были заброшены в том же XV в. На этой территории не встречено более поздних следов медеплавильного производства.

Не найдено ни одного фрагмента инструментария металлургов. В конце XV в. медники ушли из этого района Занеглименья, возможно, выше по Неглинке, ближе к Государеву Пушечному Двору.

В свою очередь, судя по шлаку, следы большого железоплавильного комплекса приходится в основном на землянки № 3 и 4.

⁷ Фонды Московской экспедиции, № 294. МЗ-1953 г., уч. 2.

⁸ Фонды Московской экспедиции, № 262. МЗ-1957 г., уч. 5 «А».

Вероятнее всего, это домины, в которых сыродутным способом плавилась руда⁹. Возможно, здесь же, недалеко от печи, производилось обжигание полученного полуфабриката (найден кузнечный шлак).

Среди шлака встречалось много обгорелых костей животных, добавляемых ремесленниками в печь при плавке руды.

Медеплавильный и железоплавильный комплексы существовали самостоятельно. Сочетание кричного производства с производством изделий из цветного металла в границах одной мастерской XV в., как считают некоторые исследователи¹⁰, нам представляется невозможным.

Появление металлургов в конце XV в. в этом районе Занegliменья было связано с постепенным оттеснением посадского населения от Кремля за пределы Китай-города. Представители огнеопасных профессий уходили одними из первых. В начале XVI в. металлурги исчезают из этого района, очевидно, перебравшись ближе к «Неглинному верху»¹¹.

Итак, археологическое исследование дома Троекуровых свидетельствует о трех строительных периодах:

I. Последняя четверть XV—начало XVI в. — здесь был большой металлургический комплекс. В начале XVI в. ремесленники покидают участок, очевидно переместившись ближе к верховьям Неглинки, оттесняясь дальше от Кремля более зажиточным населением.

Пушечные избы и Государев Пушечный Двор возникли в районе, среди населения которого было множество металлургов. Наличие железного шлака в культурном слое замечено на пересечении Неглинки, Кузнечного моста и Петровки.

II. Первая половина XVI—середина XVII в. — возникновение жилого комплекса. И, наконец, III период — строительство в 70-х годах XVII в. дома бояр Троекуровых.

⁹ Характерные для этого способа черты были выявлены при определении шлаков в лаборатории Института археологии.

¹⁰ М. Г. Рабинович. Материалы по истории Великого посада Москвы. Труды МИРМ, вып. V, 1954, стр. 88—89.

¹¹ М. Н. Макаров. Русские предания, т. 2. М., 1838, стр. 26.

Г. А. ВОЗНЕСЕНСКАЯ

МЕТАЛЛОГРАФИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ
КУЗНЕЧНЫХ ИЗДЕЛИЙ
ИЗ РАННЕСЛАВЯНСКИХ ПАМЯТНИКОВ

Освоение человеком стали и открытие способов ее тепловой обработки, изготовление орудий труда и оружия из стали и железа оказали решающее влияние на развитие производительных сил общества. Развитие черной металлургии и металлообработки приобрело определяющее значение для характеристики уровня производительных сил. Исследования в этой области для таких важных исторических периодов, как канун образования древнерусского государства, представляются особенно интересными.

В нашем распоряжении находилось несколько кузнечных изделий с двух раннеславянских памятников VI—VII вв. Житомирской области: поселения Корчак 7 (VI в.) и поселения Тетеревка I (рубеж VII—VIII вв.)¹. Нужно отметить, что оба поселения бедны металлом как черным, так и цветным. Однако следы местного железоделательного производства отмечены на обоих поселениях. На поселении Корчак 7, раскопанном полностью, у самой поймы реки вскрыты две печи для обжига болотной руды, выходы которой обнаружены здесь же. На поселении Тетеревка I, раскопанном частично, в культурном слое встречаются куски шлаков, а в жилище № 15 найдена крица. Производства, связанные с добычей и обработкой железа, удовлетворяли, вероятно, нужды только самих жителей поселения. Вообще Корчак 7 и Тетеревка I — рядовые поселки, очень характерные для славянских земледельческих поселений этого времени, жители которых занимались земледелием, скотоводством, рядом производств по изготовлению орудий труда и многих других предметов сельского быта².

Большая часть находок из железа и стали раскопок 1963 г. была подвергнута металлографическому изучению с целью выяснения технологии их изготовления и определения уровня кузнечной техники. Исследованы были шесть предметов: два хозяйственных ножа и серп с поселения Корчак 7 и три хозяйственных ножа с поселения Тетеревка I, найденные в жилищах и культурном слое. Три предмета плохой сохранности: коррозированы или с сильно сточенной рабочей частью, что очень затрудняет их анализ.

Металлографическое исследование состояло из макро- и микроскопического изучения шлифа (рис. 43, 2); для характеристики металла производилось измерение микротвердости. Результаты структурного анализа следующие.

¹ Материалы раскопок древнеславянского отряда Приднепровской экспедиции.

² И. П. Русанова. Отчет о работах древлянского отряда Приднепровской экспедиции Института археологии АН СССР за 1963 г. Архив ИА АН СССР, раздел Р—1, дело № 2818, стр. 5—7; 30—43.

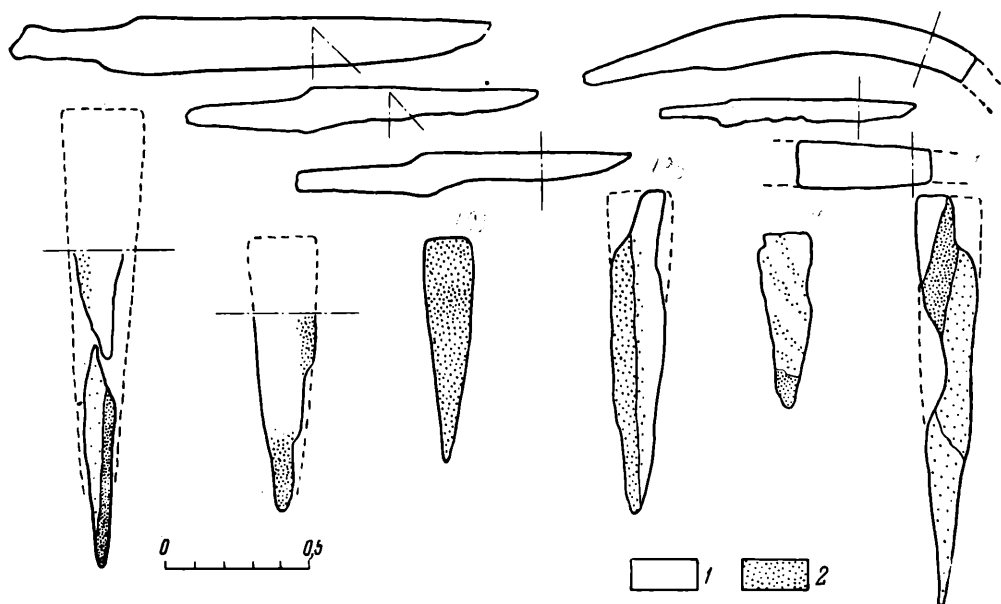

Рис. 43. Технологические схемы исследованных предметов из поселений Корчак 7 и Тетеревка I

1 — железо, 2 — сталь

Нож. Корчак 7 (анализ 188). Металл хорошей сохранности. Лезвие ножа заметно сточено. При микроскопическом исследовании на клиновидной поверхности шлифа обнаружены следующие структурные зоны: большая часть имеет ферритную структуру с небольшим количеством шлаковых включений. Микротвердость феррита 122 кг/мм^2 . На острие лезвия и сбоку шлифа у самой поверхности — зоны с феррито-перлитной структурой (микротвердость 297 кг/мм^2) и местами крупноигольчатой структурой мартенсита (микротвердость $383\text{—}514 \text{ кг/мм}^2$). Четких границ в виде сварочных швов не обнаружено. Микроструктуры, характерной для цементированного слоя, также не отмечено.

Определить технологию изготовления ножа затрудняет сильная сточенность лезвия. Скорее всего, клинок ножа откован из железа, местами неравномерно науглероженного. Может быть, нож имел стальное наваренное лезвие, но оно не сохранилось. Клинок ножа был закален.

Нож. Корчак 7 (анализ 189). На клинообразном шлифе при микроскопическом исследовании обнаружены две структурные зоны. Большая часть шлифа имеет полосчатую феррито-перлитную структуру с незначительным содержанием углерода. На острие лезвия — зона с крупноигольчатой мартенситной структурой. Микротвердость мартенсита 514 кг/мм^2 . Граница между зонами с различной структурой четкая, тонкая. Итак, основа клинка была откована из кричного железа, стальное лезвие второе наварено на железную основу. Готовый нож был термически обработан: закален в холодной воде.

Серп. Корчак 7 (анализ 190). На клинообразной фигуре шлифа при микроскопическом исследовании обнаружены две структурные зоны, расположенные вдоль клина: зона с ферритной структурой (микротвердость феррита 193 кг/мм^2) и зона сорбита (микротвердость 274 кг/мм^2) с ферритом. Граница между зонами с различной структурой очень четкая. Наблюдается незначительная диффузия углерода из стальной части в железную. Таким образом, клинок серпа был изготовлен при помощи

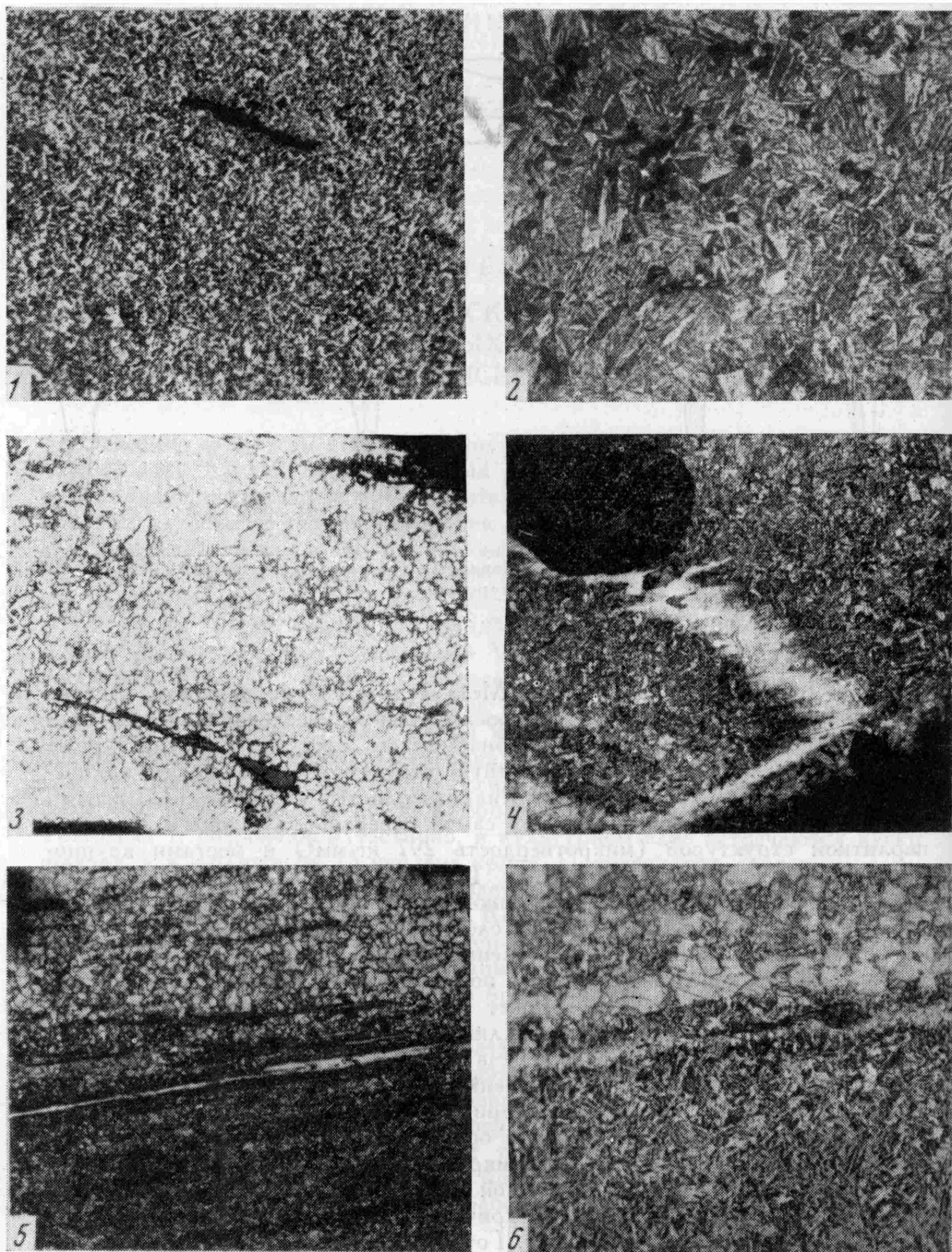

Рис. 44. Микроструктуры

1 — нож (ан. 192), ув. 200, сорбит; 2 — нож (ан. 189), ув. 200, мартенсит; 3 — нож (ан. 191), ув. 70, феррит со следами перлита; 4 — нож (ан. 189), ув. 70, сварочный шов; 5 — серп (ан. 190), ув. 200, сварочный шов; 6 — нож (ан. 187), ув. 200, сверху — железо, внизу — сталь

сварки двух полос металла: железной и стальной. Сварка произведена умело: сварочный шов тонкий и чистый. Готовый серп был термически обработан: закален и подвергнут высокому отпуску, т. е. после закалки вновь нагрет в кузнечном горне до температуры 500—600° и остыл на воздухе.

Нож. Тетеревка I участок 1, № 113 (анализ 187). Металл сохранился очень плохо. Микроскопическое изучение шлифа обнаружило две зоны с различной структурой: сбоку у самой поверхности вдоль лезвия идет полоса с крупногильчатой мартенситовой структурой (микротвердость 724 кг/мм²). Остальная часть клинообразного шлифа представляет зону феррита со следами перлита (микротвердость колеблется от 206 до 322 кг/мм²). Включения шлака в металле мелкие и в незначительном количестве. Граница между зонами с различной структурой очень четкая. Плохая сохранность клинка ножа затрудняет восстановление технологии его изготовления. По всей вероятности, основа клинка была откована из железа, сбоку клинка, примерно на половине высоты, приварена тонкая полоска стали, выходящая на лезвие. Сварочный шов тонкий, чистый, шлаковые включения в нем незначительны. Готовый нож был закален в холодной воде для придания наибольшей твердости стальному лезвию.

Обломок ножа. Тетеревка I жилище 6, № 796 (анализ 191). Как показало микроструктурное изучение шлифа, клинок ножа был откован из заготовки структурно неоднородного металла: большая часть шлифа имеет феррито-перлитную структуру с незначительным содержанием углерода около 0,1% (микротвердость 206 кг/мм²). На спинке клинообразного шлифа обнаружены зоны: феррито-перлитная с содержанием углерода около 0,6% (микротвердость 322—384 кг/мм²) и ферритная (микротвердость 254 кг/мм²). Границы между зонами с разной структурой (сварочные швы) четкие. Шлаковые включения в металле мелкие. Клинок ножа был откован из вторичного использованного металла, возможно, из отходов кузнечного производства.

Нож. Тетеревка I жилище 1, № 114 (анализ 192). Нож с сильно сточенным лезвием. Микроскопическое изучение поверхности клинообразного шлифа обнаружило однородную структуру сорбита со следами мартенситового строения (микротвердость 350—420 кг/мм²). Включения шлаков в металле незначительны. Клинок ножа целиком откован из стали и термически обработан: закален и отпущен. Небольшой отпуск, возможно, произошел случайно, во время пожара, так как нож найден в сгоревшем жилище.

Таким образом, мы отмечаем две технологические схемы, по которым кузнецы изготавливали орудия труда. Одна — очень упрощенная конструкция — изготовление хозяйственного ножа целиком из некачественной стальной заготовки с последующей термической обработкой изделия (анализ 192). Другая технология изготовления состоит в сознательном употреблении стали как более твердого материала по сравнению с железом. На двух изделиях наблюдается конструкция и технология с весьма рациональным использованием стали. Сталь шла только на рабочую часть предмета, что давало необходимую твердость лезвию при сохранении пластичности клинка. Нож из поселения Корчак 7 (анализ 189) имеет наваренное вторец на железную основу клинка стальное лезвие. Нож из Тетеревки I (анализ 187) имеет тонкую стальную наварку сбоку железного клинка, выходящую на лезвие. Клинок серпа (анализ 190) сварен из двух полос — железной и стальной; стальная часть также выходит на лезвие.

Необходимо отметить, что во всех случаях сварка железа и стали произведена достаточно умело: сварочные швы чистые и тонкие, прочно сварившие металл. Это значит, что кузнец правильно выдерживал температурный режим сварки (нужную температуру он определял по цвету

каления металла), использовал флюсы для очистки свариваемой поверхности от окалины, достаточно быстро производил сварку.

Все исследованные кузнечные изделия были термически обработаны, кроме ножа из Тетеревки I (анализ 191). Это придавало дополнительную твердость стальному лезвию клинка. Клинок серпа был закален и отпущен, что является наиболее целесообразной термической обработкой для серпов³.

Итак, металлографическое изучение орудий труда раннеславянских поселений Корчак 7 и Тетеревка I показало, что кузнецы, изготовившие эти изделия в VI—VII вв., были хорошо знакомы с преимуществами стали перед железом. Исследовав даже незначительное количество предметов, мы выяснили, что по крайней мере два способа получения стали были им известны. Несомненно, кузнецы имели сырьцовую сталь, полученную непосредственно в сыродутной печи. Эта сталь обычно неоднородного строения, с различной концентрацией углерода, с ферритными полями. Из подобной стали откован нож (анализ 192). Сталь лучшего качества, однородного строения кузнецы получали путем цементации небольших железных полос. Цементированная сталь использовалась на наварные лезвия качественных изделий, как, например, на лезвия ножей (анализы 187, 189).

Местные кузнецы владели не только кузнечной сваркой стали с железом в одном изделии. Мы отмечаем как обязательную операцию термическую обработку готовых кузнечных поковок. Возможно, термическая обработка была дифференциальной: ножи закаливали в холодной воде, а серпы закаливали и отпускали, чтобы лишить клинок серпа ненужной ему излишней хрупкости.

Таким образом, кузнецы поселений Корчак 7 и Тетеревка I владели рядом технологических операций, характерных для достаточно технически развитого кузнечного производства.

³ Б. А. Колчин. Черная металлургия и металлообработка в древней Руси. МИА. № 32, 1955, стр. 94.

Н. Б. ЧЕРНЫХ

ДЕНДРОХРОНОЛОГИЯ ПОСТРОЕК
ДРЕВНЕГО СМОЛЕНСКА

В 1964 г. в лабораторию дендрохронологии Института археологии АН СССР была передана Д. А. Авдусиным коллекция дерева из раскопок древнего Смоленска.

Коллекция состоит из 77 образцов дерева хорошей сохранности от срубов, настилов, мостовой и т. д., распределяющихся по девяти строительным ярусам. Все изученные образцы представлены хвойными породами — сосной (44 образца) и елью (33 образца). Некоторая деформация заболонной части спилов, произошедшая при высыхании древесины, в ряде случаев ставит под сомнение наличие внешнего (последнего) кольца. Кора сохранилась только в двух случаях.

При обработке коллекции дерева из Смоленска использовалась принятая лабораторией дендрохронологии Института археологии методика¹, основу которой составляет графическое сопоставление полулогарифмических кривых, составленных для каждого отдельного образца дерева по данным замеров толщин его годовичных колец.

Все изученные образцы относятся к сооружениям очень широкого хронологического диапазона. Верхние ярусы (1 и 2) на основании археологических данных датируются XV в., нижние — XII в. Естественно, что при такой немногочисленной коллекции, как смоленская, задача датировки сильно усложнялась. Основная трудность, однако, заключалась в сравнительно молодом возрасте деревьев: до 20 лет — 1 образец; 20—40 лет — 15 образцов; 40—60 лет — 27 образцов; 60—80 лет — 20 образцов; 80—100 лет — 13 образцов; свыше 100 лет — 1 образец. При распределении всех образцов по ярусам с учетом среднего возраста для деревьев каждого отдельного яруса картина получалась следующая: 1-й ярус — 18 образцов, средний возраст — 64 года; 2-й ярус — 10 образцов, средний возраст — 75 лет; 3-й ярус — образцов нет; 4-й ярус — 12 образцов — средний возраст — 46 лет; 5-й ярус — 2 образца, средний возраст — 57 лет; 6-й ярус — 12 образцов, средний возраст — 56 лет; 7-й ярус — 8 образцов, средний возраст — 44 года; 8-й ярус — образцов нет; 9-й ярус — 5 образцов, средний возраст — 65 лет.

Итак, из приведенного выше распределения образцов дерева по ярусам и по возрасту становится понятным, что составленные для отдельных ярусов кривые роста годовичных колец могут при сопоставлении взаимно перекрываться только в отрезках 10—30 лет, т. е. в наиболее малоприспособных для дендрохронологического анализа пределах кривых. Уже одно это исключает возможность создания надежной относительной

¹ В. Е. Вихров и Б. А. Колчин. Основа и метод дендрохронологии. СА, 1962, № 1; Б. А. Колчин. Дендрохронология Новгорода. МИА, № 117, 1963.

дендрохронологической шкалы только на материале из Смоленска. Таким образом, нам придется отказаться от того обычного пути, по которому мы вели работу над построением абсолютных дендрохронологических шкал для Новгорода и Белоозера, где создание непрерывной относительной дендрохронологической шкалы составляло первый и необходимый этап. Теперь нам важна основа, на которой можно расположить последовательно отдельные, созданные для каждого яруса смоленских построек относительные шкалы. Такой связующей основой является новгородская абсолютная дендрохронологическая шкала.

Для датировки образцов смоленского дерева нами была создана условная схема. Две точки ограничивают тот хронологический период, к которому относятся все кривые смоленского дерева. Верхняя точка определяется годами рубки самого позднего образца, относящегося к 1-му ярусу, нижняя — началом жизни самого старого дерева из построек 9-го яруса. Слои 1-го яруса, по археологическим данным, датируются XV в. Слои 9-го яруса — XII в. Попытаемся в пределах XV и XII вв. определить место относительных дендрохронологических шкал, составленных для 1—2-го и 9-го ярусов смоленских построек, на новгородской шкале. Работе с кривыми роста годовичных колец для 1-го и 2-го ярусов благоприятствовало то, что этот участок был насыщен достаточным количеством полноценных образцов дерева (из 14 образцов смоленского дерева, имеющих возраст 80—100 лет и выше, 10 относятся к этим двум ярусам). Этим компенсировалась некоторая неразработанность новгородской шкалы для этого периода. На приведенной таблице (рис. 45) дается сопоставление кривых роста смоленского и новгородского дерева XIV—XV вв. В результате проведенной работы были получены следующие даты для построек 1-го и 2-го ярусов.

Ярус 1-й. Настил 2 (5 обр.) — год постройки 1448; настил 3 (3 обр.) — год постройки 1448; настил 1 (8 обр.) — год постройки 1443; сруб № 1 (2 обр.) — год постройки 1443². Ярус 2-й. Настил (10 обр.) — год постройки 1412 (рис. 46).

Что касается установления нижней даты, то все пять образцов, относящиеся к 9-му ярусу, дали хорошую относительную шкалу, минимумы которой были надежно связаны с угнетениями новгородской шкалы на отрезке 1180—1100 гг. (генеральные угнетения новгородской шкалы для 1162—1163, 1132—1133, 1111—1112 гг. были четко выражены на кривых смоленского дерева). Даты получены следующие: сруб № 9 (2 обр.) — дата постройки 1180 гг., настил к югу от сруба № 9 (1 обр.) — дата постройки условно 1181 г. (дата определяется нами условно в тех случаях, когда сооружение представлено только одним образцом), настил к востоку от сруба № 9 (два обр.), год постройки — 1177.

Установив верхнюю и нижнюю даты смоленских построек, давших образцы для дендрохронологического изучения, мы получили хронологический отрезок, в пределах которого должны уложиться кривые, составленные для образцов дерева построек с 1-го по 9-й ярус. На практике этот отрезок сузился, верхняя его точка определилась 1412 г. (начало жизни настила 2-го яруса), нижняя ограничилась 1180 г. (время постройки сооружений 9-го яруса). Таким образом, время жизни смоленских построек, относящихся к семи строительным ярусам (3—9), определяется хронологическим периодом приблизительно в 230 лет. Если условно предположить, что время жизни одного яруса было примерно одно и то же, то оно должно равняться $230:7$, т. е. приблизительно 30 лет. Тогда мы можем предположительно рассчитать, что начало жизни 3-го яруса будет

² На приведенных гистограммах (рис. 46), построенных для всех изученных сооружений Смоленска, черным прямоугольником обозначен год рубки каждого изученного образца дерева, стрелка определяет год постройки каждого сооружения.

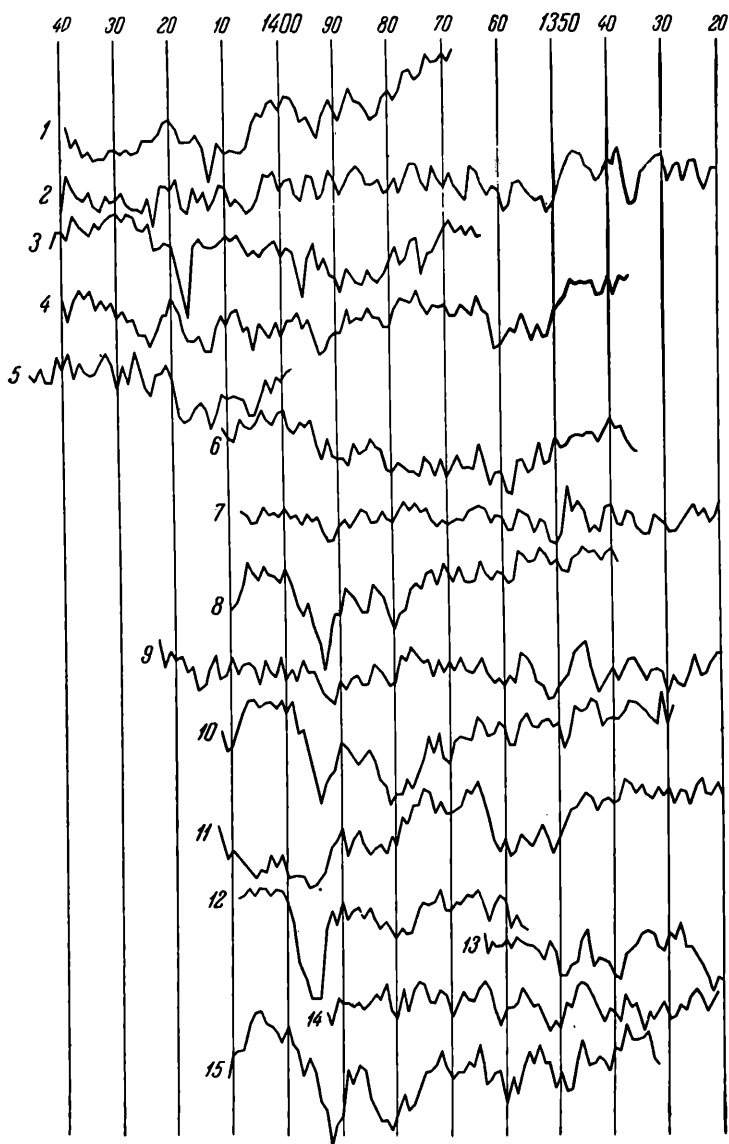

Рис. 45. Кривые роста годичных колец деревьев из Смоленска и Новгорода (XIV—XV вв.).

1. СМ-64, С16; 2. Н-59, В1; 3. СМ-64, С15; 4. Н-59, В8, 5. СМ-64, С11а; 6. СМ-64, С25; 7. Н-59, В16; 8. СМ-64, С 24; 9. Н-59, В12; 10. СМ-64, С19; 11. Н-60, К128; 12. СМ-64, С20. 13. СМ-64, С28; 14. Н-60, К164; 15. СМ-64, С21

относиться к 70-м годам XIV в., 4-го яруса — к 40-м годам XIV в., 5-го — к 10-м годам XIV в., 6-го — к 80-м годам XIII в., 7-го — к 50-м годам XIII в., 8-го — 10—20-м годам XIII в. Имея эти условные точки на новгородской абсолютной дендрохронологической шкале, мы можем последовательно проводить сопоставление кривых, составленных для каждого яруса смоленских построек с кривыми соответствующего отрезка новгородской шкалы, двигая их вверх и вниз от условных точек и постоянно имея в виду при этом взаимное соотношение кривых каждого предыдущего и последующего ярусов. Связующими точками для сопоставляемых

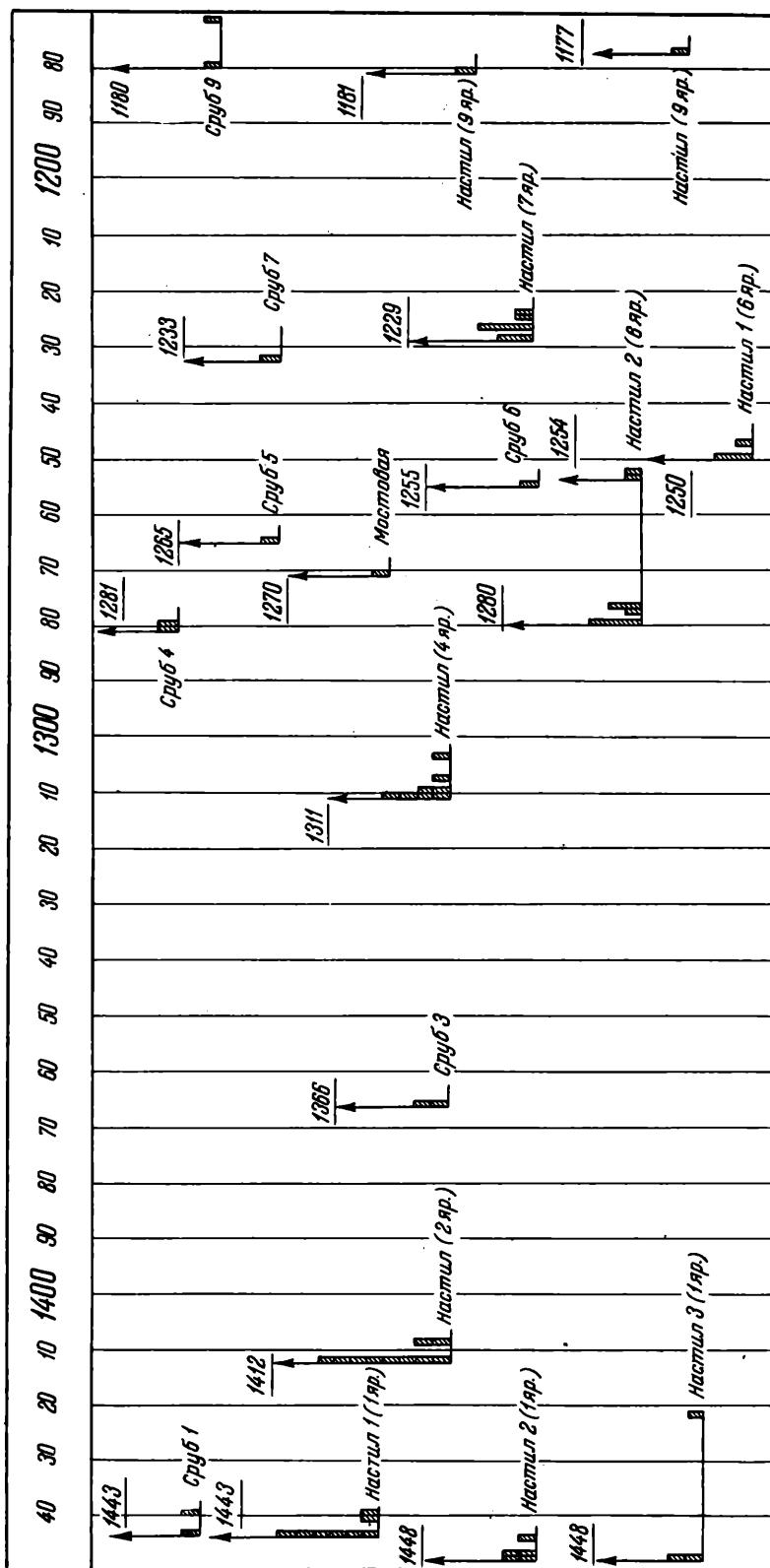

Рис. 46. Таблица абсолютных дат постройки научных сооружений Смоленска

кривых абсолютной и относительной шкал будут наиболее сильные угнетения.

Рассмотрим теперь последовательно материалы по четырем оставшимся ярусам (4, 5, 6, 7).

4-й ярус. Для этого времени мы имеем 12 образцов (два перевода пола в срубе № 3, два венца и один столб из сруба № 4, восемь бревен с настила). Условный отрезок, к которому может относиться начало жизни построек этого яруса, — 40-е годы XIV в. Из всех сооружений яруса только кривые, составленные для образцов сруба № 3, дали хорошее совпадение по всем точкам с кривыми новгородской шкалы в отрезке 1366—1318 гг., а также с кривыми 2-го яруса. Даты рубки обоих образцов — 1366 г., однако в данном случае мы будем условно определять время его постройки, так как оба спила принадлежат переводам пола, тем деталям, которые могли меняться уже через несколько лет после постройки сруба. Кривые, составленные для двух других построек 4-го яруса, оказались более ранними. Так, кривые, составленные для образцов настила, отразили достаточно четко все угнетения новгородского дерева в период с 1311 по 1230 г. (особенно важны для нас здесь были угнетения 1282—1284, 1264—1266, 1237—1238 гг.). Дата постройки настила — 1311 г. Что касается сруба № 4, стратиграфически отнесенного к 4—5-му ярусам, то дата его постройки — 1281 г. Таким образом, на основе новгородской абсолютной шкалы периода середины XIII—середины XIV в. нам удалось связать между собой и продатировать кривые, составленные для сооружений 4-го яруса. Надо отметить, что при создании относительной шкалы для этого яруса были использованы кривые образцов, принадлежащих только настилу и срубу № 4. Кривые образцов сруба № 3 оказались сопоставимы только с кривыми настила 2-го яруса.

Следующей ступенью был 6-й ярус, так как для 5-го яруса, представленного всего лишь двумя образцами, принадлежащими двум строительным комплексам, мы не могли составить сколько-нибудь надежной относительной шкалы. Попытка продатировать эти образцы могла быть принята только после того, как будет твердо зафиксировано место сооружений 6-го яруса на новгородской шкале.

Для этого яруса мы имеем 12 образцов от трех построек, дающих хорошо сопоставляющиеся между собой кривые на отрезке в 90 лет. Ориентировочно мы расскитали, что время постройки сооружений 6-го яруса должно относиться к 70-м годам XIII в. На практике мы получили довольно пеструю картину: 6 из 12 изученных образцов дерева (все они принадлежат настилу 2) действительно были близки этой условной дате, другие шесть образцов (два из настила 2, один — от венца сруба № 6, три — из настила 1) давали значительно более ранние даты. Однако все 12 образцов дали кривые, хорошо согласующиеся с отрезком новгородской шкалы середины и первой половины XIII в., так, мы имеем четко выраженные угнетения новгородской шкалы для 1219—1220, 1237—1238, 1259, 1264—1266 гг. Каковы же даты постройки сооружений 6-го яруса? Сруб № 6 нами условно датирован по единственному образцу 1255 г., настил 1 был построен в 1250 г.

Однако для настила 2 мы имеем две группы бревен, одна из которых имеет даты рубки в пределах 1277—1280 гг. (6 обр.), а вторая (2 обр.) — 1253—1254 гг. Поскольку для второй, старшей группы мы исключаем отсутствие значительного количества колец заболоченной части, то можно предположить, что настил был построен в 50-х годах XIII в., что вполне согласуется с датами постройки других сооружений этого яруса, а в 1280 г. он подвергся ремонту.

Вернемся к 5-му ярусу. Нам нет необходимости прибегать к условному отрезку, так как установлены даты для предыдущего и последующего ярусов. Кривые, построенные для двух образцов построек 5-го яруса,

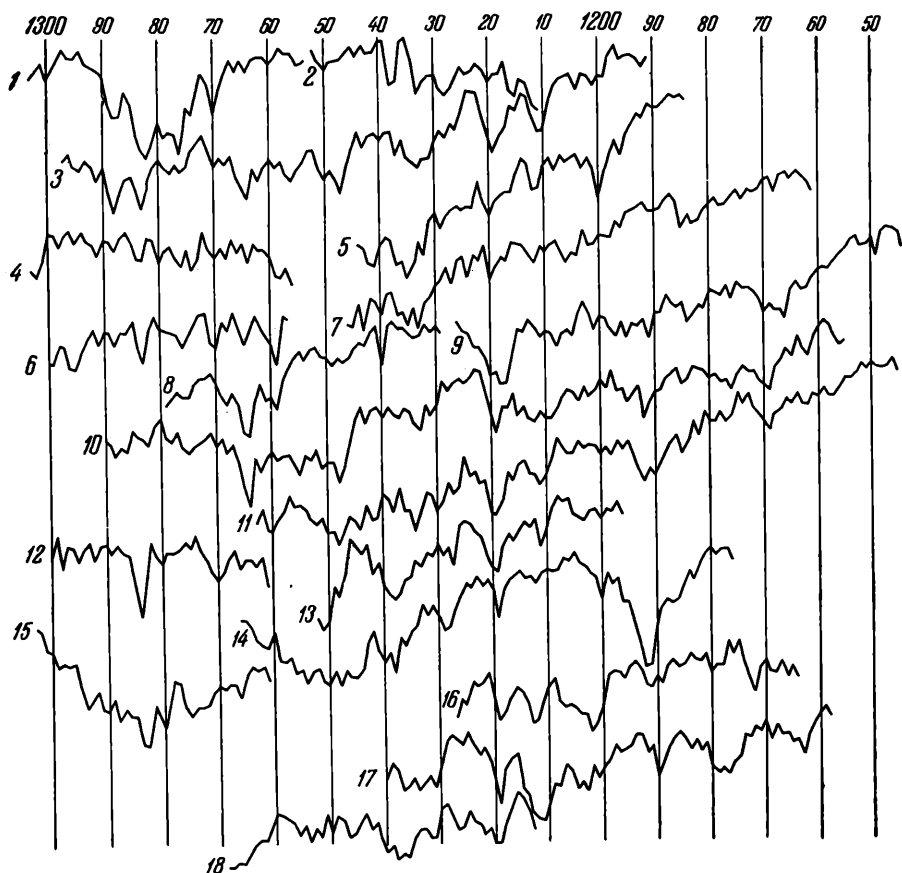

Рис. 47. Кривые роста годичных колец деревьев из раскопок Смоленска, Новгорода и Полоцка (2-я половина XII—XIII вв.)

1 СМ-64, С33; 2. СМ-64, С50; 3. Н-60, К665; 4. СМ-64, С37; 5. СМ-64, С42; 6. Н-59, К219; 7. Полоцк, постройка 12; 8. СМ-64, С39; 9. СМ-64, С57; 10. Н-60, К287; 11. Полоцк, постройка 1; 12. Н-61, сруб 6; 13. СМ-64, С51; 14. Полоцк, постройка 12; 15. СМ-64, С30; 16. СМ-64, С54; 17. Новгород, без паспорта; 18. СМ-64, С40

получили следующие даты: образец дерева венца сруба № 5 был срублен в 1265 г., а бревно с мостовой — в 1270 г.

И, наконец, 7-й ярус. Условно его постройки нами отнесены к 40-м годам XIII в. Однако относительная шкала, составленная на всех восьми образцах дерева из построек этого яруса и имеющая протяженность в 85 лет, хорошо связывается по всем минимумам и максимумам с отрезком новгородской шкалы второй половины XII—начала XIII в., а также дает прекрасную сопоставимость с кривыми дерева, полученного из раскопок древнего Полоцка и ранее датированного этим же временем (рис. 47). Для кривых смоленского дерева мы отмечаем угнетения 1219—1220, 1208—1210, 1191—1192, 1162—1163 гг. Даты рубки деревьев, использованных в постройках 7-го яруса, относятся к 20-м годам XIII в.; сруб № 7 (1 обр.) условно датирован 1238 г., настил (7 обр.) датируется 1229 г.

Итак, нами была получена абсолютная дендрохронологическая шкала для древнего Смоленска, имеющая протяженность в 452 года (крайние ее точки 1148 г. и 1096 г.). При помощи связующей — новгородской абсолютной шкалы — мы смогли убедиться, во-первых, в правильности построения наших относительных поярусных шкал, и, во-вторых, надежно

связать между собой эти отдельные поярусные шкалы, несмотря на то, что взаимно перекрывающиеся отрезки их невелики (как, например, шкалы 7-го и 9-го ярусов), или они не перекрываются вовсе (как, например, шкалы для 2-го и 4-го ярусов). Используемая нами в самом начале условная схема датировки ярусов сыграла свою вспомогательную роль.

Работа над датировкой смоленского дерева убедительно доказала возможность применения дендрохронологического метода для небольших коллекций археологического дерева, даже относящегося к сравнительно широкому хронологическому периоду. Все вышесказанное позволяет говорить о широких возможностях дендрохронологического метода в археологии.

III. ХРОНИКА

РАБОТА СЕКТОРА СЛАВЯНО-РУССКОЙ АРХЕОЛОГИИ
в 1964 и 1965 гг.

Сектор работал над тремя большими проблемами: 1. Происхождение славян; 2. Генезис и история феодализма; 3. Города древней Руси. Сотрудниками закончены следующие монографии: С. А. Плетневой — «От кочевий к городам (салтово-маяцкая культура VIII—IX вв.)», В. В. Седовым — «Славянские племена Верхнего Поднепровья и Подвинья», И. П. Русановой — «Курганы полян X—XII вв.», В. П. Даркевичем — «Произведения западноевропейского художественного ремесла X—XIV вв. на Руси». Из печати вышли книги Г. К. Вагнера «Скульптура Владимиро-Суздальской Руси, Юрьев-Польской» и Б. А. Рыбакова «Русские датированные надписи X—XIV вв.». Большим событием в жизни сектора явилось присуждение Н. Н. Воронину в 1965 г. Ленинской премии.

Полевые работы велись во многих областях РСФСР, УССР и БССР. Работали Приднепровская экспедиция (Б. А. Рыбаков) и ее отряды: Древлянский (И. П. Русанова), Радимичский (Г. Ф. Соловьева), Новгородская экспедиция (А. В. Арциховский), Смоленская (Н. Н. Воронин), Прутско-Днестровская (Г. Б. Федоров), Верхнеокская (Т. Н. Никольская) и отдельные отряды: Полоцко-Прибалтийский (Л. В. Алексеев), Белоозерский (Л. А. Голубева), Устюженский (А. В. Никитин), Северо-Донецкий (С. А. Плетнева). Получены новые важные данные по истории Руси и ее соседей, по истории древнерусской культуры¹.

Тематика заседаний сектора охватывала широкий круг вопросов в соответствии с основными проблемами плана. Большое внимание в этой работе уделялось восточнославянскому этногенезу. В докладе В. В. Седова «Славяне, венеды и анты» (1965 г.) славянские древности VI—VII вв. подразделяются на три локальные группы: 1. Ареал керамики пражского типа и полуземляночных жилищ, занимающий территорию Чехословакии, часть ГДР, южную Польшу, Румынию, Молдавию и лесостепную Украину вплоть до Среднего Днепра; 2. Синхронные славянские древности северной Польши и смежных районов ГДР характеризуются биконическими и цилиндрическими формами керамики и наземными жилищами. Местоположение этих групп позволяет связывать их со славянами (склавинами) и венедами Иордана. Привлечение материалов топонимики дает основание видеть в славянах Иордана носителей юго-восточного диалекта, а венедов связывать с северо-западным («пралехитским») диалектом общеславянского языка; 3. В междуречье нижнего Днепра и Днестра, там, где Иордан локализует антов, отчетливо выде-

¹ Важнейшие итоги полевых работ освещены в настоящем выпуске и в сборнике «Археологические открытия 1965 г.», М., 1966.

ляется третья группа раннеславянских древностей (типа Пеньковки). Было признано убедительным предположение докладчика о связи кривичей и словен с венедами (Б. А. Рыбаков). Возражения вызвал тезис В. В. Седова о том, что культурой антов следует считать памятники пеньковского типа. По мнению Б. А. Рыбакова, при решении вопроса необходимо учитывать неполноту сведений древних авторов о северных областях. Для того чтобы надежно сопоставить археологические ареалы с географическими сведениями Иордана и Прокопия, нужно выделить памятники середины VI в., синхронные этим сведениям; пока же в распоряжении археологов имеются или более поздние памятники, или суммарно датированные VI—VII вв.; из решения вопроса об антах нельзя исключать проблему черняховской культуры: она скорее всего и связана с антами. Э. А. Сымонович также не согласился с отождествлением антов и носителей культуры типа Пеньковки; слова Иордана о расселении антов на излучине Понта следует понимать в буквальном смысле не как удаленную от моря зону лесостепи между Днестром и Днепром, а как прилегающую к морю область, где памятников с посудой пеньковского типа нет, но зато много черняховских. Отвечая выступавшим, В. В. Седов сказал, что целью его доклада было выделение трех археологических ареалов внутри славянской культуры и сопоставление двух из них с лингвистическими ареалами той же территории. По его мнению, именно эти положения не встретили существенных возражений.

Во втором докладе (1965 г.) В. В. Седов сопоставил группу гидронимов западнобалтского облика и область географических названий, производных от этнонима «голядь», с расселением на Верхней Десне и Верхней Оке носителей зарубинецкой культуры. Докладчик пришел к выводу, что зарубинецкая культура (генетически связываемая им с поморской) принадлежала западным балтам (галиндам) и в изучаемом районе наслонилась на восточнобалтский субстрат. Отмечая широту и новизну постановки вопроса, выступавшие говорили, что ряд звеньев пока остается неясным и их надо аргументировать более детально (Б. А. Рыбаков, А. В. Никитин). Высказывалось сомнение в том, что зарубинецкая культура Среднего Поднепровья не существовала во II в. и что балты могли одновременно иметь разные не имевшие между собой ничего общего культуры (Э. А. Сымонович). Однако элементы зарубинецкой культуры могли появиться на Верхней Десне как результат культурных связей (Э. А. Сымонович).

Г. Ф. Соловьева, рассмотрев погребальные памятники второй половины I тысячелетия на территории летописных радимичей и вятичей (1965 г.), пришла к выводу о том, что территории этих племен, как они рисуются по летописным данным и археологическим памятникам XI—XII вв., совпадают с ареалами памятников VI—VII вв. Уже в VI—VII вв. там прослеживаются черты погребального обряда, позднее свойственные памятникам XI—XII вв. При обсуждении доклада говорилось о том, что вятичи и радимичи дольше других племен сохранили древний общеславянский погребальный обряд (Б. А. Рыбаков), что деснинские памятники типа Макорзно более связаны с памятниками Смоленщины и прослеживаются (по поселениям) с IV в. (Л. В. Артишевская).

И. А. Рафалович (Кишинев) рассказал о раскопках поселения Хуча и Ханска II в Молдавии,² давшего кроме лепной посуды «пражского», «пеньковского» и «нижнедунайского» типов немного сделанной на круге керамики «пастырского» типа. Ю. А. Липкинг (Курск) сообщил об открытии поселений и могильников с трупосожжением, содержавших лепную керамику «типа Колочина и Акатова», в юго-западной части

² И. А. Рафалович. Раннеславянское селище Хуча VI—VII вв. КСИА, вып. 105, 1966, стр. 123—128.

Курской области, в том числе близ г. Суджи (1965 г.). В прениях по докладу высказано предположение, что культура этого типа не связана с балтами, раз она выходит на юге за пределы балтской гидронимии (Э. А. Сымонович). Доклад А. К. Амброза посвящался двупластинчатым фибулам V—VII вв.

Другая группа докладов была посвящена древнерусским погребальным памятникам IX—XII вв. Рассмотрев проблему соотношения археологических памятников и летописных известий о восточнославянских племенах, И. И. Ляпушкин пришел к выводу, что в VIII—IX вв. культура славян Восточной Европы представляла более или менее единое целое; летописные данные остаются пока единственным источником, определяющим местоположение отдельных племен в VIII—IX вв., поскольку археологические материалы не дают еще никаких оснований для этого. Отвечая на вопросы, докладчик подчеркнул, что восточные славяне обособились от общеславянского мира лишь на рубеже VIII и IX вв. В прениях по докладу говорилось, что П. Н. Третьяков был прав, говоря не о племенах, а о союзах племен (Б. А. Рыбаков), что этнографические различия восточнославянских племен XI—XII вв. были продолжением различий, сложившихся в более раннее время (А. Л. Монгайт), что группы памятников XI—XII вв. отражают не союзы племен, а, вероятно, образования нового типа, как бы «полугосударства» (В. В. Кропоткин).

Высокую оценку слушателей получил доклад И. П. Русановой³ о курганах полян. Отмечалась большая убедительность аргументации автора, большой интерес показанного докладчиком совпадения области расселения полян с летописной «Русской землей» (Б. А. Рыбаков, А. Ф. Медведев); убедительно доказана принадлежность полянам Чернигова, о чем ранее можно было лишь предполагать (Б. А. Рыбаков). С. С. Ширинский рассказал о работе над «Сводом» курганов X в. в междуречье Днепра и Десны. В докладе Л. А. Голубевой Пестовские курганы XI—XII вв. охарактеризованы как славянские почти без примеси финских элементов. Г. Ф. Соловьева рассказала о раскопках радимичских курганов в Гомельской области, в результате которых выяснилась граница радимичей с дреговичами.

В ряде докладов были рассмотрены проблемы возникновения и развития городов, история феодальной эпохи древней Руси и у ее соседей. Ю. В. Кухаренко сделал сообщение о книге В. Гензеля «Начало славянских городов». Т. Н. Никольская сделала сводку данных о небольших, преимущественно полукруглых и круглых городищах XI—XIV вв., которые она интерпретировала как феодальные замки. А. П. Смирнов рассказал о раскопках мечети рубежа XIII—XIV вв. («Четырехугольник») в Великих Болгарах⁴. Л. Л. Полевой посвятил доклад проблеме формирования городов в Молдавии⁵, А. В. Никитин рассказал об итогах работы над выпуском Свода «Кузнечное ремесло XVI—XVII вв.», а Б. А. Колчин — о выпуске «Свода Новгородских древностей», посвященном деревянным изделиям. О работе по изучению древнерусского жилища сообщил Л. П. Гуссаковский. Стекланные браслеты Новгорода, Киевской и Полоцкой земель рассмотрены в докладах Ю. Л. Шаповой⁶. Дискуссию вызвал вопрос о времени прекращения производства стекланных браслетов: по мнению Б. А. Рыбакова, сохранение этого производства в Новго-

³ И. П. Русанова. Курганы полян. САИ. М., 1966.

⁴ А. С. Воскресенский, А. П. Смирнов. Археологическое исследование соборной мечети («Четырехугольника») в Великих Болгарах. СА, 1966, № 1, стр. 244—257.

⁵ Л. Л. Полевой. Археологические материалы к истории Молдавии XIV в. СА, 1965, № 3, стр. 66—80.

⁶ Ю. Л. Шапова. Стекланные браслеты Полоцкой земли. КСИА, вып. 104, 1965, стр. 47—49.

роде в начале XIV в. еще нельзя считать доказанным. Р. Л. Розенфельд прочитал доклады о русских изделиях из янтаря X—XV вв. и о височных кольцах радимичей и вятичей. Г. Д. Смирнов (Кишинев) сообщил о кладе сельскохозяйственных орудий XIV в. из Молдавии.

С. А. Плетнева охарактеризовала поселения и жилища салтовской культуры VIII—IX вв. Ею выделено несколько групп поселений: кочевые (в степях), неукрепленные оседлые (в основном в лесостепи и на особо плодородных землях на Нижнем Дону), укрепленные поселения, замки и города. С. А. Плетневой прослежены оседание кочевников на землю и феодализация, проходившие у салтовцев Подонья как два параллельных взаимосвязанных процесса.

А. В. Гадло рассказал об изучении раннесредневековых селищ на Керченском полуострове. В прениях говорилось о том, что настало время расчленить салтовскую культуру от Волги до Дуная на варианты, на сложение которых повлияли и субстрат и связи с соседними областями (С. А. Плетнева). Возможно на Керченском полуострове жили упомянутые в «Худуд ал алам» полукочевые мерваты (Б. А. Рыбаков). Переход к каменному домостроительству у салтовцев мог быть связан не с влиянием Византии, а с природными условиями (Г. Б. Федоров).

Л. А. Голубева рассмотрела огнива с бронзовыми рукоятями⁷ и коньковые привески Прикамыя (1965 г.).

Изучению древнерусской культуры были посвящены шесть докладов.

При обсуждении доклада Б. А. Рыбакова о языческих элементах в древнерусском прикладном искусстве⁸ говорилось о том, что докладчик с полным основанием приписывает смысловое значение многим орнаментам колтов и браслетов (Г. С. Маслова, Г. К. Вагнер). Многие изображения животных и растений в прикладном искусстве X—XII вв. имели охранительное значение (Г. К. Вагнер), но со временем их смысловое значение утрачивалось, сводясь к декоративному применению (Н. Н. Воронин). Большое значение будет иметь выяснение истории древнерусского язычества как системы в развитии; применительно к XII—XIII вв. речь может идти только о пережитках былой языческой семантики (Г. К. Вагнер). В пользу тезиса докладчика о том, что широкими браслетами придерживали длинные рукава женской одежды, свидетельствуют отпечатки тканей на обороте таких браслетов (М. Г. Рабинович).

Два другие доклада Б. А. Рыбакова были посвящены миниатюрам Радзивилловской летописи (1965 г.). Докладчик доказывает, что ни переписчики 1487 г., ни составители свода 1212 г. не являлись создателями всех иллюстративных композиций. На протяжении 1019—1206 гг. можно насчитать свыше десятка разных (иной раз противоречивых) тенденций в отборе сюжетов для иллюстрирования. Многие из них соответствуют разным летописным сводам (1073, 1113, 1118, 1200 г. и др.). Очевидно, на Руси было много лицевых летописей XI—XII вв.

В выступлениях отмечалось, что докладчик вводит новый метод исследования миниатюр: с помощью выявления политических тенденций в творчестве создателей протооригиналов (А. Л. Монгайт). В докладе показана яркая политическая направленность творчества древнерусских миниатюристов (Г. К. Вагнер). В миниатюрах Радзивилловской летописи есть элементы, которые после доклада Б. А. Рыбакова можно связать с эпохой Андрея Боголюбского (Н. Н. Воронин). Изучение миниатюр в ряде случаев позволяет по-новому увидеть и текст (Н. Н. Воронин). В миниатюрах Радзивилловской летописи могло иногда отразиться и отношение к изображаемым событиям художников XV в. (А. Л. Монгайт).

⁷ Л. А. Голубева. Огнива с бронзовыми рукоятями. СА, 1964, № 3.

⁸ Б. А. Рыбаков. Языческая символика русских украшений XII в. Тезисы докладов советской делегации на I Международном конгрессе славянской археологии в Варшаве. М., 1965, стр. 64—72.

Этого не наблюдается: изучение миниатюр показывает, что в XV в. их содержание не было переработано, изменения коснулись лишь костюмов и некоторых реалий (Б. А. Рыбаков).

Историю изучения владимиро-суздальской скульптуры детально проанализировал Г. К. Вагнер в двух докладах 1964 и 1965 гг.

П. А. Раппопорт рассказал о своей новой реконструкции Борисова городка конца XVI в., основанной на находке чертежей городка 1770-х годов. Докладчик отнес к произведениям того же мастера церковь в Вяземах и предположительно еще два храма, сделав вывод, что все творчество неизвестного нам по имени зодчего было связано со строительством Бориса Годунова. При обсуждении отмечалось, что в историю русского зодчества введен новый, пока еще безымянный мастер, равный по своему творческому размаху Ф. Коню (Н. Н. Воронин). В докладе также отмечено, что шатровое зодчество не затухает в XVI в. (Н. Н. Воронин). Дискуссию вызвал вопрос о личности зодчего и о возведенных им зданиях.

Докладчик не согласился с предположением В. В. Косточкина, что это был Т. Шарутин.

А. Л. Монгайт сделал доклад об истории изучения за рубежом археологических памятников древних германцев. При обсуждении особенно подчеркивалась важность анализа зарубежной археологической литературы, вышедшей за последнее десятилетие (Б. А. Рыбаков).

Сотрудники сектора приняли активное участие в работе отчетных сессий ИА. Н. Н. Воронин, Б. А. Рыбаков и Б. А. Колчин участвовали в 1965 г. в работе I Международного конгресса славянской археологии в Варшаве. Б. А. Рыбаков прочитал на Конгрессе два доклада: «Любеч и Витичев — ворота «Внутренней Руси» и «Языческая символика русских украшений XII в.»

А. К. Амброз

РАБОТА СЕКТОРА СЛАВЯНО-РУССКОЙ АРХЕОЛОГИИ ЛОИА
в 1964—1965 гг.

В центре внимания сотрудников группы славяно-русской археологии в 1964—1965 гг. находилось изучение двух больших проблем: древнейшая история славян и история культуры древнерусского города.

Изучением первой проблемы занимались П. Н. Третьяков, И. И. Ляпушкин, М. А. Тиханова, Д. А. Мачинский. В 1964 г. П. Н. Третьяков завершил работу над большой темой «Финно-угры, балты и славяне в области верхнего течения Днепра и Волги». В 1965 г. он начал работать над темой «Образование древнерусской народности». И. И. Ляпушкин в 1965 г. закончил тему «Восточные славяне накануне образования древнерусского государства VIII—IX вв.» Основные разделы работы посвящены анализу археологических памятников и летописных известий о славянах. Автор уделяет большое внимание характеристике сельского хозяйства, ремесла, торговли и общественно-политического строя восточных славян VIII—IX вв. Основные разделы работы были доложены на заседаниях группы. Предметом дискуссии явился доклад «Археологические памятники славян лесной зоны Восточной Европы накануне образования древнерусского государства», в котором докладчик указал на то, что исследователям пока неизвестно на этой территории славянских поселений VIII—IX вв. и высказал сомнение в славянской принадлежности двух групп памятников — длинных курганов (так называемые «памятники кривичей») и курганов-сопок («памятники словен»). И. И. Ляпушкин признает лишь третью группу могильных памятников — круглые курганы с трупосожжением (идентичную круглым курганам лесостепной зоны) — древнейшими могильными памятниками славян лесной зоны Восточной Европы. М. А. Тиханова работала над темой, посвященной характеристике поселения черняховской культуры у с. Лепесовка. Д. А. Мачинский сделал три доклада, посвященных интерпретации памятников зарубинецкой культуры: «Что такое Корчеватовский могильник?», «К вопросу о датировке, происхождении и этнической принадлежности памятников типа Поянешты-Лукашовка», «Место зарубинецких памятников среди синхронных культур «Центральной и Восточной Европы».

Остальные сотрудники группы работали над изучением второй проблемы. М. К. Каргер продолжил работу над темой «Древнерусский город Изяславль». Написана глава «Жилищные и хозяйственные комплексы» и один из разделов главы «Ремесло». Сделаны два доклада о вновь открытых памятниках древнерусского зодчества XII в. в Турове и Новогрудке. П. А. Раппопорт в 1964 г. закончил монографическую работу «Военное зодчество западнорусских земель X—XIV вв.», которая явилась третьим, завершающим томом исследования военного зодчества древней Руси. Трехтомная работа «Военное зодчество древней Руси X—XV вв.» была защищена в качестве докторской диссертации в феврале 1965 г.

Ф. Д. Гуревич работала над исследованием «Древний Новогрудок». Написаны разделы, посвященные основным занятиям населения, жилищам и хозяйственным постройкам, а также глава «Домонгольский Новогрудок по археологическим данным». Написанные разделы заслушаны на заседаниях группы. А. Н. Кирпичников продолжал работу по теме «Русское оружие X—XIII вв.», сделал три доклада. Один из них — «Надписи и знаки на клинках восточноевропейских мечей IX—XIII вв.» — привлек особенно большой интерес. На 75 из 100 расчищенных мечей открылись неизвестные ранее знаки и надписи. Обнаруженные клейма являются новым важным историческим источником по изучению центров производства клинков. Открытие на одном из мечей русской надписи свидетельствует о местном производстве клинков на Руси в эпоху Владимира и Ярослава. В 1965 г. А. Н. Кирпичников закончил также тему «Оружие древнего Изяслава». Над темой «Старая Ладога» (по материалам Старо-ладожской экспедиции, закончившей свою работу в 1959 г.) в 1964—1965 гг., работала Г. Ф. Корзухина. Написан раздел «Древнейший горизонт Старой Ладоги (Е-3)». Ю. П. Спегальский продолжал исследование древнерусских жилищ Северо-запада, сделал четыре доклада, посвященных массовому и богатому посадскому жилищу Северо-Западной Руси IX—XIII вв. Над темой «Керамика древнего Новогрудка» продолжала работать М. В. Малевская. Ею также сделан доклад «Керамический комплекс XI в. Владимира-Волынского». Аспирант М. Б. Щукин сделал доклад «Спорные вопросы датировки черняховской культуры в свете амфорного материала».

В 1964—1965 гг. было проведено 53 заседания группы и заслушано 51 доклад и сообщение. В работе группы принимали участие как сотрудники Ленинградского отделения Института, так и сотрудники других научно-исследовательских учреждений Ленинграда и других городов. Заслушаны доклады: О. Г. Большаков «Сообщение арабского путешественника XII в. Ал-Гарнати о меховых деньгах на Руси», А. С. Команцева «Позднекочевническое погребение в Ново-Никольском могильнике», И. В. Богданова-Березовская «О применении в археологии технических методов», К. К. Шилик «О работе с геофизическими приборами в Галицко-Волынской экспедиции 1963 г.», А. В. Гадло (ЛГУ) «Терракота Новочеркасского музея», В. М. Потин (ГЭ) «Сообщение о поездке в Швецию», И. Д. Зильманович (ГЭ). «Гончарные печи Луки-Врублевской», А. И. Москаленко (Воронеж). «Славянское поселение боршевского типа у хутора Титчиха», В. А. Войцеховский (Кишинев). «Крепость в Сороках». На заседаниях группы заслушаны доклады зарубежных ученых: Е. Кмединьский (Польша). «К проблеме миграции германских племен на территории Польши», Я. Штэтилло (Польша). «К вопросу о неметаллических деньгах средневековой Руси», А. Поппе (Польша). «Начало Софии Киевской».

В 1964—1965 гг. сотрудниками группы проводились следующие полевые исследования: в 1964 г. Галицко-Волынская архитектурно-археологическая экспедиция (начальник М. К. Каргер) завершила раскопки городища древнего Изяслава, начатые в 1957 г. На территории городища, вскрытого полностью (36 тыс. кв. м), исследованы оборонительные сооружения, остатки жилых и хозяйственных комплексов, во время раскопок выяснена трагическая картина гибели древнерусского городка от татаро-монгольского нашествия в середине XIII в. В 1964—1965 гг. экспедиция исследовала новые памятники древнерусского зодчества XII в. в г. Полоцке (завершены работы на территории Спасо-Ефросиньевского монастыря и частично вскрыт храм в Бельчицах) и г. Новогрудке (под Борисоглебской церковью XVI в.). В 1965 г. продолжались работы Новогрудской экспедиции (начальник Ф. Д. Гуревич). На окольном городе вскрыта площадь около 200 кв. м. с остатками глинобитных и деревянных

построек XI—начала XII в. Большой интерес представляет открытие в окольном городе могильника конца XI в. В курганной группе под Новогрудком вскрыто семь курганов X—XI вв. П. А. Раппопорт в 1965 г. исследовал оборонительные сооружения на территории Буковины, а также остатки трех жилищ XI в. близ городища у с. Острожец под Луцком. Продолжались раскопки на Малом Торопецком городище (начальник М. В. Малевская). На площади 100 кв. м (в южной части раскопа 1960—1961 гг.) были вскрыты деревянные сооружения еще четырех строительных горизонтов (6—9), относящихся к первой половине XII в. Отряд работал совместно с Горьковским государственным университетом.

В 1964—1965 гг. сданы в печать следующие монографии: М. К. Каргер «Древнерусский город Переяславль», П. Н. Третьяков «Финно-угры, балты и славяне на заре истории», П. А. Раппопорт «Военное зодчество западнорусских земель X—XIV вв.», А. Н. Кирпичников «Русское оружие X—XIII вв.» (два выпуска «Свода археологических источников»). Вышли из печати книги сотрудников группы: М. К. Каргер «Зодчество древнего Смоленска XII—XIII вв.» и «Древнерусская монументальная живопись XI—XIV вв.»; П. А. Раппопорт «Древние русские крепости».

О. В. Овсянников

—

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

вып. 101—109

СОДЕРЖАНИЕ

Вып. 101

І. ИТОГИ И ЗАДАЧИ

В. М. Массон. Традиции коллективных погребений в энеолите Средней Азии, Афганистана и Индии	3
И. И. Артеменко. Верхнее Поднепровье в эпоху позднего неолита и бронзы	9
Г. А. Максименков. Новые данные об эпохе бронзы в Минусинской котловине	19
В. И. Цалкин. Некоторые итоги изучения костных остатков животных из раскопок археологических памятников позднего бронзового века	24

ІІ. ДОКЛАДЫ И ДИСКУССИИ

В. Д. Булько. О жилищах Бердыжской палеолитической стоянки	31
Л. П. Хлобыстин. О древнем культе нерпы на Байкале	35
И. Н. Хлопин. Псевдоубейдская орнаментация керамики в Южной Туркмении	38
М. Ф. Косарев. О некоторых обских орнаментах	44
Е. Е. Кузьмина. Топорик из Пуль-и-Хатун и вопрос о связях Южной Туркмении с Ираном в III тыс. до н. э.	49
П. М. Кожин. О технике выделки фатьяновской керамики	53
С. В. Зотова. О сибирских культах сейминско-турбинского типа	59

ІІІ. ПОЛЕВЫЕ И ЛАБОРАТОРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Г. В. Григорьева. Новая палеолитическая стоянка Кокорево VI на р. Енисей	64
Э. А. Абрамова. Палеолитическая стоянка Дружиниха на Енисее	69
Н. Д. Праслов. Работы по исследованию палеолитических памятников в Приазовье и на Кубани в 1963 г.	74
И. И. Коробков. Новая находка ручного рубила на Яштухе	77
Л. В. Кольцов. Бутовская мезолитическая стоянка	81
Г. Н. Матюшин. Неолитическая стоянка. Янгелька на озере Чабаркуль	86
Г. И. Андреев, Ю. М. Фомин. Археологические разведки по среднему течению р. Подкаменная Тунгуска	94
Г. И. Андреев, П. П. Пашкин. Первые археологические находки в бассейне верхнего течения р. Чуни	99
А. А. Формозов, Е. Н. Черных. Новые поселения майкопской культуры в Прикубанье	102
И. И. Артеменко. Неолитическое поселение в урочище Сосонка	111
Э. Б. Вадецкая. Афанасьевский могильник на речке Черновой	116
Н. А. Кирьянова. Фатьяновский могильник у с. Ильинско-Хованское	121
О. С. Гадзяцкая. Фатьяновский могильник у дер. Кривцово	126
М. Г. Мошкова, Э. А. Федорова-Давыдова. Погребения эпохи бронзы Ново-Кумакского могильника	135

ІV. ХРОНИКА

О работе сектора неолита и бронзы	142
---	-----

Вып. 102.

І. ДОКЛАДЫ И ДИСКУССИИ

А. Ф. Медведев. Из истории сложного лука	3
Э. А. Симонович. Стекланные кубки III—IV вв. н. э. из Журавки	8

II. ПОЛЕВЫЕ И ЛАБОРАТОРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А. П. Смирнов. Ранние находки на Болгарском городище «Хулаш»	13
И. Т. Черняков. Новые находки памятников сабастиновского типа в северо-западном Причерноморье	18
О. В. Овсянников, Г. В. Григорьев. Железоплавильный горн на стоянке Ольский мыс	22
А. И. Пузикова. Два кургана из могильника скифского времени у с. Русская Тростянка	24
А. В. Куза. Зарубинецкое поселение около Житомира	34
М. А. Романовская. Раскопки в Бранештах в 1962 г.	37
В. Б. Никитина. Вновь открытые памятники поморской культуры	43
М. А. Тихонова. Днестровско-Волынская экспедиция 1960—1961 гг.	48
В. В. Кропоткин. Археологические раскопки в Кировоградской области в 1961 г.	57
И. С. Винокур, М. И. Островский. Раскопки Раковецкого могильника в 1962 г.	64
В. В. Седов. Городище Церковище	70
Т. Н. Никольская. Археологические раскопки в Калужской области в 1961—1962 гг.	75
Г. П. Латышева, И. Г. Розенфельдт. Раскопки Барвихинского городища	82
К. А. Смирнов. Новые городища дьякова типа в бассейне реки Москвы	90
Ю. А. Краснов. Раскопки на Успенском городище в 1961—1962 гг.	98
Р. Л. Розенфельдт. Разведки и раскопки дьяковских городищ в Подмосковье в 1960—1963 гг.	104
Л. Я. Крижевская. Поселение эпохи раннего железа на озере Чебркуль	114
Н. Л. Членова. Тагарский курган на р. Изыкчуль	119
М. Н. Пшеницына. Новый тип памятников III—II вв. до н. э. на Енисее	127
В. А. Могильников. Работы Иртышского отряда в 1962 г.	135

III. ХРОНИКА

Объединенная сессия отделения исторических наук АН СССР и отделения общественных наук АН БССР (И. И. Артеменко)	142
Сектор скифо-сарматской археологии в 1963 г. (И. С. Каменецкий)	150
О работе группы финно-угорской археологии за 1962—1963 гг. (К. А. Смирнов)	153

Вып. 103

I. ИТОГИ И ЗАДАЧИ

И. Т. Кругликова. Боспор III—IV вв. н. э. в свете новых археологических исследований	3
--	---

II. ДОКЛАДЫ И ДИСКУССИИ

М. Н. Погребова. Несколько иранских кинжалов на Кавказе	11
И. Т. Черняков. О так называемом навершии из Краснояцкого клада поздней бронзы	19
М. И. Максимова. Миф о похищении Ганимеда в передаче боспорского мастера	23
В. Ф. Гайдукевич. Мирмекийские зольники-эсхары	28
Е. Г. Кастанаян. Три неизданные ольвийские надписи из собрания Государственного Эрмитажа	38
И. Г. Шургая. К вопросу о пергамском импорте на Боспоре во II в. до н. э.	41

III. ПОЛЕВЫЕ И ЛАБОРАТОРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

С. И. Капошина. Итоги работ Кобяковской экспедиции	45
А. Н. Мелентьев. Курганы эпохи бронзы в нижнем Подонье	53
Э. С. Шарфутдинова. Литейная форма Кобяковского поселения эпохи поздней бронзы	58
А. М. Лесков. Новая мастерская литейщика эпохи поздней бронзы на Херсонщине	63
В. И. Козенкова. Исследование Сержень-Юртовского поселения в 1963 г.	67
А. Л. Никитин, В. И. Левин. Раскопки погребений в каменных ящиках у с. Алчедар в 1963 г.	75
А. Н. Карасев, Е. И. Леви. Работы Ольвийской экспедиции в 1960—1962 гг.	80
И. Б. Брашинский. Раскопки в районе теменоса Ольвии в 1960—1962 гг.	94
В. П. Пругло. Литейная форма из Мирмекия	104
Н. И. Сокольский. Раскопки в Кехах в 1962 г.	108
Б. Г. Петерс. Раскопки городища у с. Михайловка в 1963 г.	119
Н. А. Онайко. О раскопках Раевского городища	125

А. Н. Карасев. Раскопки городища у санатория «Чайка» близ Евпатории в 1963 г.	131
А. Н. Щеглов. Тарханкутская экспедиция в 1962—1963 гг.	140
О. Д. Дашевская. Разведки в северо-западном Крыму в 1961—1963 гг.	148
К. К. Шилик. Опыт применения метода электропрофилирования при археологических работах	153

IV. ХРОНИКА

Работа сектора античной археологии в 1963 г. (А. И. Болтунова)	157
Группа античной археологии ЛОИА в 1962—1963 гг. (Е. Г. Кастанаян)	161

Вып. 104

I. ДОКЛАДЫ И ДИСКУССИИ

В. В. Седов. Из истории восточнославянского расселения	3
Л. А. Голубева. О дате поселения Веси на Белом озере	12
Н. Н. Воронин. Памятник смоленского искусства XII в.	18
Е. Г. Шейнина. Методика снятия стенных росписей храма XII в. в Смоленске	33
В. П. Даркевич. Гемма из Смоленска	38
А. В. Гадло. Глиняная статуэтка в собрании Новочеркасского музея	41
Г. Ф. Корзухина. Находка на Рюриковом городище под Новгородом	45
Ю. А. Щапова. Стекланные браслеты Полоцкой земли	47

II. ПОЛЕВЫЕ И ЛАБОРАТОРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

И. П. Русанова. Работы в зоне затопления Житомирской ГЭС	50
С. А. Плетнева, Т. И. Макарова. Южное городище у с. Витачева	54
И. Б. Зеест, А. П. Якобсон. Раскопки в Керчи в 1963 г.	62
Т. И. Макарова. Средневековый Корчев (по раскопкам 1963 г. в Керчи)	70
Ф. Д. Гуревич. Сельское хозяйство и промыслы древнерусского Новогрудка	77
М. В. Малевская. О датировке нижнего горизонта Новогрудка	85
И. Д. Зильманович. Раскопки в детинце Новогрудка в 1962 г.	93
К. В. Павлова. Раскопки могильника близ Новогрудка	99
М. В. Седова. Археологические работы во Владимирской области в 1962 г.	106
Е. А. Халикова. Археологические исследования в Куйбышевском районе ТАССР в 1961 г.	110
А. В. Куза, А. Л. Никитин. Славянский могильник в пос. Купанское близ Переславля-Залесского	117
С. С. Ширинский. Курганы XI—XII вв. у дер. Глыбов	121
Г. А. Авдусина, П. И. Засурцев. Раскопки из древней Ильиной улице в Новгороде в 1962—1963 гг.	124
О. В. Овсянников. Емезкий городок	135
А. В. Никитин. Крепость Халезец и Кич-городок	139
Г. А. Вознесенская. Стальные ножи древнего Любеча	146

III. ХРОНИКА

Сектор славяно-русской археологии ИА АН СССР в 1963 г. (А. К. Амброз)	150
Группа славяно-русской археологии ЛОИА в 1963 г. (М. В. Малевская)	153

Вып. 105

I. ИТОГИ И ЗАДАЧИ

Т. С. Пассек. История племен в V—III тысячелетиях до н. э. на территории Молдавии	3
Н. Я. Мерперт. О связях Северного Причерноморья и Балкан в раннем бронзовом веке	10
Г. Б. Федоров. Итоги и задачи изучения древнеславянской культуры Юго-Запада СССР	21

II. ДОКЛАДЫ И ДИСКУССИИ

А. И. Мелюкова. Скифские элементы в гетской культуре	32
Э. А. Рикман, И. А. Рафалович. К вопросу о соотношении черняховской и раннеславянской культур в Днестровско-Дунайском междуречье	42
М. С. Великанова. К этнической антропологии Прутско-Днестровского междуречья в I тысячелетии н. э.	59
П. П. Бырня. Северо-западный путь заселения территории Молдавии восточно-романским населением	68
Л. Д. Полевой. Происхождение молдавской денежной системы (XIV в.)	75

III. ПОЛЕВЫЕ И ЛАБОРАТОРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Н. А. Кетрару. Палеолитическая стоянка в гроте Старые Дуруиторы	79
В. И. Маркевич. Исследования неолита на Среднем Днестре	85
Т. Г. Мовша. Многослойное трипольское поселение Солончены II	91
Г. Ф. Чботаренко. Могильник эпохи бронзы у с. Калфа на Днестре	101
Г. И. Смирнова. Раннеголиградский комплекс Магалы	109
Л. И. Крушельницкая. Кельтский памятник в Верхнем Поднестровье	119
И. А. Рафалович. Раннеславянское селище Хуча VI—VII вв.	123
В. А. Войцеховский. Крепость в Сороках	129

IV. ХРОНИКА

Первый симпозиум по археологии и этнографии Юго-Запада СССР (В. С. Бей- лекчи)	132
---	-----

Вып. 106

I. СТАТЬИ И ДИСКУССИИ

Г. Ил. Георгиев. Многослойное поселение Азмашка могила близ Старой За- горы (Болгария)	3
В. П. Третьяков. К вопросу о памятниках льяловского типа в Волго-Окском междуречье	11
О. С. Гадзяцкая. Костяные изделия стоянки Сахтыш II	16
М. Ф. Косарев. Орнаменты на днищах сосудов бронзового века в низовьях р. Томи	27

II. ПОЛЕВЫЕ И ЛАБОРАТОРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Н. Н. Гурина. Исследование древних шахт по добыче кремня в Белоруссии	31
И. И. Артеменко, И. М. Тюрина. Неолитическое поселение в урочище Стрелица (раскопки 1963—1964 гг.)	38
В. Ф. Генинг, А. Я. Крижевская. Новые неолитические памятники на р. Ишме	44
Л. П. Хлобыстин, Я. А. Шер. Неолитическое погребение близ дер. Байка- лово на Енисее	51
Д. А. Крайнов. Олочинский и Таскаинский могильники фатьяновской культуры	55
Е. Н. Черных. Первые спектральные исследования меди днепродонецкой куль- туры	66
Т. Н. Чубинишвили. Некоторые итоги раскопок Амиранис-Гора (Южная Грузия)	69
Р. М. Мунчаев, В. И. Сарияниди. Исследование Бамутского курганного могильника в 1963 г.	74
В. И. Козенкова, Е. И. Крупнов. Исследования Сержень-Юртовского посе- ления (по раскопкам 1964 г.)	81
В. П. Шилов. Погребение литейщика катакомбной культуры в Нижнем Повол- жье	88
А. Н. Мелентьев. Раскопки курганов эпохи бронзы под Новочеркасском в 1962 г.	92
И. Т. Черняков. Слой поздней бронзы Болградского поселения (по раскопкам 1961—1963 гг.)	99
Г. И. Андреев, Ю. М. Фомин. Новые археологические памятники на р. Подкаменная Тунгуска	106
Г. И. Андреев. Археологические находки около поселка Краскино	111

III. ХРОНИКА

Работа сектора неолита и бронзы в 1964 г.	115
Всесоюзное совещание по вопросам андроновской культуры	118
Список сокращений	121

Вып. 107

I. ДОКЛАДЫ И ДИСКУССИИ

Д. А. Мачинский. К вопросу о происхождении зарубинецкой культуры	3
Т. Н. Никольская. К этнической истории бассейна Верхней Оки	9
Ю. А. Краснов. Из истории железных серпов в лесной полосе Европейской части СССР	17
А. Д. Грач. Новое о добывании огня, происхождении и семантике циркульного орнамента	28

II. ПОЛЕВЫЕ И ЛАБОРАТОРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

К. Ф. Смирнов. Сарматские погребения в бассейне р. Кинделя Оренбургской области	33
М. Г. Мошкова. Работы Казахстанского отряда Южноуральской экспедиции в 1964 г.	44
Н. Л. Членова. Первые комплексы раннескифского времени из Тувы	47
Я. И. Сунчугашев. Памятники древней металлургии меди в Хову-Аксы	54
Я. А. Шер, А. М. Прокофьева. Каменка I — могильник начала тагарской культуры на Енисее (предварительное сообщение)	57
М. П. Грязнов, М. Н. Пшеницына. Курганы IV—III вв. до н. э. на оз. Сарагаш	62
М. А. Дэвлет. Бронзовые бляшки в форме сложного лука из Хакасии	70
Х. И. Крис. Таврские каменные ящики у Гаспры	75
А. И. Пузикова. Новые курганы скифского времени в Белградской области	80
Д. Б. Шелов. Нижне-Донская экспедиция в 1962—1963 гг.	92
Л. В. Артишевская. Северное Долбатовское городище юновской культуры	99
А. Ф. Дубынин, И. Г. Розенфельдт. Раскопки Щербинского городища в Московской области в 1963 г.	103
Ю. В. Кухаренко. Из разведок в Полесье	111
Э. А. Симонович. Погребение I—II вв. н. э. в с. Могильно в Подолии.	114
Э. А. Симонович. Гончарная мастерская III—IV вв. н. э. в Журавке	117
А. К. Абетеков. Расписная керамика в курганах ранних кочевников в долине р. Чу	122
Л. В. Ефимова. Ткани из финно-угорских могильников I тысячелетия н. э.	127

III. ХРОНИКА

Работа сектора скифо-сарматской археологии в 1964 г. (И. С. Камеицкий)	135
--	-----

Вып. 108

Александр Александрович Иессен (Е. И. Крупнов, Р. М. Мунчаев)	3
---	---

I. ИТОГИ И ЗАДАЧИ

К. Х. Кушнарера, А. Л. Якобсон. Основные проблемы и итоги работ Азербайджанской экспедиции	6
--	---

II. ДОКЛАДЫ И ДИСКУССИИ

А. А. Бобринский, Р. М. Мунчаев. Из древнейшей истории гончарного круга на Северном Кавказе	14
В. А. Сафронов. О датировке рутхинского погребального комплекса северокавказской культуры	23
М. И. Грязнов. О чернолощеной керамике Кавказа, Казахстана и Сибири в эпоху поздней бронзы	31
Ю. А. Заднепровский. Неолит центральной Ферганы	35
В. М. Массон. К эволюции оборонительных стен оседлых поселений	39
И. Н. Хлопин. Орнаментальный геоксюрский крест	45

III. ПОЛЕВЫЕ И ЛАБОРАТОРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

В. П. Любин. Энеолитический комплекс из грота Шау-Легет (Северная Осетия)	49
М. Г. Гаджиев. Новые данные о южных связях Дагестана в IV—III тысячелетиях до н. э.	55
В. А. Кузнецов. Древние выработки медной руды в верховьях р. Большой Зеленчук	62
Д. М. Атаев и К. Х. Кушнарера. Два поселения в урочище Чинна (Горный Дагестан)	68
В. И. Козенкова. Антропоморфные статуэтки из Сержень-Юрта	74
Г. П. Кесаманлы. Медные котлы эпохи поздней бронзы из Азербайджана	79
И. Т. Кругликова. Раскопки Горгиппии	82
В. И. Сариниди. Раскопки в юго-восточных Каракумах в 1964 г.	89
Г. Н. Лисицына. Изучение геоксюрской оросительной сети в южной Туркмении в 1964 г.	96
Д. Н. Лев. Погребение бронзовой эпохи близ г. Самарканда	101
А. М. Мендельштам. Погребения срубной культуры в южной Туркмении	105
К. Качурис. К изучению Овлиядепинского оазиса в нижнем течении р. Теджена	109

Г. А. Брыкина. Раскопки замка в Карабулаке в 1964 г.	116
Е. Н. Черных. О химическом составе металла клада из Сосновой Мазы . . .	123
Н. Я. Мерперт. О луристанских элементах в кладе из Сосновой Мазы . . .	132

IV. ХРОНИКА

Сектор Средней Азии и Кавказа в 1963 и 1964 гг. (И. Б. Бентович)	135
--	-----

Вып. 109

I. ИТОГИ И ЗАДАЧИ

- И. Т. Кругликова. Роль земледелия в античных государствах Северного Причерноморья в ранний период их существования
- И. Б. Зеест. Задачи исследования массового античного керамического материала

II. ДОКЛАДЫ И ДИСКУССИИ

- В. Ф. Гайдукевич. Новые данные по Боспорской керамической эпиграфике
- И. Б. Брашинский. Новые данные о торговле Ольвии с Самосом
- Т. Н. Книпович. Неизданные надписи из раскопок Ольвии
- Е. И. Леви. Новая ольвийская проксения
- А. И. Болтунова. Античная надпись из раскопок Корчева
- И. Г. Шургая. К вопросу об отражении александрийского импорта в керамическом производстве Ольвии
- В. И. Пругло. Синопские амфорные клейма из Мимекия
- И. Б. Брашинский. Еще раз об афинском декрете 323—322 г. до н. э.
- Н. А. Онайко. Варварские подражания римским денариям из раскопок Раевского городища

III. ПОЛЕВЫЕ И ЛАБОРАТОРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- А. И. Мелюкова. Поселение IV—III вв. до н. э. у с. Николаевка, Одесской области
- О. Д. Дашевская. Раскопки Южно-Донузлавского городища в 1963—1965 гг.
- В. Д. Блаватский, Б. Г. Петерс. Подводные археологические работы в районе Евпатории
- И. Д. Марченко. Раскопки здания II в. до н. э. в Пантикапее в 1963—1965 гг.
- Д. Б. Шелов. Раскопки Танаиса в 1964—1965 гг.
- Э. Я. Николаева. Раскопки городища Кепы в 1964 г.
- Н. П. Сорокина. Раскопки некрополя Кеп в 1962—1964 гг.
- Н. И. Сокольский. Крепость на городище Батарейка II
- В. С. Долгоруков. Позднеантичное поселение на городище Батарейка II
- М. М. Кобылина. Раскопки юго-восточного района Фанагории в 1964 г.
- А. К. Коровина. Раскопки некрополя Фанагории в 1964 г.
- Г. А. Цветаева. Раскопки некрополя Горгиппии в 1964 г.
- Т. М. Смирнова. Поселение римского времени близ Керчи
- В. Ф. Петрунь. К методике изучения петрографии строительного камня античных городов Северного Причерноморья

IV. ХРОНИКА

- Работа сектора античной археологии в 1964 г. (Н. А. Онайко)
- Работа группы античной археологии ЛОИА в 1964 г. (Е. Г. Кастанаян)

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АП	— Археологічні пам'ятки АН УРСР
АС	— Археологический съезд
ВУАК	— Всеукраїнський археологічний Комітет
ГИМ	— Государственный исторический музей
ЗРАО	— Записки Русского археологического общества
ЖМНП	— Журнал Министерства Народного просвещения
ИА	— Институт археологии АН СССР
ИАК	— Известия Археологической Комиссии
ИГАИМК	— Известия Государственной Академии истории материальной культуры
ИЗ	— Исторические записки
ИОЛЕА	— Известия общества любителей естествознания и антропологии
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
ЛОИА	— Ленинградское отделение Института археологии
МАВГ	— Материалы по археологии Восточных губерний
МАР	— Материалы по археологии России
МГУ	— Московский Государственный Университет
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
МИРМ	— Музей истории и реконструкции Москвы
ОАК	— Отчеты Археологической Комиссии
РИБ	— Русская историческая библиотека
ЧИОНЛ	— Чтения в историческом обществе Нестора летописца
ЦНРМ	— Центральные научно-реставрационные мастерские
СА	— Советская археология
САИ	— Свод археологических источников
СЭ	— Советская этнография

СОДЕРЖАНИЕ

I. ДОКЛАДЫ И ДИСКУССИИ

П. А. Раппопорт. О типологии древнерусских поселений	3
Г. Ф. Соловьева. О восточной границе дреговичей	10
Ф. Д. Гуревич. Ювелиры древнего Новогрудка	14
В. П. Даркевич. Костяная пластинка из Новгорода	21
О. В. Овсянников. Красные печные изразцы из древних Холмогор	24

II. ПОЛЕВЫЕ И ЛАБОРАТОРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

И. К. Фролов. Поселение Тетеревка I (VII—VIII вв.)	30
К. В. Павлова. Могильник на территории окольного города древнего Новогрудка	36
В. П. Воробьев, С. С. Ширинский. Городище и курганы X—XII вв. у дер. Избрижье	40
И. П. Русанова. Курганы XI—XII вв. у с. Буки Житомирской области	42
А. А. Юшко. Раскопки кургана XI—XII вв. у с. Покров Московской области	48
М. В. Малевская. Раскопки на Малом Торопецком городище в 1961 г.	54
Т. Н. Никольская, М. Д. Полубояринова. Раскопки древнерусских городищ Орловской области	63
А. Ф. Медведев. Первые раскопки в Городце на Волге	73
В. Ф. Черников. Крепость «Оленья гора» близ г. Лысково на Волге	86
Л. А. Голубева. Раскопки древнего Белоозера в 1961—1962 гг.	92
Б. А. Тимошук. Оборонительный вал XII—XIII вв. Ленковецкого городища	98
Л. П. Гуссаковский. Древнерусский город Орлов	102
Р. Л. Розенфельдт. Григоровские курганы XII—XIII вв.	106
Д. А. Белевская, А. Ф. Дубынин. Работы на территории Китай-города (Москва) в 1964—1965 гг.	110
А. В. Никитин. Городище в г. Устюжне	114
Д. А. Белевская. Остатки металлургического производства в Белом городе (Москва)	119
Г. А. Вознесенская. Металлографическое исследование кузнечных изделий из раннеславянских памятников	124
Н. Б. Черных. Дендрохронология построек древнего Смоленска	129

III. ХРОНИКА

Работа сектора славяно-русской археологии в 1964 и 1965 гг. (А. К. Амброз)	136
Работа сектора славяно-русской археологии ЛОИА в 1964—1965 гг. (О. В. Овсянников)	141

Славяно-русские древности

КСИА, № 110

*Утверждено к печати Институтом археологии
Академии наук СССР*

Редактор Э. Ф. Петров

Редактор издательства Г. В. Моисеенко

Технический редактор В. В. Волкова

Сдано в набор 28.X 1966 г. Подписано к печати 19/I 1967 г.
Формат $70 \times 108^{1/16}$. Усл. печ. л. 13,3. Уч.-изд. л. 11,7. Бу-
мага типографская № 1. Тираж 2200. Тип. вак. 1308. Т-00941.

Цена 74 к.

Издательство „Наука“

Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

1-я тип. издательства „Наука“

Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12